ISSN 2073-6398

ВЕСТНИК РГГУ

Серия
«Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

"Psychology. Pedagogics. Education"
Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

2
2021

VESTNIK RGGU. Seriya “Psihologiya. Pedagogika. Obrazovanie”

RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series

Academic Journal
There are 4 issues of the magazine a year.
Founder and Publisher Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the Higher Attestation Commission list of leading scientific magazines and other editions for publishing PhD research findings.
Peer-reviewed publications fall within the following research area:

13.00.00 Pedagogy:

13.00.01 General pedagogy, History of pedagogy and education
19.00.00 Psychology:

19.00.01 General psychology, Personality psychology, History of psychology
19.00.05 Social Psychology
19.00.13 Developmental psychology, Acmeology

The aims and problem areas: The interdisciplinary scientific journal “Psychology. Pedagogics. Education” publishes original articles in various fields of psychology and education. The aim of the journal is to publish interdisciplinary works devoted to contemporary problems of psychological science, which are considered from different perspectives and in different paradigms. Along with articles by leading domestic and foreign scientists, the journal publishes the works of young, novice researchers. The content of the journal includes methodological works and empirical and experimental studies, as well as materials describing modern research tools.

Tasks of the magazine: Presentation of both new, relevant theoretical and empirical studies, as well as works revealing the development trends of classical psychological concepts;
to promote the integration of academic and university science;
stimulate the transition of scientific achievements of domestic and foreign researchers and scientists of different generations.

The journal publishes articles in Russian and English.

RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series
is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61884 of 25.05.2015.
Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73401 of 03.08.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125993
tel: 8 (499) 973 44 33
e-mail: ip@rggu.ru

© RSUH/RGGU BULLETIN. “Psychology. Pedagogics. Education” Series, 2021

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

13.00.00 Педагогика:

13.00.01 Общая педагогика, история педагогики и образования

19.00.00 Психология:

19.00.01 Общая психология, психология личности, история психологии

19.00.05 Социальная психология

19.00.13 Психология развития, акмеология

Цели и область: Междисциплинарный научный журнал «Психология. Педагогика. Образование» печатает оригинальные статьи по различным отраслям психологии и образования. Целью журнала является публикация междисциплинарных исследований, посвященных современным проблемам психологической науки, которые рассматриваются с разных позиций и в разных парадигмах. Одновременно со статьями ведущих отечественных и зарубежных ученых, в журнале публикуются и работы молодых, начинающих исследователей. Содержание журнала включает как методологические работы, так и эмпирические и экспериментальные исследования, а также материалы, описывающие современный исследовательский инструментарий.

Задачи журнала: Представление как новых, актуальных теоретических и эмпирических исследований, так и работ, раскрывающих тенденции развития классических психологических концепций;

Способствовать развитию интеграции академической и вузовской науки;

Стимулировать трансляцию научных достижений отечественных и зарубежных исследователей и ученых разных поколений.

Журнал публикует статьи на русском и английском языках.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61884 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73401 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: 125993, Москва, Миусская пл., 6

Тел: 8 (499) 973 44 33

Электронный адрес: ip@rggu.ru

© Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование», 2021

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

T.D. Martsinkovskaya, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

V.R. Orestova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation *(deputy editor-in-chief)*

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation *(release officer)*

T.M. Marutina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

E.A. Kiseleva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

D.A. Choroshilov, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.S. Neluibina, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.G. Asmolov, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

M.S. Guseltseva, Dr. of Sci. (Psychology), professor, PI RAO, Moscow, Russian Federation

N.V. Grishina, Dr. of Sci. (Psychology), professor, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

E.A. Serguenko, Dr. of Sci. (Psychology), professor, IP RAN, Moscow, Russian Federation

W. Sommer, Ph.D., professor, Humboldt University, Berlin, Germany

M. Cole, Ph.D., professor, University of California, San Diego, USA

D. Verch, Ph.D., professor, University of Washington, St. Louis, USA

P. Steiner, Ph.D., professor, University of Pennsylvania, Philadelphia, USA

A. Vio, Ph.D., professor, National Center for Scientific Research, Bordeaux, France

M. Denn, Ph.D., professor, Michel Montaigne University, Bordeaux, France

Executive editor

O.V. Gavrichenko, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Т.Д. Марцинковская, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

В.Р. Орестова, доктор психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация *(заместитель главного редактора)*

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация *(ответственный секретарь)*

Т.М. Марютина, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Е.А. Киселева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д.А. Хорошилов, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.С. Нелюбина, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.Г. Асмолов, доктор психологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская федерация

М.С. Гусельцева, доктор психологических наук, Психологический институт РАО, Москва, Российская Федерация

Н.В. Гришина, доктор психологических наук, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Е.А. Сергиенко, доктор психологических наук, ИП РАН, Москва, Российская Федерация

В. Зоммер, Ph.D., профессор, университет Гумбольдта, Берлин, Германия.

М. Коул, Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Сан-Диего, США

Д. Верч, Ph.D., профессор, Вашингтонский университет, Сент-Луис, США

П. Штайнер, Ph.D., профессор, Университет Пенсильвании, Филадельфия, США

А. Вио, Ph.D., профессор, Национальный центр научных исследований, Бордо, Франция

М. Денн, Ph.D., профессор, Университет им. Мишеля Монтеня, Бордо, Франция

Ответственный за выпуск

О.В. Гавриченко, кандидат психологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Contents

From the editor 8

In memory of Sergei Alekseevich Titov 10

Thematic reports

Marina S. Guseltseva
The problem of man in Russian psychology and beyond 72

Oksana V. Baskaeva
The main directions of sibling research 96

Nina A. Pasternak
Theory and practice in the study of the time perspective of personality: the ability to act "in the mind"
Ya.A. Ponomarev 116

Empirical research

Natal'ya V. Yakovleva, Andrei V. Varlamov
Distortions in a person's body perception after performing dynamic tasks in virtual reality 130

Margarita K. Akimova, Svetlana V. Persiyantseva
The relationship of trust with indicators of civic position 147

Содержание

От редактора 8

Памяти Сергея Алексеевича Титова 10

Тематические сообщения

М.С. Гусельцева
Проблема человека в российской психологии
и за ее пределами 72

О.В. Баскаева
Основные направления сиблинговых исследований 96

Н.А. Пастернак
Теория и практика при исследовании временной
перспективы личности: способность действовать
«в уме» Я.А. Пономарева 116

Эмпирические исследования

Н.В. Яковлева, А.В. Варламов
Искажения в восприятии человеком собственного тела
после выполнения подвижных заданий
в виртуальной реальности 130

М.К. Акимова, С.В. Персиянцева
Взаимосвязь доверительных отношений с показателями
гражданской позиции 147

От редактора

Дорогие коллеги, представляя второй номер нашего Вестника, прежде всего, хочу обратить ваше внимание на материал памяти нашего замечательного профессора Сергея Алексеевича Титова. К несчастью, ковид оборвал его плодотворную деятельность. Мы постарались собрать в этом номере разные материалы – это воспоминания его друзей и учеников, его текст и его публикации. И, конечно, фотографии, которые хранят воспоминания о его разносторонних интересах.

Содержание традиционных разделов журнала крайне разнообразно. В тематических сообщениях представлен анализ подходов к антропологической проблеме в психологии и смежных науках. Особенно важной проблема человека стала, как справедливо подчеркивает М.С. Гусельцева, для отечественной психологии и гуманитарной науки, что обусловлено спецификой становления психологического знания в России.

Интересный обзор исследований, посвященный психологии сиблингов, сделанный О.В. Баскаевой, поможет узнать историю становления той проблемы, а также некоторые современные аспекты исследования психологии сиблинговых отношений.

Не менее значим для психологической теории и подход Я.А. Пономарева к вопросу развития психики. Ценность материала, представленного Н.А. Пастернак в том, что он раскрывает весь спектр взглядов Пономарева на способность «действовать в уме» не только с точки зрения творчества, но и с позиции временной перспективы. При этом теоретические взгляды Пономарева иллюстрируются эмпирическим материалом.

В разделе эмпирических исследований опубликована статья Н.В. Яковлевой и А.В. Варламова, посвященная новой, очень актуальной и пока еще малоизученной теме виртуальной реальности. Работы со шлемом и другой аппаратурой, позволяющей участникам исследования погрузиться в искусственно созданную среду, открывают широкие возможности перед психологией телесности, что и показано в данной работе.

Не менее актуальной на сегодняшний день является и проблема гражданственной позиции, поднятая в статье М.К. Акимовой и С.В. Персиянцевой. Особенно важным представляется то, что авторы связывают гражданскую позицию с доверительными отношениями, которые подразумевают понимание индивидуальных особенностей людей.

From the editor

Dear colleagues, I am glad to present the second issue of our Bulletin. And first of all, I would like to draw your attention to the material in memory of our wonderful professor Sergei Alekseevich Titov. Unfortunately, the Covid-19 stopped his fruitful activities. We tried to collect various materials in this issue - these are the reminiscences of his friends and students, his text and his publications. And, of course, photographs that keep memories of his many-sided interests.

The content of the traditional topics of the magazine is extremely diverse. Thematic reports provide an analysis of approaches to the anthropological problem in psychology and related sciences. As M.S. Guseltseva rightly emphasizes, the problem of human being has become especially important for Russian psychology and humanities, which is due to the specifics of the formation of psychological knowledge in Russia.

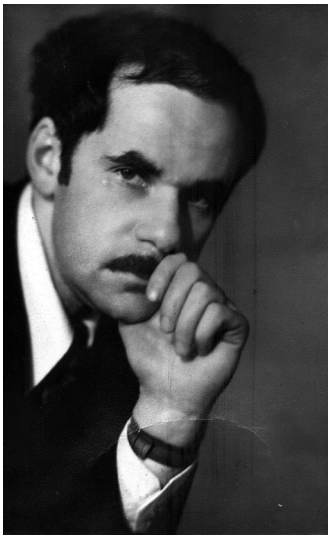
An interesting review of researches on sibling psychology by O.V. Baskaeva, will help to learn the history of the development of that problem, as well as some modern aspects of the study of the psychology of sibling relationships.

The approach of Ya.A. Ponomarev to the problem of the psyche's formation is very remarkable for the modern psychology. The value of the material presented by N. A. Pasternak is that it reveals the entire spectrum of Ponomarev's views on the ability to "act in the mind". It is shown not only from the point of view of creativity, but also from the view of a time perspective. In the article Ponomarev's theoretical views are illustrated by an empirical material.

In the sector of empirical research is published the article by N.V. Yakovleva and A.V. Varlamov, dedicated to a new, very relevant and still poorly studied topic of virtual reality. Working with a helmet and other equipment, which allows research participants to immerse themselves in an artificially created environment, open up wide opportunities for the psychology of corporeality, which is shown in this work.

The problem of civic position, raised in the article by M.K. Akimova and S.V. Persiyantseva, is also very significant for nowadays. It is especially important that the authors associate a civic position with a trusting relationship, which implies an understanding of the individual characteristics of people.

Памяти Сергея Алексеевича Титова



Как и всем, близко и не очень близко знавшим Сергея Алексеевича Титова, мне очень трудно писать о нем в прошедшем времени. Он был таким живым, таким ярким, неординарным человеком, был ЛИЧНОСТЬЮ!!! Известие о его смерти стало шоком для всех, образовалась пустота и на кафедре, и в институте, и в кругу друзей и учеников. Конечно, можно говорить о том, что человек жив, пока живы его вклады в других. Вклады Сережи во всех нас огромны, поэтому он будет с нами еще долго-долго. Но все равно не хватает его ироничной улыбки, его саркастических и всегда точных комментариев, его интересных докладов, которые давали пищу и для размышлений, и для инсайтов в, казалось бы, далеких от его проблематики тем. И его шуток, выступлений на капустниках.

Я познакомилась с С.А. Титовым давно, когда пришла почитать в РГГУ историю психологии по просьбе Г.Г Кравцова. Там была дружная команда знакомых: И.В. Равич-Щербо, Т.М. Марютина, А.М. Прихожан, И.А. Петухова. Именно Ирина Александровна и познакомила меня с С.А. Титовым, с которым давно дружила. Конечно, я, как и все вокруг, была очарована его эрудицией и совершенно особым чувством юмора, мы часто разговаривали и очень жарко спорили по разным вопросам.

Я тогда проработала в РГГУ очень недолго. Когда я спустя длительный период времени вернулась в Институт психологии уже директором, я смогла оценить и другие стороны деятельности, и новые грани личности Сергея Алексеевича. Он был очень ответственным человеком, серьезно относящимся к занятиям и, даже, к «бумажкам», которые, – увы!, – нам приходится делать в огромных количествах. Конечно, он иронизировал по этому поводу, выражал мне недовольство новым учебным планом или программой, и, конечно, был прав. Но при этом понимал, что эти правила игры придумала не я, и старался помочь.

А какие темы для симпозиумов он придумывал, как ярко их проводил! Вообще, старался, несмотря на недомогания, оставать-

ся в центре научной и учебной жизни института. А какие замечательные лекции он читал!!! Я очень жалею, что мы не успели их записать. Они были великолепны, и студенты недаром его так любили.

Конечно, мы все будем помнить С.А. Титова, нашего дорогого Сережу. И постараемся передать будущим студентам не только память, а живое знание, собранное им.

Т.Д. Марцинковская

Воспоминания друзей

Профессор Сергей Алексеевич Титов как теоретик и мыслитель

Дверь была обита видавшим виды и даже кое-где порванным коричневым дерматином. Моя мама изучила многочисленные кнопки звонков по обе стороны двери, нашла фамилию «Титовы» и нажала кнопку. Дверь открыла обаятельная женщина с искрящимися от любопытства глазами. «Вы - Ирина Михайловна?» – спросила мама. «Да, – ответила женщина, – проходите, пожалуйста!» И провела маму в гостиную, а меня в маленькую комнатку, где сидел мальчик примерно моего возраста. Первый его вопрос, после того как мы познакомились, и я сел рядом, был: «Какие виды синиц ты знаешь?» Несколько ошарашенный, я назвал шесть: большую и малую синицу, гаичку, лазоревку, московку и ополовничек. «Ну что ж, не так уж и плохо, – ответил он, – хотя вообще-то их двенадцать».

Так я познакомился с Сергеем Алексеевичем Титовым, одним из самых блестящих умов, которые мне удалось повстречать.

Примерно за неделю до этого, когда моя мама хвасталась на работе моим вторым местом на биологической олимпиаде, одна ее сослуживица рассказала о своей подруге, сын которой, Сережа, тоже интересуется биологией и занимается В КЮБЗе (кружке юных биологов зоопарка). Обсудив это совпадение, она в конце концов предложила нас познакомить. После обмена звонками между моей мамой и Ириной Михайловной, мамой Сережи, мы и оказались перед дверью коммунальной квартиры в доме на Тверской (тогда улице Горького), который потом снесли и на его месте построили гостиницу «Минск», а теперь там отель InterContinetal.

Было нам тогда по 13 лет. По-видимому, во время нашей первой встречи я показался Сереже не безнадежным, и он привел меня в КЮБЗ. Там, однако, мы общались мало, будучи на прямо противоположных этажах кюбзовской иерархии: я был

всего лишь кандидатом в члены кружка, в то время как Сережа входил в главный орган КЮБЗа – Бюро. А спустя несколько месяцев обстоятельства сложились так, что мне пришлось уйти из КЮБЗа, и наше знакомство прервалось.

Мы встретились опять только осенью 1961-го, когда оба поступили на первый курс биофака МГУ, он на физиологическое отделение, а я – на кафедру биофизики, куда был отдельный прием. Узнав друг друга и находясь в одинаковом положении первокурсников, мы быстро сблизились, подружились и не теряли связи уже никогда.

В течение пяти последующих лет нашей с Сергеем учебы на биофаке сформировалось его уникальное научное мировоззрение, в центре которого всегда была теоретическая биология. Эта уникальность состояла в том, что оно сложилось не столько благодаря, сколько вопреки тому, чему нас учили наши замечательные (и не очень) учителя. Отталкиваясь от того, что мы узнавали из лекций, Сергей всегда шел дальше и докапывался до других точек зрения, часто не очень популярных, но от этого не менее убедительных. Благодаря ему я узнал о таких великих книгах, как *«Феномен человека»* Пьера Тейяр де Шардена, *«Теоретическая биология»* Эрвина Бауэра, *«Что такое жизнь?»* Эрвина Шредингера, *«Номогенез»* Льва Берга, *«Теория биологического поля»* Александра Гурвича и многих других. Теперь эти книги более или менее широко известны, но тогда, особенно в Советском Союзе, они были знакомы немногим. К счастью, все они имелись в биофаковской библиотеке, хотя, судя по наклейкам о датах выдачи-возврата, мы были среди очень немногих, кто их читал. К тому же библиотека выписывала Bulletin of Mathematical Biology, а также Journal of Theoretical Biology, который начал выходить раз в квартал в год нашего поступления в МГУ. Мы не пропускали выпуски этих журналов и, по мере освоения нами английского, где Сергей меня постоянно опережал, понимали в них все больше и больше. Именно эти книги и журналы сделали из Сергея ученого, столь глубокого и разностороннего, что он со временем достиг выдающихся успехов в самых разных областях науки.

Особенно Сергей заинтересовался работами Александра Гурвича о биологическом поле и митогенетическом излечении. Он нашел его дочь, Анну Александровну Гурвич, которая заведовала лабораторией митогенеза в Институте экспериментальной биологии и медицины, где продолжала исследования отца. Каждую неделю мы ходили к Анне Александровне в лабораторию и в качестве лаборантов принимали участие в ее исследованиях и организуемых Анной Александровной семинарах. В семинарах

обычно принимали участие приглашенные ученые из других лабораторий и институтов, в частности, эмбриолог Лев Белоусов, внук отца Анны Александровны и ее племянник. Эти семинары были для нас настоящей школой научной дискуссии, логики, аргументации и выстраивания доказательств. Они своим живым обменом мнениями, не ограниченным никакими научными и идеологическими авторитетами, резко отличались от семинаров на биофаке, где «шаг влево или вправо», если и не карался, то уж точно не поощрялся.

Помню, как на одном из семинаров, когда Сергей окончательно «достал» преподавательницу военной паразитологии своими вопросами, она сказала: «Знаете что, Титов? Умный вы очень! У нас на четвертом курсе был один такой умный, так мы его выгнали!» «Что вы говорите?!» – тут же ответил Сергей. – «Всего лишь один умный и того выгнали. Какая незадача!»

Думаю, что семинары и беседы за чаем в лаборатории Анны Александровны оказали не меньшее влияние на формирование Сергея (да и меня) как ученого, чем прочитанные книги и прослушанные лекции.

О работе Сергея Алексеевича после окончания университета я ничего сказать не могу. Хотя он, как и я, остался на факультете, и мы продолжали встречаться практически ежедневно, о его работе мы не разговаривали, поскольку она была под грифом секретности. Знал только, что он работал над проблемами памяти, защитил по этой теме кандидатскую и докторскую диссертации, и что проблемы эти значительно глубже и шире, чем это кажется на первый взгляд. Мы, разумеется, продолжали обсуждать различные аспекты теоретической биологии, но не имели возможности публиковать свои мысли, поскольку самой такой науки в СССР в то время не существовало. Достаточно сказать, что даже генетика завоевала свое право на существование только в середине 1960-х.

Ситуация изменилась в 1989 году, когда Сергей Алексеевич начал работать в Институте системных исследований. Он получил возможность публиковаться в открытой печати и полностью посвятить себя теоретическим исследованиям. Примерно в это же время он начал проявлять глубокий интерес к семиотике, герменевтике и их биологическим аспектам. В широко известном ежегоднике *«Системные исследования»* появились его основополагающие исследования *«Взаимоотношение целого и частей в живых системах»* (1990) и *«Функционально-целевые основы целостности живых систем»* (1996). Эти работы, и особенно последняя из них, предложили принципиально новое видение омега-систем как биологических и социальных систем на всех уровнях иерар-

хии, начиная с конгломератов макромолекул и вплоть до человеческих коллективов. Я имею честь быть соавтором С.А. Титова в этой последней работе, поскольку он решил, что некоторые мои мысли перекликаются с его концепцией. В результате я вставил в его текст отдельные свои куски. Но вся основная теория, о которой пойдет речь ниже, принадлежала исключительно Сергею Алексеевичу.

С.А. Титов вводит два новых фундаментальных термина: *гилон* и *сингистон*. Первый обозначает любую материальную омега-систему (например, совокупность биологически активных веществ, организм, вид, популяция, семью, этнос и т.д.). А второй определяет функционально-целевую установку или, иначе говоря, контекст, в котором тот или иной гилон действует. Далее Сергей Алексеевич определяет принципиально важное понятие поликонтекстности, как наличия у одного гилона нескольких сингистонов, взвешенных по их важности в данный момент для гилона. Он в нашей статье 1996-го года формулирует:

> Таким образом, омега-системы являются поликонтекстными, и степень их поликонтекстности определяется числом сингистонов, входящих в их семантическую структуру. ... Следовательно, можно принять определение «моноконтекстные» для таких систем, у которых вес одного сингистона явно преобладает над весом всех остальных. Соответственно, системы, где преобладают веса несколько сингистонов, могут быть названы олигоконтекстными. Следует обратить внимание на то, что понятия поли-, олиго- и моноконтекстности, строго говоря, применимы не к самим системам, а к их состояниям, так как со временем, в зависимости от внешних условий или по логике развития омега-системы, ее состояние и степень поликонтекстности могут изменяться.

Далее Сергей Алексеевич связывает редукцию поликонтекстности до моноконтекстности с понятием доминанты, введенной Алексеем Ухтомским:

> В условиях, когда требуется сильная, выраженная реакция, направленная на достижение определенной цели, доминанта обеспечивает включение большинства клеток и систем организма в гилон, чья деятельность способствует обеспечению именно этой реакции. При этом вес сингистонов, не являющихся в данный момент необходимыми, резко снижается. В организме средством такой синхронизации служат гормоны и медиаторы, способствующие формированию констелляции нервных центров, ранее осуществлявших различные функции и объединенных теперь в единую функциональную систему. Экосистемы в условиях стресса, в частности антропогенного, снижа-

ют свое видовое, размерное и всякое другое разнообразие; при этом во взаимодействии между видами резко увеличивается вес сингистона «ТРОФИКА» и одновременно возрастает роль пастбищных пищевых цепей по сравнению с детритными. А стадо животных при возникновении опасности обращается в паническое бегство или занимает круговую оборону, при этом все отношения между индивидами, не связанные с обороной, прекращаются.

При разработке концепции поликонтекстности в этой статье и в своей последующей книге *«Поликонтекстность живых систем как предпосылка восприятия времени»* (https://read.in.ua/book221570/) С.А. Титов применяет вероятностную теорию языка, разработанную Василием Налимовым. Однако не только применяет, но и существенно развивает, используя ее для анализа не языка, а поликонтекстной семантики омега-систем. Позвольте пояснить эти новаторские идеи еще двумя цитатами из нашей статьи 1996-го года, полностью написанными Сергеем Алексеевичем.

Для наглядности можно привести пример из области социальных отношений, когда ненавидящие друг друга жители соседних домов проявляют удивительное единодушие в случае надвигающейся экологической угрозы их поселку со стороны строящегося предприятия и вновь начинают враждовать, когда опасность минует. Это происходит потому, что в одном случае преобладает воздействие сингистона «ДОМ, СЕМЬЯ», а в другом – «ПОСЕЛОК» [сингистоны автор обозначает заглавными буквами, а соответствующие им по смыслу гилоны – строчными]. Смена функциональной подчиненности оказывает влияние на восприятие человеком информационных воздействий. В первом случае активно агрессивный характер соседа воспринимается отрицательно, а во втором – положительно, так как способствует достижению успеха в общем деле. Кроме того, происходит объединение конкурирующих гилонов («семья») в единый гилон («поселок»), с которым и приходится иметь дело местному руководству вместо того, чтобы разбирать жалобы соседей друг на друга.

И далее...

Помимо этого, в омега-системах оказываются относительными понятия части и целого. Так, нервная клетка может являться частью группы нейронов, но в то же время эта группа является частью этой клетки, распространяющей свое влияние на значительно более широкое поле мозга. То же относится к человеку, который представляет собой часть коллектива, но одновременно данный коллектив составляет часть его личности, имеющей разносторонние контакты и интересы.

> Одним из следствий этого свойства омега-систем является наличие у них рефлексии. Ведь если целое является одновременно одной из его частей, омега-система способна отслеживать и контролировать собственное поведение. Причем, помимо глобальной (в масштабах системы) рефлексии, возможна также и рефлексия локальная. Поскольку элемент включен одновременно в несколько гилонов, образованных разными сингистонами, он имеет возможность наблюдать себя «со стороны», то есть, находясь в составе одного гилона, оценивать свою деятельность в составе другого. Очевидно, что для систем, где деятельность элементов жестко связана пределами единственной структуры, такая рефлексия невозможна.

Думаю, эти цитаты наглядно демонстрируют всю фундаментальность и оригинальность концепции С.А. Титова. Сергей Алексеевич намного опередил свое время. Даже сейчас, спустя четверть века после формулировки этих основополагающих идей, никто и близко не подошел к их осознанию и дальнейшему развитию. Уверен, однако, что грядущие поколения исследователей смогут по достоинству оценить всю глубину и эвристичность этой замечательной теории.

В 1999 году Сергей Алексеевич стал работать профессором в РГГУ (Российском Государственном Гуманитарном Университете) и преподавал там вплоть до своей кончины. В это время я уже жил в Соединенных Штатах, и наше общение было ограниченным, хотя я три раза приезжал в Москву, а он четыре раза – ко мне в Штаты. Кроме того, мы разговаривали по телефону раз в две-три недели и регулярно обменивались «емелями». Но все это, разумеется, никак не могло заменить повседневного живого общения, которым мы наслаждались в Москве. Поэтому я не очень осведомлен о его работе в РГГУ. Знаю только, что он разрабатывал образовательные программы и получал за них престижные международные гранты, читал множество лекционных курсов, включая курс по герменевтике, боюсь, как бы не единственный в то время в России, и продолжал разрабатывать свою теорию омега-систем, рассматривая, в частности, поликонтекстность как предпосылку восприятия времени и соотнося это восприятие с семиотической организацией омега-систем.

Единственным исключением стал учебник «Естествознание» в двух томах для 10-го и 11-го классов средней школы, который Сергей Алексеевич совместно с И.Б Агафоновой и В.И. Сивоглазовым написал в 2011-2013 годах. Поскольку он присылал мне как «свежему глазу» текст каждой его главы по мере их написания, я знаю об этом его проекте существенно больше.

Учебник получился просто прекрасным и был издан в 2013-м

(1-й том) и 2014-ом (2-й том) годах. Легкость и увлекательность изложения сочетается в нем с широтой охвата и глубиной анализа. Читается он на одном дыхании, и я белой завистью завидую тем молодым людям, для которых этот учебник служит первыми воротами в увлекательный мир современного естествознания. Этот учебник позволил Сергею Алексеевичу в полной мере реализовать то удивительное сочетание тонкого юмора и безупречной логики, которым всегда отличался его дидактический метод.

Приведу несколько примеров, которые лучше, чем что бы то ни было, иллюстрируют этот метод. Это эпиграфы, иногда шутливые, иногда серьезные, но всегда парадоксальные, предпосланные им почти каждой главе.

- Вы знаете, Зося, – сказал он, наконец, – на каждого человека, даже партийного, давит атмосферный столб весом в двести четырнадцать кило. Вы это замечали? *И. Ильф, Е. Петров. «Золотой теленок»* (эпиграф к главе ИДЕАЛЬНЫЙ ГАЗ И ЕГО ЗАКОНЫ)

Подходит в вагоне метро милиционер к спящему студенту, у которого на коленях лежит учебник Ландау «Теория поля»: «Просыпайся, агроном! Конечная!» Анекдот (эпиграф к главе ФИЗИЧЕСКИЕ ПОЛЯ)

Прогресс состоит не в замене неверной теории на верную, а в замене одной неверной теории на другую неверную, но уточненную. *Стивен Хокинг* (эпиграф к главе НАУЧНЫЙ МЕТОД. ГИПОТЕЗЫ И ТЕОРИИ)

Чтобы мыслить, надо есть, – никуда не денешься! Да, но зато сколько разных мыслей может произвести на свет один и тот же кусок хлеба! *Пьер Тейяр де Шарден, французский палеонтолог и философ* (эпиграф к главе ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ОБМЕН)

Я смело могу сказать, что квантовой физики никто не понимает. ...И если вы просто согласитесь, что, возможно, природа ведет себя именно таким образом, то вы увидите, что это очаровательная и восхитительная особа. Если вы сможете, не мучайте себя вопросом «Но как же так может быть?», ибо в противном случае вы зайдете в тупик, из которого еще никто не выбирался. Никто не знает, как же так может быть. *Ричард Фейнман, лауреат Нобелевской премии, один из крупнейших специалистов в области квантовой физики* (эпиграф к главе ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ КВАНТОВОЙ ФИЗИКИ)

Такие эпиграфы сразу настраивают школьника на предвкушение увлекательного чтения вместо нудного и бесстрастного перечисления фактов, которые необходимо вдолбить в несчастные ученические головы, как это делали учебники моей советской молодости. Как бы я мечтал учиться в школе по таким

учебникам! Но не довелось... Зато посчастливилось 60 лет своей жизни прожить, постоянно общаясь с автором такого учебника и учиться у него всему тому, что меня всегда в нем восхищало и что я пытался по мере сил применять в своих собственных исследованиях.

Профессор С.А. Титов прожил прекрасную жизнь. К сожалению, его преждевременный уход не позволил ему реализовать все задуманное. А ведь до последнего дня он удивлял своих родственников, друзей и сослуживцев прекрасной памятью, неотразимым обаянием и интеллектуальной мощью. Тем не менее, он успел заложить многочисленные и очень важные кирпичики в самых разных крыльях и флигелях величественного здания современной науки – от физиологии мозга и биохимии полипептидов до семиотики и герменевтики – и к тому же набросать фасады и планы новых построек, возводить которые выпадет на долю будущих поколений.

Г.Е. Михайловский

океанолог, доктор биологических наук

Титов Сергей Алексеевич

Потери и расставания – неизбежные жизненные события, и перестрадать, пережить их нам помогает не только время, но и воспоминания... Они оживляют все самое яркое, ценное, удивительное и вдохновляющее, продлевая по-новому жизнь ушедшего от нас дорогого человека.

Первого сентября далекого 1961 года я познакомилась с Сережей Титовым на первой лекции для первого курса биолого-почвенного факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (МГУ). Прошли почти 60 наполненных поисками и упорным трудом лет, в течение которых мы всегда оставались добрыми друзьями. Сегодня, вспоминая все эти годы, задаешься вопросом: «Почему учишься с многими десятками людей, а дружишь почти всю жизнь только с очень немногими из них?» И память сразу переносит тебя к истокам этой дружбы... И перед глазами встает молодой и красивый Сережа Титов, жизнь которого вступает в самый замечательный возраст – молодость, здоровье и сила. И впереди столько много всего интересного и увлекательного!

Я поступила в Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова на биолого-почвенный факультет, приехав

из Казахстана. В нашей группе учились в основном девушки из Москвы и разных краев бывшего Советского Союза. Сережа был среди нас единственным представителем сильного пола. С этой миссией Сережа прекрасно справлялся. Будучи интеллигентным и воспитанным человеком, обладая большим чувством юмора, за короткий срок знакомства и начавшейся учебы он сумел всех нас подружить, окружив вниманием и заботой. Особенно это относилось к иногородним студенткам. Как москвич, он понимал сложности нашего привыкания к новой жизни в Москве, и мы всегда к нему обращались, если возникали какие-либо вопросы или трудности.

Он очень хорошо чувствовал свою роль в нашем женском коллективе: роль мужчины – защитника и носителя спокойствия. Сережа понимал, что во многом это его задача – создать в группе приветливую и дружескую атмосферу, успокоить нас, – девочек, перед зачетами и экзаменами, поддержать, если что-то сложилось не так, как хотелось бы.

Если ему приходилось уходить с занятий пораньше, он с обаятельной улыбкой прощался и говорил: «Девочки, я пошла, до встречи», тем самым вызывая у всех нас смех и понимание, как ему нелегко жить в «полном мужском одиночестве» в женском коллективе. Только на 3-м курсе к его мужской компании присоединились три новых студента: из Венесуэлы, Екатеринбурга и Узбекистана. И очень быстро, благодаря его замечательным душевным качествам, у нас сложился очень дружный коллектив, душой которого до последнего времени и оставался наш Сережа.

На студенческих практиках: в Чашниково, Звенигороде, на биостанции на Белом море, которые проходили у нас после каждого курса (вплоть до 4-го курса), мы узнавали о новых Сережиных талантах и умениях. Он очень любил поэзию и хорошо в ней разбирался, сочинял прекрасные стихи, и вечерами после занятий мы любили собираться и слушать как он читал свои собственные стихи и стихи его любимых поэтов. В эти замечательные вечера к нам всегда присоединялись студенты из других групп. Сережа был очень общительным, и у него было много друзей с разных кафедр и факультетов. Со многими из них он сохранил дружбу до конца своей жизни.

Меня всегда удивляли его разносторонние знания в области биологии, и он щедро ими делился. Будучи на практиках, он любил слушать пение птиц и учил этому нас. Позже я узнала, что он долгое время был членом Клуба юных биологов.

Когда подошло время выбора специализации, наша группа дружно выбрала кафедру «Физиологии человека и живот-

ных». В 1960-1970-е годы яркой личностью на этой кафедре был профессор М.В. Кирзон – прекрасный лектор и специалист в области нервно-мышечной физиологии и физиологии центральной нервной системы. На втором курсе, видя наш большой интерес к физиологии, он пригласил Сережу, Леру Королеву и меня прослушать дополнительный курс лекций по физиологии, которые он читал на 3-м курсе философского факультета МГУ, чтобы помочь нам быстрее начать исследования в этой области. Без сомнения, это помогло каждому из нас в дальнейшем выбрать темы своих будущих курсовых и дипломных работ, а позже и кандидатских диссертаций.

После окончания Университета каждый из нас продолжил работу в выбранном научном направлении: многие остались работать на кафедре, кого-то пригласили работать в научные институты Москвы, но это не препятствовало продолжению нашей дружбы.

Сережа остался работать у профессора М.В. Кирзона и вырос в талантливого исследователя, доктора биологических наук. Валерия Ивановна Королева в будущем стала доктором биологических наук, одним из ведущих сотрудников Института Высшей нервной деятельности.

Сережа и после окончания МГУ продолжал поддерживать тесные связи не только с сокурсниками, оставшимися в Москве, но и с теми, кто вернулся в родные края. Я с большим теплом вспоминаю его поездку к нашему сокурснику в Узбекистан, а потом и к нам в Казахстан. Что было очень характерно для Сережи, это большой интерес к культуре и природе тех мест, куда он приезжал. В первый же вечер нашей встречи в Алматы он начал составлять план своего пребывания в городе и спрашивать о наших музеях, галереях, заповедниках и других доступных для ознакомления достопримечательностях. Для него было всегда важно стать не только зрителем, но попытаться проникнуть «вглубь», понять истоки, красоту и значение того, что он видел.

Второй приезд Сережи в Казахстан состоялся в 1988 году, когда он в составе комиссии МГУ участвовал в отборе талантливой молодежи. Воспоминания об этих удивительно теплых встречах с ним согревают нас и по прошествии всех этих лет.

Я благодарна судьбе за встречу и дружбу с таким редким и замечательным человеком – умным, интеллигентным, доброжелательным, с разносторонними научными знаниями и интересами. Сережа до последних дней работал над своими лекциями, искал новые интересные результаты и факты, способные вдохновить его студентов на дальнейшее творчество. Его пример вдохновляет и нас, его коллег и друзей. Он словно говорит

нам: «Ребята, пока можете, делайте что-то полезное, не останавливайтесь в развитии. Мы еще на многое сгодимся!».

С.Б. Исабекова

доктор биологических наук, профессор,
стипендиат программы «Фулбрайт»

Надо очень много работать над собой

Когда меня спрашивают, знаю ли я такого-то видного биолога, часто отвечаю: «Как же, мы же с ним из зоопарка, в одной клетке выросли». Вот и с Сергеем Титовым мы выросли в одной клетке. Ведь мы – из КЮБЗа. Это удивительное явление в нашей жизни и жизни всей страны. КЮБЗ – Кружок юных биологов зоопарка – старейшая детско-юношеская организация в нашей стране, существующая без перерыва с 1924 года. Она была создана самими детьми, – голодными, беспризорными, чумазыми ребятишками тех трудных лет, воодушевленными страстным интересом к жизни природы и желанием раскрыть ее тайны. В детскую организацию их спаяли тогдашний директор Московского зоопарка, профессор МГУ М.М. Завадовский и его заместитель по науке – П.А. Мантейфель, талантливый ученый, натуралист и педагог, которого до сих пор мы называем дядей Петей.

Ежегодно мы приходим в Московский зоопарк на встречу кюбзовцев всех поколений. Ведь мы так и не уходили из КЮБЗа, это на всю жизнь. На встречу приходят люди разных возрастов, разных профессий, ибо не все связали свою жизнь с биологией. Среди нас есть медики, геологи, физики, химики, журналисты, слесари-токари, филологи. Но на всех – печать кружка. В нашем детском коллективе были дети из разных слоев общества, но тут, в кружке, мы все были равны. Главными достоинствами, за которые тебя здесь уважали, были стремление к знаниям, эрудиция, работоспособность, а также физические качества и походные навыки: способность пройти по бездорожью десятки километров и не жаловаться на усталость, умение развести костер с одной спички и поддерживать горение всю холодную ночь, ловкость в играх, остроумие в наших пьесах, знание наизусть песен, которые тоже сочинили мы сами.

Сергей был из благополучной, интеллигентной и обеспеченной семьи, его родители были образованные люди, у него была своя комната и письменный стол, а также обширная библиотека. В те времена многие дети в кружке были из простых, небогатых семей, часто вовсе неблагополучных. Но тут, в КЮБЗе, Сергей был такой,

как все, не выделяясь ни одеждой, ни манерами. Мы часто ездили на выезды, куда старались одеваться в старые, поношенные одежды, «чем хуже, тем лучше». Поношенные, залатанные вещи свидетельствовали о бывалости их носителей. Мы бывали в его доме, где в наших шумных компаниях участвовала его мама. Когда наши игрища становились уж очень шумными, она доброй улыбкой ободряла нас. Ведь у родителей Сергея тоже были приняты встречи однокурсников, о которых Сергей говорил «химичат там мои», т.к. мама его была выпускницей химфака.

Крещение молодежи. «Луна». 3. «И в том, что вода там есть, ты можешь убедиться сам»

С. Титов, П. Гуральник, Г. Длусский

1957 г.

Архив Г. Длусского

Дело было в 1960 году. В КЮБЗе по весне составляли список тех, кто поедет летом в экспедицию. Надо было успешно закончить учебный год, перейти в следующий класс, сдать отчет по работе в зоопарке и отчеты за выезды. В том году экспедиция должна была состояться в Беловежскую пущу. Я попала в список. Но ближе к лету пришло сообщение из Беловежки: нам отказали. Причина – ящур. Летняя экспедиция была под угрозой. Стали списываться с Воронежским заповедником – тоже не сложилось. Так что, выходит, остаемся без экспедиции. Такое было трудно перенести. Но тут за дело взялся старшеклассник Сергей Титов. Он пошел по инстанциям сам. История бюрократических похождений Титова – это многим знакомая история хождений по кабинетам, он сам рассказывал ее нам в назидание уже в наше время, рассказывал в подробностях, – имена, пароли, явки, – все, как если бы это было вчера, ведь у него была идеальная память. Скажу лишь, что закончилось все благополучно. Сергей был убедителен, терпелив и настойчив. Начальники капитулировали. Нас согласился принять Хоперский заповедник, дорогу туда оплатил зоопарк. Потом Сергей написал о нашей экспедиции целую поэму, потешную и поучительную.

В центре нашего экспедиционного коллектива в Хоперском заповеднике были три мушкетера: Сережа Титов, Тема Уланцев (Артем Уланцев – канд. физ-мат. наук, доцент РГГУ нефти и газа им. И.М. Губкина) и Леня Хаспеков (Леонид Георгиевич Хаспеков – д-р. биол. наук, зав. лабораторией экспериментальной ней-

роцитологии отдела исследований мозга ФГБУ «Научный центр неврологии» РАМН). Они были погодки и старше нас, остальных. Их увлечением была Великая Французская революция. Видно, они проходили ее в школе, а мы еще не дошли. Поэтому их споры и рассуждения о якобинцах, Конвенте, «горе» и «болоте», Жиронде, друзьях и врагах народа мы, младшие, слушали, затаив дыхание. И как же рано проклевывались у нас, детей, задатки и зачатки будущих устремлений! Леонида волновало, какие сосуды и внутренние органы повредила своим ножом в теле «друга народа» Шарлотта Корде, а Сергей рассуждал о психотипе личности Робеспьера, Дантона, Марата, о процессах в мозге, оказывающих влияние на их действия и поступки. Когда потом мы проходили Французскую революцию, в школе, на филфаке МГУ, я уже почти все знала из рассказов ребят.

Меня всегда удивляла всесторонность познаний Сергея, его умение виртуозно вписывать в контекст жизни разрозненные факты и наблюдения, сопрягать явления природы и общественные процессы, реальность событий и восприятие их людьми.

Он прекрасно знал голоса птиц, хорошо читал следы зверей в лесу, умел соорудить костерок на ветру. Но при этом он прекрасно знал всемирную историю и мировую литературу. Это было, конечно, от семьи, но также от постоянного вдумчивого чтения. Даже чистя котелок от пригоревших остатков перловки, он «подводил научную базу», рассказывая о химических и термических процессах, о том, как готовили пищу на огне наши давние предки. И это было весело. Он никогда не унижал тех, кто знал меньше, или был его оппонентом в споре. Его оружием была ирония, легкая и не переходящая границы, без всякого желания унизить. И еще – самоирония. Так он говорил о своих недугах. Ну, а чувство юмора – это из КЮБЗа, где мы ставили пьесы по модели «уличного театра» 1920-1930-х годов. Разыгрывали суды, где недавно вступившего в наш клуб кюбзенка судили за некий малозначительный проступок, или просто за то, что на выезд тот надел красные штаны. На суде был прокурор, адвокат, свидетели. Участники соревновались в красноречии, убедительности доводов. Были игры: «бой слонов», «кобыла», крещение новоиспеченного кюбзиста. Сергей,

КЮБЗ. 30.11.2019

Т. Шутова, С. Титов, Л. Андрианова

Фото И. Кузикова

Прислала Л. Андрианова

обладавший феноменальной памятью, вписывал любое явление в контекст времени и пространства, так, что оно становилось объемными, с проекцией в будущее. Он наизусть помнил песни, поэмы, стихи кюбзовцев, даты событий в кружке. Мы так хотели встретить вместе 100-летие нашего КЮБЗа. Я часто спрашивала его: «Серега, ну, откуда ты все знаешь, ну почему такой умный?» А он неизменно отвечал: «Я много работаю над собой. Надо очень много работать над собой».

Т.А. Шутова

член Союза писателей России, член КЮБЗа с 1958 года

О Сергее....

Очень трудно писать о Сергее Алексеевиче Титове в прошедшем времени. Но что поделать?

В 1967 году, будучи студентом 3 курса кафедры физиологии человека и животных биолого-почвенного факультета МГУК, я искал лабораторию для выполнения курсовой работы, но все как-то не везло. И тогда какой-то добрый человек посоветовал мне спуститься в подвал, под биофак, где, по слухам, есть какая та закрытая лаборатория, а в этой лаборатории есть кафедральный аспирант Сережа Титов. Он умный и с ним будет интересно работать.

Поплутав по лабиринтам подвала, я с трудом нашел комнату П-30, а в ней юношу, года на 2-3 старше меня, брюнета с избытком волос на голове и даже с усами. Сергей недавно поступил в аспирантуру к профессору – физиологу М.В. Кирзону, а тему ему дали близкую к практике. Дело в том, что уже тогда в Москве было много крыс, а сейчас их около 15 млн. Так вот, нужно подобрать вещество, уничтожающее именно грызунов (ратицид), но не очень ядовитое для человека и других млекопитающих. Сергей, которого я почтительно называл «Сэнсей», очень хорошо подходил для этой работы. Он любил и знал химию, что передалось ему от родителей, понимал и умел использовать в своей фармакологической работе статистику, математику, что было редкостью. Сергей фактически руководил выполнением этой темы. Формально руководителем считался профессор М.В. Кирзон, а Титов был ответственным исполнителем. Но все решал, конечно, Сережа. Он обладал блестящей памятью и, когда учился, то не «проходил» химию, математику, биофизику, а запоминал материал, а, главное, потом легко им пользовался в своей работе. Читал он

допоздна и, соответственно, просыпался не рано. Но придя на факультет, активно включался в работу, постоянно генерируя новые идеи. По теме работали всего 3-4 сотрудника, но зато было много аспирантов и дипломников. По исследованиям ратицидов Сергей защитил свою кандидатскую диссертацию – «Реакция центральной нервной системы крыс на отравление фторацетатом натрия».

Появилась идея использовать для отпугивания крыс от источников корма «не смертельные» вещества. То есть действовать на популяцию грызунов психотропными веществами. Ведь популяция с нарушенным поведением очень быстро приходит в упадок, ее численность резко падает и т.п. Сделав часть работы, и отчитавшись перед Минздравом, одно из управлений которого было заказчиком темы, нам поручили необычайно интересную тему: найти противоядие (антидот) от галлюциногенных веществ, которые человека не убивают, но временно калечат психику, препятствуя нормальной деятельности. Вот тогда-то, как мне думается, развился у Сережи интерес к взаимосвязи между физиологией и психологией. Ведь нам нужно было зарегистрировать и количественно оценить галлюцинации у крыс. Сергей нашел описание старого метода «открытое поле», который позволяет разносторонне и очень быстро дать характеристику поведения крыс. Потом добавились и другие методы. Таким образом, можно смело утверждать, что Сергей одним из первых, перекинул экспериментальные мостики между поведением крыс и человека. Вот по галлюциногенам он и защитил докторскую диссертацию, а его методическими разработками пользуются в заинтересованных кругах до сих пор.

Сережа всю свою жизнь работал с крысами, а интересовался поведением человека. И, наверное, есть какая-то справедливость в том, что «науки тропы каменистые» привели его к психологии. В те годы лаборатория, в которой мы работали, была фактически поглощена кафедрами факультетов в ходе очередной реорганизации: кто занимался комарами – ушли на энтомологию, кто иммунитетом растений – на физиологию растений, «мышатники» – на зоологию позвоночных. А нас брали на родную кафедру, которую мы все оканчивали. Новым заведующим был генерал-майор Игорь Петрович Ашмарин. Сережу он очень любил, ценил и уважал за редкую общечеловеческую и общебиологическую эрудицию и знание грамотной, объективной обработки данных. Но Сережа был больше увлечен психологией, и когда нужно было делать выбор, подался к психологам, хотя и сохранил с физиологами и академиком теплые отношения. Он только в 2019 году ушел из Совета МГУ по защитам в области физиологии человека и животных и нейробиологии.

Конечно, время стирает все, но могу смело сказать, что пока

живы ученики и коллеги талантливого и очень доброго человека Сережи Титова, память о нем будет сохранена в наших душах.

А.А. Каменский
доктор биологических наук, профессор

Несколько слов о любимом друге – Сергее Алексеевиче Титове

О Сергее Алексеевиче я могу рассказывать бесконечно, ведь познакомились мы в далеком 1970 году во время сражений на смотре самодеятельности – серьезном ежегодном событии для студентов всех факультетов МГУ им. М.В. Ломоносова. Психфак и биофак бились между собой страстно, причем, видной, яркой фигурой среди биофаковцев был С.А. Титов, а среди психологов – В.В. Петухов, так что нетрудно представить, как поначалу складывались наши отношения. Ух! Титов был гениальным актером. Однажды он исполнял написанную им же репризу, с важным видом расхаживал по сцене и крутил что-то в руке. Это была крыса, которую он держал за хвост. В зале началась смеховая истерика. Титов заканчивает свою сценку, но внезапно крыса срывается с руки и летит прямо в жюри. Сколько же было визгу!!! При ближайшем рассмотрении крыса оказалась игрушечной, но последствия были достаточно серьезными: Титов получил «десятку» – высший балл за номер! Уже очень быстро мы сдружились, а когда Титов и Петухов сами стали членами жюри и вошли в объединенный профком МГУ, мы много ездили вместе – в Подмосковье, во Львов, в Кобулети (...) – и всегда получали огромное удовольствие от умного и веселого общения.

В самом начале 1990-х я получила предложение создать в РГСУ кафедру общей психологии и с удовольствием взялась за новое дело. Надо было решить много вопросов – преподаватели, учебные планы, т.д. Я пригласила С.А. Титова разработать для студентов 4 курса совершенно новый спецкурс «Психофармакология», и он с удовольствием взялся за работу. Сергей Алексеевич – прекрасный профессионал и чудесный лектор, а потому получилось просто здорово! Когда меня пригласили работать в создававшийся Институт психологии имени Л.С. Выготского, я постаралась сделать все, чтобы и Сергей Алексеевич перешел в РГГУ. Возможно, он согласился потому, что добираться до университета ему было минуты три, поскольку он жил на Чаянова в доме напротив. Титов взял на себя чтение лекций и проведение семинаров по всем естественно-научным дисциплинам, а кроме этого понятное, доходчивое объяснение психологам математики и статистики. Но, этого ему было мало, ему надо было глубоко

и всерьез разобраться в психологии. Сергей Алексеевич обожал обсуждать научно-психологические проблемы с Валерием Викторовичем Петуховым, ходил и ко мне на лекции, задавал кучу вопросов, после чего набрался смелости и начал формулировать собственно психологические темы курсовых, а потом и дипломных работ. Он был счастлив в своей работе в окружении восхищенных студентов.

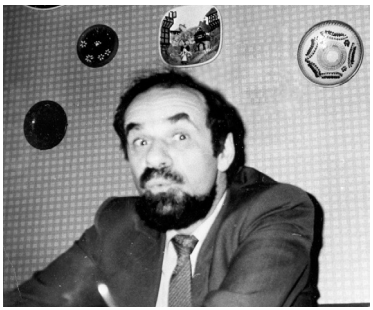
Кстати говоря, с приходом в РГГУ Сергей Алексеевич не оставил свою привычку писать стихи, придумывать сценки, сочинять целые «иносказательные сказки». Так, каждый год 17 ноября в Институте психологии имени Л.С. Выготского был тройной праздник: это День рождения Льва Семеновича Выготского, День рождения нашего Института и день окончания Чтений памяти Л.С. Выготского. Заканчивался этот День тортом со свечами (сколько лет Институту, столько и свечей). Но Главным событием этого Дня был, безусловно, капустник. Студенты каждого курса в тайне от всех готовили свои номера и сценки. Преподаватели – понятно, в глубокой тайне от студентов – готовили и репетировали свои «шедевры». Во-первых, Сергей Алексеевич был автором многих текстов и идей. Во-вторых, очень кстати оказалась его квартира напротив, совсем рядом, и там можно было репетировать, невзирая на время и не опасаясь «шпионов». В-третьих, Сергей Алексеевич продолжал любить сцену, а потому участвовал во всех «капустных» спектаклях. Так, в одном из них мы от души порезвились в паре: Кот Базилио и Лиса Алиса. Как не рухнул потолок в аудитории от хохота и аплодисментов, я не знаю, но было, и правда, очень тепло и весело. Интересно, что мы с Сергеем Алексеевичем – достаточно строгие (но справедливые) преподаватели, но после капустников изменялось не только отношение к преподавателям, но и к нашим предметам. Оказывается, эти «психологические взрослые» могут не только сложные-интересные лекции-семинары проводить, но и петь-плясать, как люди. Так что эти наши спектакли были своего рода «троянским коником», который на самом деле задавал образцы общения, совместной деятельности, творчества, богатства мотивационной сферы личности и ее иерархизации. После этого студенты (не все, конечно) спрашивали себя: если ОНИ могут и ТО, и ЭТО, а я только ТО, может быть, стоит попробовать и ЭТО – достойно пройти путь от студента к профессионалу?

Воспоминаний много, ибо богата событиями наша полувековая жизнь в дружбе и уважении друг к другу. Спасибо за ВСТРЕЧУ, дорогой Сергей, Сергей Алексеевич, профессор С.А. Титов!

И.А. Петухова

кандидат психологических наук, профессор

О Титове



Сергей Алексеевич Титов – яркий, талантливый человек, ученый-психофизиолог, один из тех немногих преподавателей, кто стоял у истоков формирования психологического направления в РГГУ, и, благодаря которым, возник Институт Психологии им. Л.С. Выготского РГГУ.

Но не случайно, что мы знали Сергея Алексеевича не только как психолога, но и как чрезвычайно эрудированного и универсального во многих научных вопросах биолога. Его увлечение этой замечательной наукой проявилось очень рано. Будучи школьником, он занимался в знаменитом на всю Москву КЮБЗе – Кружке юных биологов московского зоопарка (ставшем, по существу, настоящей «кузницей» по подготовке высокопрофессиональных биологов: из числа «кюбзовцев» вышли 9 академиков РАН, 40 профессоров, 100 докторов и 200 кандидатов биологических наук!). Мы знали Сергея Алексеевича как чрезвычайно эрудированного и универсального практически во всех вопросах биологии специалиста. Знания, полученные сначала в кружке, затем во время учебы и работы на Биологическом факультете МГУ, и, наконец, на факультете психологии РГГУ позволили Сергею Алексеевичу стать автором не только высокопрофессиональных научных работ по проблемам физиологии и психологии, но и многочисленных пособий и учебников по вопросам естествознания, концепций современного естествознания, книг и методических рекомендаций для тех, кто собирался применить свои знания при поступлении в высшие учебные заведения. Кроме того, во время работы в МГУ Сергей Алексеевич был бессменным членом приемных комиссий Биологического и Психологического факультетов МГУ, позже – главным биологом по подготовке и приему молодежи в число студентов РГГУ.

Мне повезло познакомиться с Сергеем Алексеевичем в те годы, когда мы оба учились и работали на кафедре физиологии человека и животных Биологического факультета МГУ.

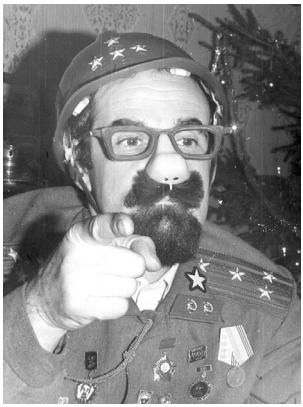
Как человек чрезвычайно талантливый и пытливый, он обладал неуемной фантазией, которая проявлялась во всем, к чему бы он ни прикасался. Так, например, он предложил нам «для поддержания соревновательного духа и здоровья» организовать своеобразную хоккейную команду из сотрудников и аспирантов нашей кафедры (в те годы хоккей был чрезвычайно популярен в нашей стране). По

вечерам, после завершения научных экспериментов и окончания долгого рабочего дня мы, вооружившись настоящими клюшками и шайбой, играли в хоккей, но не на ледяном поле, а неподалеку от научной лаборатории, на гладком бетонном полу в рекреации подвального помещения биофака. Многие годы между молодыми сотрудниками факультета чрезвычайно азартно и весело происходили хоккейные баталии «во имя побед Советского спорта» и укрепления своего здоровья.

Сергей находил время и для занятий конным спортом, довольно редким в то время. Еще будучи аспирантом, он на регулярной основе занимался в обществе «Урожай» в Сокольниках. И привлек к такому мужскому делу и меня, юного студента. Со временем, когда он стал достаточно опытным и умелым наездником, его неоднократно приглашали на съемки различных кинофильмов, в которых он исполнял роли то красноармейцев, то белогвардейцев, скачущих под крики «Ура!» с шашкой наголо.

Но, пожалуй, самым главным, в наибольшей степени выражавшим творческий потенциал Сергея увлечением (кроме, разумеется, науки) было участие в художественной самодеятельности в агитбригаде Биологического факультета МГУ. На Биофаке зародилась одна из первых и самых лучших в нашей стране агитбригад (после учебно-научной работы на летних выездных полевых практиках, обязательных для учащихся-биологов, студенты выполняли так называемую шефскую работу – небольшими группами, называемых агитбригадами, ходили в соседние деревни и колхозы, где в клубах читали для сельских жителей научно-популярные лекции, проводили политинформации, давали самодеятельные концерты и спектакли). Сергей Алексеевич был активным участником, факультетской агитбригады. На этом поприще он показал весь свой талант организатора, сценариста, режиссера и, конечно, блистательного актера. Именно таким до сих пор его вспоминают коллеги и друзья – человеком, способным на фоне постоянной напряженной научной и преподавательской занятости творить для души и сердца, перевоплощаться в «Кота Базилио», «Кролика с ушками», в Мефистофеля, в Панталоне. Сергей организовывал и межфакультетские смотры-конкурсы художественной самодеятельности (такие, например, как «Студенческая весна»), концерты, посвященные памятным датам, календаря,

многие годы являлся членом университетского жюри конкурсных программ всех 16-ти (в те годы) факультетов МГУ.



Сергей был наделен и писательским даром. Он сочинял сценарии самодеятельных спектаклей, был автором различных, в том числе и не относящихся к области науки, статей. В качестве примера приведу отрывок из написанной Сергеем статьи под названием «А судьи кто?», иронично описывающей борьбу члена жюри за обязательное в то время «идейно-художественное качество» самодеятельных программ на ежегодном смотре.

...Показали как-то филологи на смотре «Лисистрату» Аристофана. Тогда на факультете работал очень талантливый режиссер, который делал прекрасные спектакли. «Лисистрата» тоже, как обычно, удалась. Но вот в жюри на фоне доброжелательного обсуждения выступает представительница парткома: «Все, конечно, очень хорошо, но только зачем столько эротики?». Филологи заранее вооружились и привели своего преподавателя, специалиста по античной литературе. Тот делает удивленный вид: «Так ведь это же Аристофан, его пьесы уже больше двух тысяч лет пользуются колоссальным успехом во всем мире!» – «Да, я понимаю, что Аристофан, но ведь у нас студенческий театр. Вы могли бы слегка изменить текст, сделать про студентов, дескать, девочки на мальчиков обиделись и не дают им конспекты списывать». Издеваться над собратом по жюри не полагалось, поэтому все руки дружно отвернулись, скрывая улыбки.

Однажды наша биофаковская агитбригада показала на смотре «Голый король» Е. Шварца. Спектакль всем понравился, и обсуждение шло самое благожелательное. Доходит дело до присуждения баллов за авторство текста – была такая шкала в общей оценке. За чистый авторский текст можно было получить максимальное число баллов, за инсценировку – меньше, за композицию – еще меньше, ну, а если текст целиком заимствованный, то, естественно, ничего. И вот, члены жюри высказываются в том смысле, что, хотя пьеса и принадлежит Шварцу, какие-то баллы за авторство дать все же надо. Ибо пьеса в оригинале длинная, а биофаковский коллектив сумел ее сократить и так сшить фрагменты, что все оказалось гладко, а это – тоже творчество. И тут выступает наша замечательная парткомовская дама: «Конечно, конечно. Обязательно надо дать баллы за авторство. Я ведь заметила, что там не только Шварц, там и из Андерсена кое-что есть». Последовала продолжительная не-

мая сцена, так что к соавторам «Голого короля», кроме Шварца и Андерсена, добавился еще и Гоголь...

Многие люди в ранние годы жизни обращаются к поэзии – жанру, безусловно, увлекательному, и дающему возможность быть свободным в своих мыслях, признаниях, симпатиях и антипатиях. Тем не менее, нечасто можно встретить автора со столь разнообразным и оригинальным по тематике спектром сочинений, как у Сергея Алексеевича. На протяжении всей своей жизни он создавал и сатирические, и лирические произведения. В качестве примера приведу названия оригинальных тематических стихотворений, посвященных все той же любимой науке – биологии: «Митоз», «Басня о блуждающем нерве», «Синтез белка», «Нервный импульс», «Гимн эволюции». Немало стихов написано им в подражание известным поэтам и посвящено любимому Биофаку, есть цикл юмористических стихов о мытарствах и страданиях абитуриентов, сочинений, посвященных юбилярам – профессорам и академикам, и, конечно, лирические посвящения своим друзьям и однокурсникам.

Вот отрывок из «Нервного импульса». Сочинение имеет 15 четверостиший, приведу первые три.

Согласно старому рецепту,
Чтоб импульс в ЦНС послать,
Достаточно один рецептор
Легонько пальчиком нажать.

Рецептор этот, знать, тактильный,
Поскольку он без лишних слов
На тот нажим, весьма несильный
Отреагировать готов.

Здесь автор просит позволенья
Вернуть рассказ немного вспять:
Я должен сделать отступленье,
Чтоб об аксоне рассказать.

Приведу отрывок из одного лирического стихотворения.

Так пусть будет все: и тоска, и печаль,
И тихая грусть, и ненастье,
Пусть ночь опускает густую вуаль.
Какое ж без этого счастье?

Но пусть после ночи всегда и везде

Горячее солнце восходит!
Пусть всякой печали и всякой беде
Конец непременно приходит!...

Отрывок из второго стихотворения.
Мы расстались просто, без печали,
Как бросают высохший букет,
И слова прощания звучали,
Словно теплый дружеский привет.

Ты ушла, закрыли небо тучи,
С диким граем кружит воронье,
Я не знал, какой тоскою жгучей
Сердце переполнится мое.

Но я верю, что свободный ветер
Разорвет удушливый туман,
Ведь порою в брошенном букете
Не увядший прячется тюльпан.

И, согретый солнцем нашей встречи,
Поразит волшебной глубиной
Новый мир, бездонный, бесконечный –
Мир, в котором будешь ты со мной.

Ушел от нас неординарный, талантливый человек. Погасла яркая звездочка...

Ю.В. Лихачев
кандидат биологических наук,
доцент кафедры общей психологии РГГУ

Воспоминания учеников

С.А. Титов

Точно помню, как и когда познакомилась с Сергеем Алексеевичем Титовым. Это было в мой последний школьный год, в начале 1990-х, кто-то дал родителям его телефон – он готовил к вступительным экзаменам по биологии, а я как раз собралась поступать на психфак. И, надо сказать, это была любовь с первого взгляда.

Харизматичный университетский профессор, чернобородый, стремительный и невероятно остроумный, эрудиция которого выходила далеко за пределы школьного курса биологии, он умел увлечь кого угодно.

Занимались по шесть человек, которые рассаживались вокруг идеально круглого стола под старинным абажуром. Да и вся квартира была внутри куда более старинная, чем дом снаружи. Правда, времени разглядывать почти не было – я непрерывно записывала. За год исписала три толстенных тетради – впрочем, пустить все обретенные знания в ход так и не удалось, поскольку вступительную биологию я в итоге не сдавала, но хорошо помню, что на школьном выпускном экзамене, рассказывая про обмен веществ, между делом нарисовала формулу аденозинтрифосфорной кислоты, поскольку он считал это хорошим тоном.

Хорошо запомнила наш разговор после сданной на пятерку вступительной математики – я тогда решила сохранить интригу и печальным голосом сообщила, что, увы, биологию сдавать мне уже не придется. Кажется, он был разочарован, но потом очень смеялся. И велел непременно заходить в гости. Чем я и воспользовалась уже следующей осенью, да и потом хотя бы раз в несколько лет, но заглядывала к нему на Чаянова. Очень жалею, что разбился старинный елочный шар, полученный от него в подарок на Новый год – он хранил дух старинной квартиры и много лет подряд напоминал о ее особой атмосфере.

Помню, как удивилась, узнав, что Сергей Алексеевич перебрался работать буквально через дорогу от дома – в РГГУ, в Институт психологии, к которой, как мне показалось, во времена нашего знакомства он относился весьма скептически. И очень скоро стал незаменимым сотрудником кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии, и мы начали время от времени встречаться уже там, на конференциях и семинарах. Кажется, именно в одном из коридоров Института психологии и выяснилось, что он теперь там работает – мы просто столкнулись там нос к носу неожиданно друг для друга.

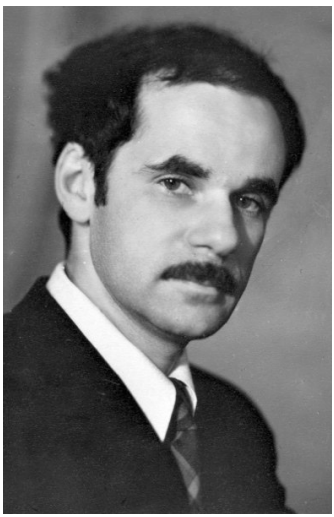
Не могу сказать, был ли он уже профессором РГГУ, когда я защищала кандидатскую, но запомнила, как привезла ему домой автореферат, и он очень въедливо и пристрастно расспрашивал про эксперименты: исследование было о динамике зрительного внимания в микроинтервалах времени, а он уже тогда интересовался психологией восприятия времени и смежными феноменами – и даже предложил свою трактовку результатов. А на автореферат докторской диссертации пятнадцать лет спустя нашел возможным дать отзыв, хотя обсуждение в тот раз было, помнится, существенно более жестким. А потом уже и я давала отзывы на какие-то ма-

гистерские работы под его руководством, тоже не стесняясь в выражениях – впрочем, разговоры у нас всегда получались на редкость конструктивные.

Но что действительно стало для меня большим сюрпризом – это полученная в подарок лет пять назад книжка стихов с автографом. Удивительным образом сложилось так, что именно с этой ипостасью Сергея Алексеевича я не была знакома, и его биофаковские и не только стихи открыли для меня совершенно нового человека. Рада, что и об этом мы успели поговорить. Но невероятно грустно, что не позвонить и не приехать, и что РГГУ навсегда – через дорогу от его дома, где я оказалась раньше, чем в психологии.

М.В. Фаликман
доктор психологических наук, профессор

Воспоминания о научном руководителе



Сергей Алексеевич Титов, доктор биологических наук, профессор, ученый, преподаватель, научный руководитель, но главное – яркий, мыслящий, интересный человек. И именно эти качества окрашивали все то, чем он занимался в профессии.

Я познакомилась с Сергеем Алексеевичем, когда, после окончания Биологического факультета МГУ, поступив в аспирантуру, искала научного руководителя. Я его нашла в лаборатории подвала Биологического факультета, и с тех пор практически вся моя профессиональная деятельность, да и вся жизнь оказались связаны с ним, с Титовым. Сергей Алексеевич считал меня своей ученицей, но, на мой взгляд, он не был учителем в традиционном понимании этого слова. Для меня, как, думаю, и для многих его учеников, он был не учителем, а научным руководителем. Самый важный первый разговор Сергей Алексеевич умудрялся построить так, что будущий курсовик, дипломник, аспирант чувствовал себя почти коллегой, соучастником процесса, называемого научным исследованием. Будущий руководитель рассказывал о научных проблемах, которыми он занимается, а соискатель не просто

слушал, но и вовлекался в обсуждение, то есть продирался сквозь дебри сложной науки о поведении, опираясь на собственный еще невеликий запас знаний и способность поймать идею на ходу, соображать и рассуждать. При этом ни на мгновение не возникала мысль о том, что ты разговариваешь с гуру, проходишь проверку или говоришь глупости. Процесс завершался формулировкой примерной темы предстоящей совместной работы. С этого разговора начинался путь в неизвестное, потому что Сергей Алексеевич не вел к определенной цели – получению конкретного результата, защиты квалификационной работы. Он просто был рядом, мы вместе работали, обсуждали полученные результаты, спорили до хрипоты, формулировали вопросы и придумывали, как получить на них ответы. И интересовал его, в первую очередь, сам процесс поиска решения поставленной задачи.

Он не обучал в буквальном смысле. Сергей Алексеевич много читал, читал постоянно. Он не просто щедро делился найденной информацией, своими мыслями и идеями, которых у него всегда было в изобилии. Ему нравилось «взрывать» мозг спорными высказываниями и вопросами, раскачивать «конструкции», выстроенные и отлаженные университетским образованием, которым так гордится прилежный ученик. Он охотно вступал в дискуссии и научные споры, с удовольствием выслушивал иное мнение, иную точку зрения, приглашая-побуждая не утверждать, а аргументировать, находить доказательства, обоснования. Он умел слушать и находить в аргументах оппонента не ошибки и промахи, а смыслы, приветствуя оригинальные идеи. И, чтобы удержать заданный им уровень, требовалось читать, искать информацию, думать. Рядом с ним всегда было интересно. Он создавал интеллектуально насыщенную среду, попав в которую ты уже не мог идти иным путем – только вперед, в азартном поиске ответов на вброшенные реплики и вопросы.

Будучи эрудитом, обладающим глубокими знаниями не только в области естественных наук (биологии, физики, химии и рядом с ними – математики), но и в области истории, философии, литературы, Сергей Алексеевич не опасался интеллектуальной конкуренции и не рассматривал своих учеников в таком аспекте, никогда не самоутверждался за их счет. Он искренне радовался их успехам, гордился ими и их идеями. Он не брался за то, в чем не разобрался серьезно и глубоко. Не боялся сказать: «Я этого не знаю». Потому что для него не было проблемы разобраться и узнать.

Сергей Алексеевич был невероятно артистичным, его речь была легкой, точной, образной. Он умел говорить о сложных вещах понятным и доступным языком, не искажая и не примитиви-

зируя, что делало его блестящим преподавателем. Он нестандартно мыслил, его лекции были интересными и увлекательными, оригинальными не только по содержанию, но и по форме. И в этом деле он оставался верным себе: не изрекал догмы, анализировал, критиковал, приводил аргументы «за» и «против», придумывал яркие, незабываемые, очень выразительные примеры.

Он всегда оставлял простор для дискуссии, которая могла возникнуть и на лекции. Я слушала его лекции будучи уже преподавателем, специально искала время, чтобы окунуться в эту неповторимую, завораживающую магию, создаваемую уникальным мыслителем. Да, студентам было трудно: записывать или слушать, не отрываясь и не отвлекаясь на письмо? Так что же правильно, а что ошибочно? Как должен выглядеть верный ответ на экзамене, в контрольной работе? Но Сергей Алексеевич не учил отвечать, он давал высшее образование, в основе которого – самостоятельное, критическое мышление – старт в профессиональную жизнь. Он искал в ответах своих студентов смыслы, а не точные формулировки. Думаю, что его учениками можно назвать всех тех, кто соприкоснулся хотя бы с одной из дисциплин, которые он вел.

Что же оставляет в этой жизни после себя человек? Он оставляет след... Сергей Алексеевич не создал научной школы, не написал множества учебников, он просто занимался тем, что ему нравилось – наукой и преподаванием, и у него это прекрасно получалось. Он умел «заразить» молодые умы, попадавшие в его орбиту, интересом к познанию и неистребимым желанием искать ответы на вопросы, спорить, слушать и слышать друг друга. Он не оставлял равнодушным, умел расшевелить даже самый ленивый ум. Сергей Алексеевич Титов останется в памяти его многочисленных учеников...

А.Б. Усенко

кандидат биологических наук, доцент

Сергей А. Титов

ВВЕДЕНИЕ В ПСИХОЛОГИЮ ВОСПРИЯТИЯ ВРЕМЕНИ

Настоящий курс носит название «Психология восприятия времени». На самом же деле его рамки значительно шире и не сводятся к восприятию как таковому. Вспомним, какой смысл мы вкладываем в понятие «восприятие». В основе восприятия

© Титов С.А., наследники, 2021

лежат ощущения, под которыми понимаются «начальные процессы обнаружения и кодирования энергии физического мира» (Шиффман, с. 24). Согласно классической психофизиологии источником ощущений служит преобразование энергии света, давления, тепла и пр. в электрические импульсы, которые формируются в специальных рецепторных клетках и направляются в высшие отделы центральной нервной системы. Восприятие же «представляет собой результат упорядочения ощущений и их превращение в знания о предметах и событиях физического мира» (с. 24 –25).

Легко понять, что эти определения не подходят к понятию времени, так как в его основе не лежат ощущения в приведенном смысле: время не является энергией и не имеет рецепторов, служащих для его преобразования в нервные импульсы. Тем не менее, если расширить формальное определение, нельзя не согласиться с тем, что время мы все-таки ощущаем, поскольку знаем о его постоянном присутствии. Знание это не является приобретенным, оно свойственно всем людям и, по всей вероятности, также и животным. Следовательно, его можно с полным основанием называть ощущением, несмотря на отсутствие рецепторов для преобразования энергии, да и самой энергии. Что же касается восприятия времени, то, если применить к нему выражение «результат упорядочения ощущений», это упорядочение можно понимать только как упорядочение во времени, и мы приходим к тавтологическому определению, утверждающему, что восприятие времени есть упорядочение ощущений во времени. Но для того, чтобы упорядочить ощущения в чем-то, надо это «что-то» предварительно иметь, то есть время должно предшествовать его восприятию. Но ощущение времени существует: мы всегда знаем, что сколько-то времени прошло, что-то было «давно», что-то – «только что». Это ощущение не всегда определяется тем, что принято называть объективным временем, тем, которое измеряется часами. Как писал С.Я. Маршак:

Пусть равномерны промежутки,
Что разделяют наши сутки,
Но, положив их на весы,
Находим долгие минутки
И очень краткие часы.

Это свойство нашей психики представляет собой именно ощущение, а не восприятие, поскольку оно само по себе не упорядочено. Для его превращения в восприятие требуется упорядочение, которое мы осуществляем посредством часов, с помощью которых

мы это время измеряем. Соотношение ощущения и измерения времени, то есть восприятие времени, и составляет психологический аспект времени, который можно назвать хронопсихологией. К конкретным проблемам и методам хронопсихологии мы еще вернемся, а пока что, коль скоро мы говорим об ощущении и восприятии времени, надо понять, что же собственно мы ощущаем и воспринимаем. А заодно и выяснить, существует ли на самом деле время вне восприятия или это восприятие и есть само время.

Последнее утверждение, хотя оно и кажется парадоксальным, часто явно или неявно присутствует в высказываниях многих философов и ученых. Так, по мнению Уайтхеда, время есть феномен метафизический и его течение может быть схвачено только иррационально, поэтому лучше считать его иллюзией.

Парадоксы обнаружения и восприятия времени

Время - явление, пожалуй, самое непонятное и парадоксальное среди всего, с чем мы сталкиваемся в своей жизни. Самой удивительной его особенностью можно считать то, что мы знаем о его существовании. Поскольку во время погружен весь мир, включающий всех наблюдателей и все наблюдаемое, мы не должны были бы, в принципе, его замечать и тем более говорить о каком-то его движении так же, как предмет, плывущий по течению реки, не может замечать этого течения, если не видит неподвижных берегов. Однако, как это ни парадоксально, мы не только постоянно в быту и науке говорим о времени, но и оперируем понятием его движения, что уже совсем непонятно и, вообще говоря, абсурдно с логической точки зрения. Ведь что такое движение? Это изменение чего-либо – какого-то состояния, положения, координат и т.п. *во времени*. В *этот момент* предмет находится здесь, а *через некоторое время* – в другом месте. Значит, он движется. Всякое движение определяется скоростью, которая представляет собой производную по времени.

Само собой разумеется, что дифференцирование времени по времени лишено всякого смысла, однако ни у кого почему-то не вызывают психологического протеста такие выражения, как «время течет», «прошло время», «поток времени» и т.п. Таким образом, получается, что мы, во-первых, каким-то непостижимым образом догадываемся о существовании времени, а во-вторых, строим для его описания логически противоречивую, но психологически приемлемую конструкцию.

Сущность парадоксов времени лучше всего выражена в известном высказывании блаженного Аврелия Августина. *«Если никто не спрашивает меня, знаю; если же хочу объяснить спраши-*

вающему, не знаю». У проблемы времени есть одна особенность: как только начинаешь размышлять о его природе, очень скоро обнаруживаешь, что думаешь о чем-то совсем другом. Само же время остается в стороне от размышлений как некая само собой разумеющаяся сущность. Возьмем, например, проблему цикличности времени, которая в понимании сторонников этой гипотезы сводится к тому, что через какой-то период мир возвращается к исходному состоянию и все начинается сначала. «Через какой-то период» значит *через какое-то время*. Время, значит, само по себе «течет» непрерывно и ко всем рассуждениям о его цикличности отношения не имеет. А иначе получается, как пишет Борхес:

> ...непонятно, каким образом два одинаковых процесса в конечном счете оказываются одним. Достаточно ли одной, никем не проверенной последовательности? Поскольку нет особого архангела, ведущего счет, о чем говорит тот факт, что мы живем по тридцать четвертому разу, а не по первому в ряду или по триста двадцать второму в двухтысячной степени?

Почему так популярна в фантастике тема машины времени несмотря на то, что сюжеты этих произведений не просто антинаучны, но вообще абсурдны и логически бессмысленны? Что значит «отправиться в будущее»? Да мы, собственно, всю свою жизнь только этим и занимаемся. Но судя по фабуле романов, это значит отправиться в будущее *с большей скоростью*, чем это делают все остальные. Но скоростью относительно чего? Можно, конечно, подобно Присыпкину из «Клопа» или Сим Симычу из «Москвы 2042» как-то заморозиться и увидеть такую эпоху, до которой в обычных условиях дожить невозможно. Но при чем тут время? Речь идет просто о замедлении вполне материальных процессов. А как вернуться в прошлое? Допустим, такую машину изобрели, я в нее сел и поехал, скажем, во вчера. Я и буду себе жить в этом «вчера», да я, собственно, в нем и жил вчера, так что же сделала машина времени? Если же я поеду дальше, то помолодею, вернусь в утробу матери, а затем распадусь на яйцеклетку и сперматозоид – вот и все путешествие. И естественно, я в прошлом не буду знать ничего из того, что узнал в будущем, ибо это будущее еще не наступило. Но ведь предполагается, что если я отправлюсь в прошлое, то это значит, что сегодня я живу в «сегодня», а завтра буду жить во «вчера» или в Древнем Египте. Причем, оказавшись в прошлом, я буду так же выглядеть, буду помнить и знать все, что произойдет завтра или через пять тысяч лет. То есть мое личное время не трогайте: в нем я как находился, так и нахожусь, и тут для меня после сегодня наступит

завтра, а вот в другом времени, где ездит машина и где живут все остальные, после сегодня наступит «вчера». И все это кажется, если не с научной, то с психологической точки зрения, вполне приемлемым.

Или такой пример парадоксальности рассуждений о времени. Один из наших философов, много занимавшийся временем, часто на лекциях и в дискуссиях для иллюстрации сложности проблемы задает риторический вопрос: «Куда девался вчерашний день?» Простой грамматический анализ этого вопроса показывает его полную неправомерность. Во-первых, что значит «куда»? Это слово применимо только к перемещениям в пространстве, но никак не во времени. В последнем случае мы должны заменить его на «когда?», иначе получается смелая и неоправданная метафора. Затем – «девался». Это тоже чисто пространственное понятие. «Девался» – это значит, что нечто в один момент времени было в определенном месте, а в последующий момент переместилось в другое. День в пространстве не перемещается, а потому никуда деваться не может. По отношению к нему может быть употреблено только слово «был». А следовательно, чтобы вопрос был грамматически непротиворечивым, его надо сформулировать так: «Когда был вчерашний день?» На такой вопрос может быть только один ответ: «Вчера!». Согласитесь, что он весьма банален и не несет в себе никакой философской загадки. Подоплека же вопроса заключается в том, что подразумевается какое-то другое время, в котором наше прошлое является настоящим. Так и надо спрашивать: «А считаете ли вы возможным существование иного времени, по отношению к которому наше обычное может двигаться?» – а не заниматься поисками вчерашнего дня.

Еще один парадокс общеизвестен – апория Зенона об Ахиллесе и черепахе. Получается, что в одном аспекте рассмотрения мы имеем одно время, а в другом – другое. Но здесь, по крайней мере, наличие парадокса очевидно.

И, наконец, самый существенный парадокс – парадокс научного понимания времени. Поскольку общечеловеческое представление о времени противоречит логическому аппарату, на который опирается ньютонианская физика (не путать с Ньютоном, так же, как и дарвинизм с Дарвином), последняя пришла к единственно приемлемому решению – время вообще отменить. В классической механике время абсолютно обратимо и, следовательно, как объективная сущность отсутствует, ибо эта наука претендовала на создание универсальной и законченной картины мира, где ничего не может меняться. Вспомним, что в основу ньютоновской физики легли наблюдения за циклическими движениями планет,

описывающих на небосводе замкнутые траектории, а потому время в механике не более, чем переменная в уравнениях, могущая в равной степени иметь как положительный, так и отрицательный знак. Очевидно, что такое время не имеет практически ничего общего со временем, которым мы оперируем в реальной жизни.

Поэтому с таким недоверием было встречено второе начало термодинамики, особенно в больцмановской статистической интерпретации. Необратимость времени не укладывалась в механическую модель Вселенной. Под ударами критиков Больцман начал сдавать свои позиции, оставил попытки доказательства объективно существующей стрелы времени и стал утверждать, что она – не более, чем введенное нами соглашение, и что на самом деле в мире не существует реального различия между прошлым и будущим. Однако рассуждения, к которым на этом пути прибегает Больцман, весьма любопытны:

> ...во всей Вселенной... имеются относительно небольшие участки порядка масштаба нашей звездной системы..., которые **в течение** относительно небольших... **промежутков времени** значительно отклоняются от теплового равновесия, а именно: среди этих миров одинаково часто встречаются состояния, вероятности которых возрастают и уменьшаются... Точно так же, как мы в некотором определенном месте земной поверхности называем «низом» направление к центру Земли, так и живое существо, которое находится **в определенной временной фазе** (выделено везде мной – С.Т.) одного из таких отдельных миров, назовет направление времени, ведущее к более невероятным состояниям, по-другому, чем противоположное (первое – как направление к «прошлому», к началу, последнее – к «будущему», к концу).

Если задуматься над смыслом сказанного, получается, что все рассуждения о флуктуациях, о разнонаправленности течения времени ведутся в мире, где существует другое, однонаправленное, время, в котором первое время может иметь разные направления, то есть иногда одно, а *иногда* – другое. Что же это за «иногда», если оно не принадлежит времени, по общему соглашению признающемуся единственным?

Проблема времени всегда оставалась для науки серьезным препятствием. Эйнштейн говорил, что его беспокоит проблема «теперь» потому, что ощущение настоящего – «теперь» – означает для человека нечто существенно отличное от прошлого и будущего, но это важное отличие не возникает и не может возникнуть в физике. Ему пришлось признать, что наука бессильна познать эти ощущения, что было для него крайне болезненно. Все же Эйнштейн как истинный физик, больше верящий в прав-

ду научных конструкций, чем в очевидную, но не измеряемую повседневную реальность, наконец, категорически заявил, что необратимость времени – не более, чем иллюзия.

Из всего сказанного следует, что понятие «восприятие времени» нуждается в пояснении и толковании, впрочем, как и само понятие «время». Определения этого понятия не существует. На вопрос «Что такое время?» – самым отчетливым ответом будет: «Это – то, что измеряется часами». На уточняющий же вопрос: «Что такое часы?» – последует ответ: «Это прибор, который измеряет время». Круг замкнулся. Все рассуждения о времени всегда замыкаются в круг, всегда субъективны, всегда сводятся к попыткам объяснить время с помощью времени, всегда подразумевают наличие как минимум двух времен, одно из которых неявно подразумевается и служит для объяснения второго, обсуждаемого, времени. Поэтому мы будем рассматривать понятия «время» и «восприятие времени» в их неразрывном единстве и рассмотрим, по мере возможности, философские, естественнонаучные и психологические аспекты этой двуединой проблемы. Для лучшего усвоения материала попытаемся выстроить эволюцию представлений о времени, то есть рассмотрим идею времени в его же собственном, то есть хронологическом, порядке, ибо Хронос и означает «время».

Мифическое и эпическое время

Мифическое время, называемое также «начальным» («ранним», «первым» временем, «правременем»), предшествует эпическому (эмпирическому, историческому) времени. Существенное место в нем занимают эпохи сотворения Мира и ранней Земли. В этом времени демиургами, которые могут быть богами, культурными героями или символическими объектами (например, яйцо), были созданы Земля, Небо, небесные светила, животные, растения и человек, а также парадигмы (образцы) социального поведения в его хозяйственных, моральных и религиозно-культурных аспектах. При этом продолжительность временных интервалов, их последовательность и взаимосвязь не играют принципиальной роли. Мифическое время сочетает в себе прошлое, настоящее и будущее. Иногда в мифах сочетаются все эти ипостаси времени. Герой может совершать множество подвигов, оставаясь ребенком. Так, например, эддические мифы – это, как правило, куски из жизни главных мифических персонажей, причем куски, нечетко ориентированные относительно друг друга. Жизнь такого персонажа – это не движение от рождения к смерти, а нечто постоянное, устойчивое. Процесс развития героя, как физического, так и духовного, в мифическом времени игнориру-

ется. Магни, сын Тора, знаменит подвигом, который он совершил, когда ему было всего три ночи от роду. Однако это было не его детским подвигом, а вообще его подвигом. Магни – всегда ребенок, а Один, наоборот, всегда старик (Стеблин-Каменский, с. 49). Часто в мифах нарушается хронологическая последовательность эпизодов, например, рассказ об использовании оружия (молот Тора) предшествует истории его создания. Интервалы времени, в которых происходят мифические события, и соотношение возраста и способностей героев несопоставимы с реальными. Так, главный герой-праотец Калевалы – Вайнямейнен «в чреве матери родимой тридцать лет ходил, блуждая», а затем восемь лет лежал на волнах просто так, пока не решил вылезти на берег. Новорожденный Геракл душит маленькими ручонками огромных змей. Первые патриархи Ветхого завета отличались, с нашей точки зрения, чрезвычайно медленным развитием. Первых сыновей они зачинали в возрасте от 60 до 200 лет, а продолжительность их жизни составляла часто более 900 лет (рекорд у Мафусаила – 969 лет). Только впоследствии Бог, разгневавшись на гордыню человека, незадолго до Потопа ограничил его жизнь ста двадцатью годами.

В мифологии всегда присутствует первичное мифическое время, которое является источником и первопричиной всего, что возникает впоследствии. Одной из основных мифических тем является борьба с хаосом и образование космоса. Первичный хаос либо отождествляется с хтоническими чудовищами, либо порождает их и олицетворяется с ними. Поэтому мифы творения содержат рядом с рассказами о непосредственном творении эпизоды борьбы против чудовищ, представляющих хаотические силы (Мелетинский, с. 26–27). Источником хаоса в большинстве мифологий является земля, одновременно соперничающая и вступающая в союз с небом. Прямых указаний на существование времени и его отсчета в изложении этих событий нет: они появляются в более поздних рассказах, повествующих о «культурной революции», присутствующих в мифах всех народов. По-видимому, именно в результате этих культурных революций и возникает реальное, измеряемое, время. Наиболее интересным этот вопрос представляется в греческих мифах. Здесь происходят две революции. В ходе первой Кронос, который скорее всего и олицетворяет время (хронос), побеждает Урана–небо, после чего устанавливается господство бесконечного и беспощадного времени, пожирающего своих детей. В ходе второй, собственно культурной революции, Зевс, который может рассматриваться в качестве культурного героя, утвердившего государственность, побеждает Кроноса и ведет войну с остатками хаотических сил –

титанами. Эта война, по сути являющаяся гражданской, ибо некоторые титаны переходят на сторону Зевса, имеет уже реальную продолжительность – десять лет. С этого момента начинается отсчет времени, то есть оно приобретает свойство количества. Вероятно, умение измерять время и означает в какой-то степени победу над ним, то есть над Кроносом. Отсчет этот, правда, весьма приблизителен. Время в мифах не линейно и даже не монотонно: далекое прошлое пускает щупальца и обнаруживается в прошлом недавнем, оно может также переместиться в будущее, прорываясь оттуда в виде предсказаний. Хронология, использующая генеалогические датировки, часто нарушается при изложении сакральных событий. Так, Персей в некоторых мифах называется потомком Геракла, чего быть никак не может. Геракл в свете позднейшей трактовки мифов с позиций эпического времени – фигура вполне историческая, он участвовал в походе Аргонавтов, где принимали участие и диоскуры – братья похищенной Парисом Елены, то есть его жизнь непосредственно предшествовала Троянской войне, о чем можно судить и по другим данным. Но, во-первых, Афина к этому времени уже обладала всеми своими атрибутами, включая голову Медузы на щите, в то время как считается, что именно Персей отрубил этой Горгоне голову и подарил ее Афине. Во-вторых, почти сразу же после взятия Трои и возвращения Одиссея эпоха Героев в Элладе закончилась, и на восемьсот лет наступило «темное время», в котором Персею места уже не было.

Для мифологии, по крайней мере в той форме, которая дошла до нас, характерно сочетание мифического и эпического времени. В мифологическом понимании боги и герои существуют как архетипы вне времени. Архаическое сознание антиисторично. Память коллектива о действительно произошедших событиях со временем перерабатывается в миф, который лишает события их индивидуальных черт и сохраняет только то, что соответствует заложенному в мифе образцу; события сводятся к категориям, а индивиды – к архетипам. Новое не представляет интереса в этой системе сознания, в нем ищут лишь повторения прежде бывшего, того, что возвращает к началу времен. При подобной установке по отношению к времени приходится признать его «вневременность». Здесь нет ясного различия между прошедшим и настоящим, ибо прошлое вновь и вновь возрождается и возвращается, делаясь реальным содержанием настоящего. Но, утрачивая самостоятельную ценность, настоящее вместе с тем наполняется более глубоким и непреходящим содержанием, поскольку оно непосредственно соотнесено с мифическим прошлым, с минувшим, которое вечно длится. Жизнь лишается характера случайности

и быстротечности. Она включена в вечность и имеет более высокий смысл (Гуревич).

В то же время эпическое представление характеризует время как нечто, содержащее прошедшее, причем, как правило, давно прошедшее. Первое время относится к сотворению Мира. При этом не вполне ясно, было ли время всегда, а при сотворении появилось только его измерение, или само время было сотворено вместе с Миром. В понимании Священного Писания времени предшествовала Вечность. Таким способом канонически решается вопрос об отношении Бога Сына к Богу Отцу. Мы привыкли думать, что отцы существуют до появления их сыновей. Однако в этом случае требуется допустить, что некогда Святая Троица, в сущности, троицей не была, так как одна из ее ипостасей еще не проявилась. Вот как в церковном понимании разрешается это противоречие. Святые Отцы и Учители Церкви разъясняют, что Отец всегда был вместе с Сыном, от Него рожденным, ибо без Сына не мог бы называться Отцом. Если бы Бог Отец существовал когда-нибудь, не имея Сына, а потом бы сделался Отцом, не быв прежде Отцом, это значило бы, что Бог подвергся изменению, из нерожденного сделался рожденным, но Бог *вечный и неизменяемый*. В Символе Веры сказано: *«Иже от Отца рожденного прежде всех век»,* – это значит: прежде существования нашего времени, т. е. вечно, а вечность *неизменяема, она вне времени. Бог, Пресвятая Троица – вечный и неизменяемый,* поэтому никогда Отец не был без Сына и без Духа Святого. Св. Иоанн Дамаскин разъясняет: «Когда мы говорим, что Он (Сын Божий) рожден прежде всех веков, то этим показываем, что Его рождение *не во времени и безначальное*, ибо не из небытия приведен в бытие Сын Божий, Сын сияние славы и образ ипостаси Отчей, живая премудрость и сила; ипостасное Слово, существенный, совершенный и живой образ невидимого Бога, но *всегда был с Отцом и в Отце, и рожден от Него вечно и безначально*». Поэтому следует считать, что с актом творения возникло время, представляющее, по Платону, о котором будем говорить в дальнейшем, «подвижный образ вечности», то есть время измеряемое.

Однако не всем было легко представить себе «время, в котором не было времени», то есть, попросту говоря, отсутствие времени. Поэтому в некоторых мифах древнее время как бы постепенно размывается, первопричины всего не обрываются, а становятся неопределенными. Получается, что до появления времени в собственном смысле слова что-то уже существовало, но это что-то не было событиями, так как под событиями надо понимать что-либо, происходящее с тем или иным активным существом, а потому существовало, по всей видимости, вне времени или до времени.

Так, например, в «Младшей Эдде» древнейшее событие – это возникновение великана Имира – как рассказывается в ответ на вопрос: «Что же было в начале? И откуда взялось? И что было еще раньше?». Правда, тут же рассказывается о том, что уже раньше существовали земли, реки с ядовитыми водами, искры из вулканов и т.д. Но это все – вневременные или довременные обстоятельства, не являющиеся событиями (Стеблин-Каменский).

Таким образом, в мифологических сюжетах сосуществуют мифическое и эпическое время. «Наряду с мифологическим отношением к времени особый слой в сознании варваров образовывало время эпическое – время, когда происходили поворотные события в истории племен и народов и совершались достойные памяти подвиги великих героев. Если песни о богах в «Старшей Эдде» повествуют преимущественно в настоящем времени (в этих песнях перед нами разыгрываются живые, подчас исполненные комизма сценки из жизни асов), ибо действительность мифа вневременна, она была, есть и пребудет вовек, то эддические песни о героях отсылают слушателей и читателей к седой старине («в давние дни...», «давно это было...», «некогда», «мало что было еще раньше, то было вдвое раньше»). От времени, когда эпос воспроизводит эти события, время самих героических деяний отделено «абсолютной эпической дистанцией» (Бахтин), и все свершившееся в эпическом прошлом вполне завершено и неповторимо» (Гуревич).

Действительно эпическое, относительно реальное прошлое – это либо «золотой век», либо век героев. В мифологических сюжетах практически никогда не утверждается прогресс – прошедшие времена всегда лучше настоящих, золотой век канул в прошлое.

В эпосах и сказках, характерных для Средневековья, эпическое и мифическое время все еще сосуществуют, описываемые здесь события далеко не всегда располагаются в принятом хронологическом порядке с однозначной соизмеримостью временных отрезков. Повествование часто разорвано, время протекания эпизодов дискретно, между значимыми событиями располагаются промежутки времени неопределенной протяженности. «Следы отношения к времени, характерного для мифа и эпоса, обнаруживаются и в рыцарском романе. Его герои не стареют, как не стареют герои эпоса. Ланселот, Персеваль и другие подобные им персонажи – существа без возраста, всегда остающиеся юными и мужественными, постоянно готовыми к подвигу. Один из них попадает в местность, где «всю зиму и все лето цветут цветы и плодоносят фруктовые деревья». Черный остров в поэме

«Эрек» не знает смены годичных сезонов и живет вне времени. Сила сэра Гавэна из артуровской легенды изменяется с течением суток. Время рыцарского романа не сокращает жизни его персонажам. Мифологическое отношение ко времени в романе проявляется и в том, что в нем одновременно действуют люди разных эпох: король Артур для Кретьена де Труа – герой XII в. Для разных персонажей одного и того же повествования время течет по-разному: в «Повести о Граале» Кретьена де Труа пять лет в жизни Персеваля оказываются всего несколькими днями в жизни Гавэна. Главное же то, что этот «беспорядок» совсем не смущал ни автора, ни его читателей» (Гуревич).

«Для эпоса временные категории не имеют большого значения. Эпическое сознание не находит никакого противоречия в расхождениях между обычным течением времени и протеканием его в сказании. Герои эпоса не подвластны течению времени. Беовульф, вступивший на престол уже взрослым, после того как свершил свои великие подвиги, правит на протяжении пятидесяти лет, что нисколько не мешает ему на склоне дней выдержать единоборство с драконом. Полстолетия, отделяющие его ранние героические деяния от последнего боя, в котором он нашел славную смерть, – это «пустое время», не заполненное событиями, достойными упоминания в эпосе. Кримхильда начальных авентюр «Песни о Нибелунгах» – юная девушка, но и в заключительных эпизодах этой феодальной эпопеи, по прошествии приблизительно сорока лет, она остается столь же прекрасной. Жажда мести за ее предательски убитого мужа Зигфрида владеет Кримхильдой более четверти века, но она бездействует, пока, наконец, не происходит подстроенная ею гибель бургундов во владениях короля Этцеля, ее второго супруга. Эта четверть века – опять-таки «пустое время» эпоса. Не убывает с ходом времени мощь Хагена. Король Гизельхер, который впервые в эпопее появляется почти ребенком, а погибает в бою будучи зрелым мужем, по-прежнему именуется «дитятей» (там же).

Таким образом, время в мифах, сказаниях, эпических произведениях и волшебных сказках представляет собой комбинацию времени эпического, в котором повествуется о последовательности событий, и времени мифического, где не существует значимых различий между прошлым и настоящим, где персонажи и их поступки часто представляют собой не реальные объекты и события, а вневременные (и часто внепространственные) архетипы.

Линейное и циклическое время

В мифологических представлениях объединение мифического и эпического времени обычно принимает циклическую фор-

му. С одной стороны, происходящие события выстраиваются в хронологическую цепь, а с другой, они обнаруживают постоянное возвращение к вечным неизменным архетипам. Жизнь земледельческого общества определяется природными циклами, регулярными повторениями биологических и космических ритмов. Соответственно, время в представлении человека этой эпохи представляло собой не абстрактное исчисление, а нечто, наполненное событиями. Месяцы получали названия по наличию в них наиболее существенных качеств и происходящих событий. «У скандинавов май именовали «временем сбора яиц», а также «временем, когда овец и телят запирают в загоне»; июнь – «солнечным месяцем», «временем перехода в летние хижины» (т.е. выгона скота на луга), октябрь – «месяцем убоя скота» (это название в шведском языке сохранилось до сих пор), декабрь – «месяцем баранов» или «месяцем случки скота». Лето называли временем «между плугом и скирдованием» (Гуревич). У германских народов слова tid, timi не были связаны с представлением о точности и обозначали, скорее, времена года, периоды неопределенной, более или менее значительной длительности, и лишь изредка – более краткие отрезки времени – часы. Вместе с тем слово ar имело два основных смысла: «год»; «урожай», «изобилие». Год, вообще время, – не пустая длительность, но наполненность некоторым конкретным содержанием, всякий раз специфическим, определенным. Показательно, что эти понятия выражали не линейное направление времени (из прошлого через настоящее в будущее), а, скорее, круговращение, его tid (ср. англ. tide) обозначает морской прилив, погоду, поскольку ar (англ. year, нем. Jahr) значил «урожай», то и это слово явно указывало на периодическую повторяемость. Внутри суток интервалы времени, часы тоже не представляли простой числовой абстракции. Существовало принципиальное разделение суток на «день» – светлое время, время действия, продуктивных событий – и «ночь» – время темноты, разгула нечистой силы и всевозможных опасностей. «День для живых, ночь для мертвых». В некоторых культурах каждый из этих периодов делился на двенадцать часов, продолжительность каждого из которых зависела от времени года: зимой ночные часы были длинными, а дневные – короткими, а летом – наоборот.

Соответственно и жизнь человека, казалось бы, очевидно иллюстрирующая линейное время, представлялась людям отражением циклического самовоспроизведения архетипов. «То обстоятельство, что в аграрном обществе время регулировалось природными циклами, определяло не только зависимость человека от смены годичных периодов, но и специфическую структуру его

сознания. В природе нет развития, во всяком случае, оно скрыто от взора людей этого общества. Они видят в природе лишь регулярное повторение, не в состоянии преодолеть тиранию ее ритмического кругового движения, и это вечное возвращение не могло не встать в центре духовной жизни в древности и в средние века. Не изменение, а повторение являлось определяющим моментом их сознания и поведения. Единичное, никогда прежде не случавшееся не имело для них самостоятельной ценности, подлинную реальность могли получить лишь акты, освященные традицией, регулярно повторяющиеся. Архаическое общество отрицало индивидуальность и новаторское поведение. Нормой и даже доблестью было вести себя, как все, как поступали люди испокон веков. Только такое традиционное поведение имело моральную силу. Поэтому жизнь человека в традиционном обществе представляет собой постоянное повторение поступков, ранее совершенных другими. Неизбежно вырабатывается эталон, первообраз поведения, который приписывается первым людям, божеству, «культурному герою». Повторение людьми поступков, восходящих к небесному, божественному прототипу, связывает их с божеством, придает реальность им и их поведению». После смерти человек как бы начинает жить сначала.

Цикличность времени отражалась практически во всех мифологических сюжетах и обязательно присутствовала в традициях и обрядах всех народов. Смерть и воскрешение Осириса, Адониса, Таммуза олицетворяли ежегодные циклы природных изменений, При этом ежегодные воскрешения, праздновавшиеся после зимнего солнцестояния (начало увеличения светового дня), в конце зимы или весной обязательно сопровождались соответствующими ритуалами, символизировавшими не просто наступление очередного нового периода, но и завершение старой жизни, и наступающее начало новой.

Часто начало нового годового цикла должно было «моделировать» акт первоначального творения мира, создание космоса из хаоса. Так, «в рамках церемониала акиту отмечался праздник, называемый «праздником Судеб», загмук, во время которого делались предсказания на каждый из двенадцати месяцев года, отчего становилось необходимым создание двенадцати грядущих месяцев (ритуал, который более или менее сохранился в иных традициях; см. ниже). Сошествие Мардука в подземное царство (божество было «пленником в горе», то есть в преисподней) соответствовало периоду печали и поста для всей общины и «смирения» для царя; обряд этот лишь недавно вписался в обширную карнавальную систему, и мы не можем настаивать на достоверности полученных о нем сведений. В это же время про-

исходило изгнание зла и грехов при помощи козла отпущения. Наконец, цикл завершался иерогамией божества с Царпанитум; священное бракосочетание воспроизводилось царем и храмовой рабыней в спальне богини, а завершалась церемония, разумеется, коллективной оргией» (Элиаде). В других культурах в период «ежегодного творения» как бы воссоздавался первоначальный хаос. Нарушались социальные отношения: рабы могли повелевать аристократией, процветала сексуальная распущенность, пьянство и т.п. В то же время или несколько позже воспроизводились акты созидания, победы космоса над хаосом в виде сражений богов или культурных героев с хтоническими чудовищами, силами зла и хаоса. После этого творения возникал новый мир, очищенный от прежних грехов.

Архетипы языческих праздников в значительной степени сохраняются и в христианских традициях. Рождественский пост – это напряженное ожидание акта сотворения Мира, которое осуществляется в Рождестве. Далее следуют Святки – период разгула и увеселений, продолжающиеся двенадцать дней (именно столько дней в архаических культурах длились праздники обновления, ибо предполагалось, что каждый день осуществляет творение определенного месяца наступающего года) и символизирующие грешную и полуварварскую жизнь человечества до Потопа; по их окончанию наступает праздник Крещения, омовения водой, который и ассоциируется с этим очистительным Потопом.

Наряду с годовыми существуют более мелкие и более крупные циклы времени. К мелким относятся суточные (циркадианные) и лунные ритмы. У некоторых народов жрецы ежедневно перед рассветом молили богов о том, чтобы солнце и в этот раз взошло. Возможно, они и догадывались, что боги поднимают солнце не благодаря их молитвам, но рисковать все-таки не стоило. «Фазы луны – зарождение, рост, уменьшение, исчезновение, и через три темные ночи новое ее появление – сыграли огромную роль в выработке циклических понятий. Подобные концепции мы встречаем главным образом в апокалиптических видениях и архаических антропогониях; потоп или наводнение уничтожает человечество, исчерпавшее себя и погрязшее в грехах; заново возрожденное человечество зарождается обычно от некоего мифического «предка», спасшегося от катастрофы, или от лунарного животного. Стратиграфический анализ данных групп мифов выявляет их лунарный характер. Это означает, что лунарный цикл не только определяет короткие отрезки времени (недели, месяцы), но также служит архетипом для длительных сроков; в самом деле, «рождение» человечества, его взрастание, его одряхление (его «изношенность») и его исчезновение уподо-

бляются лунарному циклу. И это уподобление важно не только потому, что оно выявляет для нас «лунарную» структуру всеобщего становления, но также и своими оптимистическими последствиями: ибо все, как и луна, никогда не исчезает навсегда, потому что за одной луной всегда непременно следует другая, а значит, и исчезновение человека, даже всего человечества (потоп, наводнение, исчезновение целого континента и т. д.) не обладает необратимостью, ибо от пары выживших особей родится новое человечество» (Элиаде).

Более же длинные циклы возможны только в воображении, поскольку они не могут проявляться при жизни одного или даже нескольких поколений. Развитие их идет медленно, а завершение предстоит только в далеком будущем, и при этом не вполне ясно, что последует за этим окончанием. Такое будущее относится к эсхатологическому времени.

Эсхатологическое время

Представление о времени как о сугубо циклическом феномене помогало человеку ориентироваться в локально происходящих процессах и событиях и сверять, а, в значительной степени, и отождествлять их с архетипическими. Однако по мере исторического опыта и углубления исторической памяти линейное время заявляло о себе все настойчивей. Невозможно отрицать факт изменений, происходящих в течение периодов, значительно превосходящие лунные, солнечные и даже чуть более продолжительные интервалы. Об этом говорит память о войнах, никак не отождествляемых с мифическими сражениям, о стихийных бедствиях, иных, чем архаический Всемирный Потоп, о царствовании совсем не архетипических правителей, о смене их династий, завоеваниях и т.д. С другой стороны, время не могло быть линейным, просто устремленным в бесконечность, ибо тогда и само время, и вся история и вообще существование человечества теряли бы всякий смысл.

Поэтому возникли представления об очень больших циклах, в течение которых повторяемость многих событий не наблюдается. В конце истории присутствует конец, за которым возможно не символическое, как при встрече Нового года, а реальное возникновение чего-то нового. Прототипом такого конца является завершение жизненного пути отдельного человека, который, хоть и не является очень длительным, не имеет явного продолжения или возобновления.

В религиозных системах Индии центральное место занимает идея сансары, представляющая собой наиболее последовательное отрицание реальности линейного времени. Сансара, дословно

означающая «блуждание», является цепью перерождений и переходом из одного существования в другое. Причем переход это касается не только отдельных индивидов – животных, людей и даже богов, но и населенных этими живыми существами миров. Согласно сансарической философии мир не имеет начала и конца, а представляет собой совокупность циклов различных порядков, включенных один в другой.

«Индийская философия развивает и выстраивает в стройную систему ритмов, управляющих периодичностью творения и космического разрушения. Мельчайшая единица цикла называется юга (эпоха). Каждая юга начинается и заканчивается соответственно «зарей» и «сумраком», которые связывают «эпохи» между собой. Полный цикл, или махаюга, включает в себя четыре «эпохи» неравной протяженности, причем самая долгая открывает цикл, а самая короткая завершает его. В силу этого первая «эпоха», крита-юга, продолжается 4000 лет с добавлением 400 лет «зари» и еще столько же – «сумерек». Далее следуют трета-юга в 3000 лет, двапара-юга в 2000 лет и кали-юга в 1000 лет (плюс «заря» и «сумерки», обладающие, разумеется, соответственной протяженностью). Далее каждая махаюга длится 12 000 лет. Прогрессирующему уменьшению протяженности каждой юги соответствует в человеческом плане уменьшение продолжительности жизни, которое сопровождается растлением нравов и оскудением разума. Этот упадок на всех уровнях – биологическом, интеллектуальном, этическом, социальном и т. п. Переход от одной юги к другой осуществляется, как мы уже видели, посредством «сумерек», которые означают убывание добродетели в недрах самой юги, и каждая из них заканчивается полной тьмой. По мере приближения к концу цикла, то есть к четвертой и последней юге, «тьма» все больше сгущается. Кали-юга, в которой мы пребываем в настоящее время, считается «эпохой тьмы». Полный цикл завершается «распадом» – пралая – и самый радикальный из них (махапралая, «великий распад») произойдет в конце тысячного цикла.

В позднейших философских построениях изначальный ритм «творение-разрушение» был всего лишь расширен и умножен до бесконечности благодаря тому, что единица измерения (юга) была включена во все более обширные циклы. 12 тысяч лет махаюги считались «божественными годинами», каждая из которых длится 360 лет, что дает в сумме 4 320 000 лет за один космический цикл. Тысяча таких махаюг составляет кальпу, 14 кальп составляют одну манвантару. Одна кальпа равна одному дню жизни Брахмы, вторая кальпа равна ночи. Сто подобных «лет» составляют жизнь Брахмы. Но даже такая значительная протяженность жизни Брахмы не ис-

черпывает всего времени: боги не вечны, и космическое творение с последующим разрушением продолжается ad infinitum. (Добавим, что в других системах расчета соответствующие длительности увеличиваются в гораздо большей степени.) Следует прежде всего выделить циклический характер космического времени. В самом деле, мы присутствуем при бесконечном повторении одного и того же феномена (творение-разрушение-новое творение), потенциально имеющегося в каждой юге («заря» и «сумерки»), но окончательно реализующегося в махаюге. Таким образом, жизнь Брахмы состоит из 2 560 000 подобных махаюг: каждая из них включает одни и те же периоды (крита, трита, двапара) – в завершение же наступает пралая, рагнарек («окончательное» разрушение посредством регрессии всех жизненных форм в аморфную массу, что происходит в конце каждой кальпы во время махапралая)» (Элиаде).

В других философских и религиозных системах человек после смерти переселяется в другой мир, где продолжает свое существование, в чем-то схожее с тем, которое он вел при жизни. Отсюда возникающая потребность снабдить его необходимыми предметами быта, без которых он не обходился в этом мире (одежда, посуда, еда, оружие, а иногда скот, слуги и жены). Степень изолированности того мира от этого трактуется по-разному. В некоторых пониманиях между ними существует практически непреодолимое расстояние, а в некоторых – достаточно близкий контакт, и часто продуктивное взаимодействие. Отсюда часто практиковавшийся культ предков, вера в их вмешательство в дела живых, их активное задабривание и обращения к ним, в значительной степени существующие и в наше время.

В этом случае циклическое время не присутствует, а в таком случае время, поскольку оно линейно и исторично, должно иметь начало и конец. Проблему начала мы уже обсудили, теперь переходим к проблеме конца времени. Помимо большей части мифов, повествующих о мифологическом времени – времени прошлого – существуют эсхатологические мифы, содержащие пророчества о будущем конце света. Такие мифы называются эсхатологическими (от греческого «эсхатос» – последний).

Во всех эсхатологических представлениях будущее видится в качестве вселенской катастрофы, сопровождающейся гибелью людей, а часто и богов, за которой следует обновление мира. В большинстве древних религий, как и в описанной индуистской философии, за этим обновлением следует возрождение мира в виде повторяющегося цикла, то есть в ней время, простираясь от начала к концу, хотя и обладает огромной протяженностью, все же в конечном счете превращается в цикличность, представляя собой не прямую, а окружность с очень малой кривизной. Кроме

того, протяженность этого времени, моменты его свертывания и возрождения обезличены и отражают объективные закономерности, а не произвольные решения персонифицированных высших существ.

Совершенно иного вида эсхатология появляется сначала в Ветхом, а затем и в Новом Завете. Представление об архетипической неизменности всего сущего уступает место мессианству, то есть ожиданию принципиального изменения мира, наступлению чего-то абсолютно нового. Неизменное линейно-циклическое время, наконец, «исполнится», наступит эпоха благоденствия и справедливости.

Наиболее ярко такого рода предсказания содержатся в ветхозаветной книге Даниила и в новозаветном Откровении Иоанна (Апокалипсисе). Эти пророчества утверждают, что исполнению времен будут предшествовать как природные, так и политические катастрофы. В пророчестве Даниила говорится о последовательной смене нескольких царств, в которых некоторые комментаторы усматривают Вавилон, Персию, империю Александра Македонского и Рим с последующим разделением империй на отдельные государства. Затем придет царство справедливости. «вот с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его – владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится» (Даниил.7.13,14). Еще отчетливее об окончании времени и пришествии Царства Небесного говорится в Новом Завете. Так, в Евангелии от Матфея воспроизводится пророчество Даниила: «увидят Сына человеческого, грядущего на облаках небесных с силою и славою великую» (24,30) и далее: «Истинно говорю вам: не прейдет и род сей, как все сие будет» (24,34).

Последующие эсхатологические ожидания связывались с различным толкованием слов «не прейдет и род сей». Вероятно, современники могли понимать эти слова буквально, в том же смысле, как это понял две тысячи лет спустя Н.С. Хрущев: «Партия торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!» Однако при внимательном прочтении евангельских текстов становится понятно, что приходу Царства небесного должно предшествовать много событий, в частности, тысячелетнее царство Зверя, войны, катастрофы и множество других событий, которые вряд ли могут произойти за десяток – другой лет. Поэтому с распространением христианства наступила эра эсхатологического ожидания конца света. «С актом искупления, совершенного Христом, время

обрело особую двойственность; «сроки» близки или уже «исполнились», время достигло «полноты», наступили «последние времена» или «конец веков», – царство Божие уже существует, но вместе с тем время еще не завершилось и царство Божие остается для людей окончательным исходом, целью, к достижению которой они должны стремиться» (Гуревич).

Весь христианский период истории наполнен ожиданием Второго Пришествия, которое периодически сопровождается «точными предсказаниями» его наступления, несмотря на то, что сам Иисус предупреждал о недопустимости таких предсказаний: «О дне же том и часе никто не знает, ни Ангелы небесные, а только Отец Мой один» (Матфей. 24,36). Впервые напряженные ожидания конца света проявились в конце первого тысячелетия. Тем не менее, «ряд средневековых авторов вычисляли продолжительность последней эпохи истории. Бэда предполагал, что конец света наступит в 1000 г. Эту дату предрекали проповедники в X в., ожидая близкой развязки. Впрочем, при довольно расплывчатых представлениях о хронологии и неясностях, нужно ли исчислять тысячелетие от рождения Христа или от Его распятия, мало кто знал, когда должен наступить роковой момент» (Гуревич). В дальнейшем попытки определить точную дату конца света предпринимались неоднократно, особенно во время массовых бедствий, войн и эпидемий, в частности, в пятнадцатом веке. Существенный всплеск эсхатологического ожидания был зарегистрирован в конце второго тысячелетия, чем и воспользовались предприимчивые организаторы различных сект, сколотившие на этом немалое состояние, заставляя свою паству ради спасения души отдавать жилище и последние сбережения. Впрочем, после наступления третьего тысячелетия подобные мероприятия не прекратились.

Пародийным воспроизведением христианского религиозно-мифологического космизма, включая туда и его эсхатологию, является «единственно верное» учение марксизма-ленинизма. Обнажая «мифологическую модель в русской советской идеологии», Е.М. Мелетинский пишет: «Раннее время – подготовка и проведение октябрьской революции представляется как «космизация» дореволюционного хаоса «в отдельно взятой стране» (в других странах сохраняется капиталистический хаос). «Культурные герои – Ленин и Сталин, революционные праздники – ритуалы и ритуализированные партийные съезды, питаемые революционно-магической энергией «раннего» времени, как бы воспроизводят и закрепляют это «раннее» время в настоящем. Сталин – не просто исторический продолжатель Ленина, а как бы его перевоплощение («Сталин – это Ленин сегодня»), и следующие после Сталина вожди – не сменяю-

щие друг друга исторические лица, а тоже своего рода перевоплощения того же «культурного героя» Ленина».

Прямое копирование коммунистическим временем христианского также совершенно очевидно. Историческое время христианства имеет определенную структуру, разделяясь на две главные эпохи – до Рождества Христова и после него. Первый этап, строго говоря, можно разделить на три подчиненных: до грехопадения, от грехопадения до Потопа и после Потопа. Далее следует ключевой момент – пришествие и смерть Христа, знаменующее искупление первородного греха. Это событие неповторимо и уникально по своей значимости. После этого, как уже говорилось, «царство Божие уже существует, но вместе с тем время еще не завершилось и царство Божие остается для людей окончательным исходом, целью, к достижению которой они должны стремиться».

Рассмотрим с этой точки зрения марксистское понимание исторического времени. Человек сотворен Трудом. (Это слово я пишу с заглавной буквы, так как в марксистском понимании оно играет роль высшей сущности, знаменуя одновременно, по классической библейской традиции, как творца человека, так и высший и почти единственный смысл его жизни, до краев наполняющий его духовным содержанием.) С момента сотворения человечество пребывало в раю первобытного коммунизма, где отсутствовали классовые различия, угнетение и государственное насилие. Затем совершилось грехопадение в виде появления частной собственности, а с ней и классового эксплуататорского государства. Опечаленный и разгневанный человеческими грехами Господь в образе законов исторического материализма наслал на них Всемирный Потоп, то есть буржуазно-демократическую революцию, в которой часть грешников погибла, а спасшиеся немного очистились, но не до конца. Главное же значение буржуазной революции не в ней самой, а том, что она являет собой архетип и знамение грядущей окончательной пролетарской революции, которая отменит гнет и эксплуатацию и вернет человечество в общинный рай, существовавший до грехопадения. Осуществление этой революции представляет собой полный аналог искупления грехов человечества Христом. Первородный грех искуплен, общество становится бесклассовым, что и означает исполнение сроков и завершение истории. Однако, хотя царство Божие уже существует, но вместе с тем время еще не завершилось, и коммунизм остается для людей окончательным исходом, целью, к достижению которой они должны стремиться.

Первоначально, как и во времена первых христиан, предполагалось, что «не прейдет и род сей», как наступит мировая революция, а именно, второе (после России) пришествие в мир

пролетарской революции, а с ней и царство небесное, то есть коммунизм. Подтверждалось это тезисом диалектического и исторического материализма о скачкообразном переходе количества в качество и рассказами киношного Чапаева о счастливом мире, где будут жить Петька с Анкой. Но годы шли, а второе пришествие не наступало. И тогда Сталин объявил о построении коммунизма в «одной отдельно взятой стране» и разъяснил, что скачок может быть и затяжным, а в будущем, уже свершившемся, но еще не реализовавшемся времени нас ждет ожесточенная и разрушительная классовая борьба. «Ибо восстанет народ на народ и царство на царство, и будут глады, моры и землетрясения.... Тогда будут предавать вас на мучения и убивать вас; и вы будете ненавидимы всеми народами за имя Мое» (Матфей. 24, 7,9). Так все и случилось, а последующая отчаянная попытка Хрущева еще раз заявить, что «не прейдет и род сей...», то есть «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» нового всплеска религиозного экстаза не вызвала.

Таким образом, эсхатологическое время, повествуя о грядущих, но неизбежных событиях предполагает отождествление будущего с настоящим. Но точно такое же отождествление можно найти в микромасштабе в любом пророчестве или гадании. Пророчества составляют излюбленнейшую тему всех мифов, эпических произведений и сказок, а гадания на картах, зеркалах, кофейной гуще, внутренностях животных и прочем – любимейшее занятие человечества во все времена, эпохи и при любых культурах. Гадания делятся на две категории, предполагающих различное понимание времени. В первой будущее актуально не присутствует в настоящем, обрисовываются лишь условия, способствующие реализации того или иного сценария. В этом случае можно предположить, что прорицатель прозревает не реальное будущее, а видит цепочки причинно-следственных связей, то есть делает выводы путем логического (или, вернее, сверхлогического) анализа. При этом часто оговаривается, что данный результат осуществится лишь при выполнении некоторых условий типа «налево пойдешь – коня потеряешь» или утверждений астрологов «звезды не определяют, а склоняют». В других же случаях предсказание дается с полной определенностью таким образом, что его объект не может избежать предсказанной судьбы. Когда Эдипу было предсказано, что он убьет своего отца и женится на матери, он пришел в ужас и пустился в бегство. Но он не знал, кто его настоящие родители, а потому, случайно встретив на дороге отца, так же случайно убил его, а затем женился на матери не потому, что этого хотел, а из-за того, что так ему полагалось сделать как спасителю Фив. (кстати, фрейдовский «эдипов ком-

плекс» к Эдипу никакого отношения не имеет – Эдип не был влюблен в мать и не ревновал ее к отцу, да и вообще он их не знал). Реально существующего будущего нельзя избежать ни при каких условиях. Показательна в этом отношении притча о «свидании в Самарре»:

> Смерть рассказывает:
>
> Жил в Багдаде купец. Послал он слугу на базар за товаром, но тот прибежал назад, бледный и дрожащий, и сказал: «Господин, на базаре в толпе меня толкнула какая-то старуха; я оглянулся и увидел, что меня толкнула сама смерть. Она посмотрела на меня и погрозила мне. Господин, дай мне коня, уеду я из этого города, скроюсь от своей судьбы. Поеду я в Самарру, где смерть не найдет меня». Дал купец слуге коня, сел слуга на коня, вонзил шпоры ему в бока, и помчался конь со всех ног. А купец пошел на базар, увидел меня в толпе, подошел и спросил: «Почему ты погрозила моему слуге, когда увидала его нынче утром?" - "Я не грозила ему, - ответила я. - У меня лишь вырвался жест удивления. Я не ожидала увидеть его в Багдаде, потому что сегодня вечером у нас с ним свидание в Самарре» *(У. Сомерсет Моэм)*

Довольно странно в этом аспекте воспринимается поведение Вещего Олега у Пушкина. Узнав, что «примет он смерть от коня своего». Олег, по-видимому, решил, что оно относится к первой категории, то есть не определяет, а склоняет, а потому решил избавиться от его результата, отказавшись иметь дело с конем. Когда же на склоне лет он узнал, что конь «на век опочил», он почему-то страшно разгневался на кудесника, вскричав «презреть бы твое предсказанье! Мой конь и доныне носил бы меня». Остается неясным: если предсказанье было именно склоняющего типа, то Олег и достиг своей цели, выполнив соответствующее условие, а потому нет никаких оснований называть кудесника лживым, безумным стариком.

Вопрос о реальности будущего в истории восприятия и понимания времени всегда был и остается актуальным и активно обсуждаемым. Одним из важных психологических аспектов такого положения вещей является произвольное или непроизвольное ассоциирование времени с другой фундаментальной сущностью – пространством. К рассмотрению этой проблемы я и перехожу.

Хронотоп и машина времени

Термин «хронотоп» (хronotop) происходит от греческих слов – хронос (время) и топос (пространство) и обозначает единство пространства и времени. Термин «хронотоп» был введен в 1925 году российским физиологом А.А. Ухтомским для

характеристики того факта, что при организации поведения время и пространство воспринимаются как единое целое. Впоследствии понятие хронотопа было внедрено М.М. Бахтиным в область культуры и литературоведения. В значительной мере на формирование взглядов обоих исследователей оказали влияние преобразования Г. Минковского и теория относительности Эйнштейна, приведшие к развитию представления о пространственно-временном континууме. Минковский считал, что пространство в отдельности, как и время в отдельности, = лишь «тень реальности», тогда как реальные события протекают безраздельно в пространстве и времени. Аналогично Ухтомский указывал, что и в окружающей нас среде, и внутри нашего организма конкретные факты и зависимости даны нам как порядки и связи в пространстве и времени между событиями. При организации поведения непременно должна иметь место гетерохрония, то есть комбинация различных скоростей, темпов отдельных компонентов действия, ожидаемых и реальных сроков осуществления тех или иных целей, компоненты которых имеют определенное пространственное распределение. В познавательных контактах с условиями окружающей среды живые существа и, в частности, человек оценивают ее как пространственно-временной континуум. При этом само познание по своему содержанию является четырехмерным (пространство как бы измеряется временем, а время – пространством). Человек, обративший внимание на некий предмет в среде, отстоящий от него на некотором расстоянии, с помощью дистантных рецепторов (зрение, слух, обоняние) одновременно определяет интервал времени, через которое он познает его геометрию с помощью контактных рецепторов. Интервал времени приобретает значение расстояния. Так волк, увидевший жертву на некотором от него расстоянии, направляется не к тому месту, в котором она с помощью зрения была распознана, а к тому месту, где жертва через некоторый интервал времени будет настигнута. Аналогичным образом ведет себя и жертва, стремясь избежать контакта с хищником (Аршавский).

На самом деле смешивание понятий и представлений, касающихся пространства и времени, существовало и существует давно и повсеместно независимо от вводимой терминологии. В человеческой психике, так же, как и в языке, не существует понятий, с помощью которых можно охарактеризовать время, кроме трех, определяющих «три цвета времени» – было, есть и будет. Для всех остальных надобностей используются характеристики материальных объектов. Иногда эти объекты существуют сами по себе вне зависимости от их положений в пространстве. Мы говорим, например, «у меня в запасе много времени» или нао-

борот «мне не хватает времени». Время «тратят», «расходуют», «теряют», «берегут», «экономят» и даже «убивают». Но чаще всего, говоря о времени, мы характеризуем его как некоторый материальный объект, движущийся во времени(!). Наше время «идет», «ползет», «бежит», «летит». Часто оно «еще не пришло» или «уже прошло», кроме того, у него есть ноги, потому что оно «наступает». Характеризуя время, мы обычно пользуемся пространственными понятиями, о чем свидетельствуют уже неоднократно мной высказывавшиеся выражения - «циклическое» и «линейное» время. Мы также говорим о протяженности времени, временных отрезках и т. д.

Ассоциация между временем и пространством происходит из-за того несомненного факта, что находиться в определенный момент времени можно только в определенном месте пространства. И, хотя обратное неверно, ассоциация закрепляется потому, что путаются понятия необходимости и достаточности. В четырехмерном пространственно-временном континууме Минковского – Эйнштейна четвертой координатой является время. Но эта координата принципиально отличается от трех пространственных тем, что каждой точке времени в нем всегда соответствует одна определенная точка пространства, в то время как одной точке пространства может соответствовать сколько угодно точек времени. Попытка интерпретировать это противоречие часто приводит, особенно в среде дилетантов, к характерному психологическому сбою. Поясним. В теории относительности утверждается, что каждый материальный объект обладает мировой линией в четырехмерном пространстве, где тремя координатами служат пространственные измерения, а четвертой – время. Само собой разумеется, что, поскольку время уже включено в число координат, мировая линия является статичной. Но «коллективное бессознательное» не дает человеку возможности абстрагироваться от того обстоятельства, что время «движется» само по себе и независимо ни от чего. Поэтому иногда приходится слышать абсурдные выражения, где говорится о движении вдоль мировой линии. Некоторые философы, осознавая эту абсурдность, пытаются утверждать существование другого времени, сверхвремени, в котором происходит движение обычного времени. К этому сверхвремени мы еще вернемся, а пока попытаемся разобраться в обыденном культурном восприятии и понимании времени.

Вспомнив, что говорилось о представлениях, связанных с цикличностью времени, мы поймем, что в своем большинстве эти представления отражают не цикличность времени, а повторяемость событий. Представления об абстрактном, пустом времени уклады-

ваются в человеческом сознании с большим трудом, для большинства время – это последовательность событий, расположенных... во времени. Это затрагивает один из ключевых вопросов в проблеме времени: время ощущается, но не воспринимается! Воспринимаются пространственные координаты материальных объектов. Эти координаты сравниваются с теми, которые фиксированы в памяти и определяются как прошлое. Если между двумя измерениями имеет место расхождение, то мы говорим, что что-то изменилось, то есть произошло событие. Как же в таком случае понимать циклические процессы, привлекавшие внимание человека с глубокой древности? Вроде бы ничего не изменилось: солнце опять взошло, цветы опять расцвели, урожай опять созрел, но что-то все же стало не так за эти сутки или год. Отсюда совершенно естественным путем возникает представление о двойственности времени: есть время циклическое, и есть время линейное, в котором отсутствуют повторения. Но, с другой стороны, интуитивно осознается, что время – это все-таки что-то единое и определенное. Как выйти из этого противоречия? Здесь и возникает представление о больших временных циклах. На основе всего двух реально наблюдаемых циклов – суточного и годового - производится экстраполяция к югам, махаюгам и кальпам. Если от вчерашнего дня сохранилось многое (еда, оставленная на завтрак, например), а от прошлого года меньше (урожай почти съеден), то в более крупных циклах оставаться будет все меньше и меньше, пока в самом крупном цикле не останется ничего – это и будет началом нового времени.

Итак, время непосредственно соотносится с пространственным положением материальных объектов, а вне их может только ощущаться, но не восприниматься. Отсюда неразрывная связь времени с пространством в первобытном, античном и средневековом обществах. Расстояние часто измерялось временем. В качестве такой меры могло служить число дней плавания на корабле или движения по суше. Так, в Персии существовала мера расстояния – фарсанг, которая означала путь, проходимый караваном от одного привала до другого. Фарсанг мог быть различным в зависимости от того, лежит путь по пересеченной или ровной местности, в гору или с горы. (Со временем, конечно, фарсанг приобрел постоянную длину.) То же самое относится к понятию Rost, что тоже означает путь между двумя стоянками (ср. английское rest – отдых), длина которого тоже варьировалась в зависимости от многих условий. Различали «короткие» и «длинные» rastir. Таким образом, в сознании наших предков путь – это реальное пространство, вернее движение конкретных людей в данном, осязаемом пространстве. Говоря о расстоянии между двумя пунктами, человек представляет себе собственное

движение во времени. Норвежец Оттар, посетивший в конце девятого века Англию, рассказывает королю Альфреду о расстояниях в Скандинавии, называя число дней плавания между разными ее частями при попутном ветре. Привычка сохранилась до сих пор: мы мерим межзвездные расстояния в световых годах благо скорость света всегда постоянна и не зависит ни от каких условий. Точно так же на вопрос, далеко ли находится какая-либо улица, мы очень часто можем ответить: «Двадцать минут на метро».

Глубоко укоренившееся в сознании, а скорее, даже в бессознательном, представление о времени как о пространственной координате совершенно логичным образом приводит к допущению возможности путешествий во времени, то есть изменения временной координаты в зависимости от... другой временной координаты. Все так называемые «научные» фантасты независимо от эпохи, социальных убеждений, пола и возраста строят свои произведения на единственном постулате – двойственности времени, никак этот постулат не аргументируя. В самом деле, все путешественники во времени имеют свое собственное время, вполне соразмерное с привычным и повседневным. Для них минута – это минута, час – это час, а день – это день. Перемещаясь в прошлое или будущее на любой период, он всегда остается в своем «сегодня». Однако течение своего времени он все же ощущает, и то время, в котором он путешествует, его лично не касается. Приведем типичное описание такого «двойного стандарта» времени из повести «Конец вечности» А. Азимова.

> Он вошел в капсулу в 575-м столетии. Этот сектор Вечности стал его домом два года назад. Никогда до этого ему не приходилось забираться в будущее так далеко. Но сейчас он отправляется в 2456-е Столетие.
>
> **Месяц назад** при одной только мысли об этом Харлану стало бы не по себе. Его родное 95-е столетие осталось далеко в прошлом.
>
> ...Эндрю Харлайн не был дома с тех пор, как он **в пятнадцать лет** стал Учеником...

То, что выделено жирным шрифтом, составляет личное время техника Вечности, не имеющее отношения к номерам столетий, в которых он путешествует, так же как километры, преодолеваемые в поездах и самолетах, не имеют отношения ко времени проживания человеческой жизни. Время совершенно «опространствливается».

Подобные логические несообразности присутствуют во всех

литературных произведениях, где так или иначе описывается путешествие во времени. В рассказе Рея Брэдбери «И грянул гром» описывается незадачливый путешественник, раздавивший в мезозойскую эру мотылька, в результате чего изменилась политическая система Соединенных штатов. До его путешествия у страны был один президент, а после казуса с бабочкой – другой, чему он и его спутники очень удивляются в отличие от всех остальных, не путешествовавших во времени граждан. Спрашивается, почему. До начала путешествия президент был первоначальный. Но это было все-таки после мезозоя. Если история пошла иным путем после мезозойского происшествия, то президент всегда должен был быть тем, о котором путешественники узнали по возвращении, потому что путешествие во времени происходило после мезозоя. И почему никто из оставшихся в настоящем времени не удивился произошедшему изменению? У всех отшибло память только потому, что они не ездили в мезозой? Они не знают, что было вчера? Или вчера все-таки был уже новый президент? Тогда почему путешественники думают, что это был не тот президент? В результате путешествия у них возникли галлюцинации?

Можно продолжить разбор этого (кстати, далеко не худшего в жанре) рассказа. По сюжету это путешествие представляет собой сафари с охотой на динозавров. Но убивать можно лишь того динозавра, про которого организаторам тура точно известно, что он все равно погибнет спустя несколько секунд после выстрела. В данном случае он будет убит рухнувшим деревом. По мнению автора, это никак не повлияет на будущее. Но, если гибель одного мотылька может повлиять на результаты выборов, которые произойдут через 150 миллионов лет, то несколько секунд – это очень много. В результате падения гигантского тела будут раздавлены совсем другие мотыльки и прочие доисторические твари, так что последствия могут оказаться куда более серьезными, чем те, которые случились из-за неосторожности недотепы. Еще более курьезный момент: организаторы сафари, предвидя возможные неприятности в, мягко говоря, отдаленном будущем, подстраховались и проложили специальные мостки, куда не залезают мезозойские твари. Наш незадачливый путешественник как раз и заступил за эти мостки (кстати, в конце рассказа его за это пристрелили). Спрашивается, сколько таких тварей загубили строители мостков и как это повлияло на мировую историю?

Логический анализ конструкций времени в мировой фантастике можно продолжать неограниченно долго. Первым значимым произведением этого рода следует считать повесть Г. Уэ-

ллса «Машина времени», впервые опубликованную в 1895 году, то есть до появления даже специальной, а уж тем более общей теории относительности. Уэллс впервые заговорил о четырехмерном пространстве-времени, доказывая, что, раз предметы не могут иметь нулевое время существования, то они простираются во времени так же, как и в трех пространственных измерениях. Следовательно, время можно рассматривать как равноправную координату четырехмерного пространства. В девятнадцатом веке вера в неограниченные технические возможности была повсеместной и даже полет из пушки на луну могли считать вполне вероятным. Но и в середине двадцатого века тема путешествий во времени обсуждалась вполне серьезно, к ней относились иначе, чем к волшебной сказке про Бабу-Ягу и Змея Горыныча. Для убеждения скептиков использовали специальную теорию относительности и математически доказанное Геделем положение о возможности вернуться в свое прошлое, которое математиками воспринималось как казус и парадокс и удивляло самого Эйнштейна. Парадоксы машины времени обсуждались всерьез, например, что будет, если человек отправится в прошлое и там убьет свою бабушку до рождения своего отца? В принципе, конечно, вариации на тему волшебных сказок вполне допустимы, но этому вопросу уделялось значительно больше внимания, чем, скажем, вопросам о том, что будет, если крокодилы начнут летать или все люди вдруг станут десятиметрового роста. А это означает, что в душе значительная часть людей считала путешествия во времени вполне научно обоснованной возможностью, что еще раз свидетельствует о глубинной самостной неразделимости представлений о времени и о пространстве.

Публикации С.А. Титова

Статьи

Аббасова К.Р., Зыбина А.М., Титов С.А., Тимошина Ю.А. Медиодорсальное ядро таламуса как перспективная модель при лечении смешанных форм эпилепсии // Материалы докладов VI Всероссийской научно-практической конференции Биоразнообразие и рациональное использование природных ресурсов. Махачкала, 29-30 марта 2018. С. 374–377.

Ашмарин И.П., Антонова Л.В., Титов С.А., Максимова Л.А., Каменский А.А. Возможные механизмы разнонаправленного действия АКТГ4-10 и его аналога, содержащего D-изомер фенилаланина, на поведение // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 1980. Т. 30. Вып. 6. С. 1196–1202.

Ашмарин И.П., Каразеева Е.П., Карабасова М.А., Самонина Г.Е., Кошелев В.Б., Копылова Г.Н., Лихтенштейн А.В., Бассалык Л.С., Каменский, С.А., Титов С.А., Чепурнов С.А., Чепурнова Н.Е., Балезина О.П., Зезеров Е.Г., Струкова С.М., Смирнова О.В. Патологическая физиология и биохимия. М.: Экзамен, 2005. С. 479.

Ашмарин И.П., Титов С.А. Современные представления о механизмах нейрологической памяти // Биологические науки. 1988. № 3. С. 30–42.

Воскресенская О.Г., Титов С.А., Каменский А.А., Голубович В.П., Ашмарин И.П. Влияние аналогов С-концевого фрагмента аргинилвазопрессина на динамику выработки условной реакции активного избегания у крыс // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 1998. Т. 48. № 1. С. 30–37.

Голубович В.П., Мартинович В.П., Усенко А.Б., Слободчикова Л.К., Титов С.А., Ашмарин И.П. Синтез и биологическая активность С-концевых фрагментов вазопрессина // Химико-фармацевтический журнал. 1988. XXII. № 6. С. 675–679.

Ерошенко Т.М., Титов С.А., Лукьянова Л.Л. Каскадные эффекты регуляторных пептидов // Итоги науки и техники. Серия «Физиология человека и животных». 1991. Т. 46. 204 с.

Зыбина А.М., Харченко Ю.С., Титов С.А., Аббасова К.Р. Поведенческие эффекты хронического введения карбамазепина, включенного в полимерные наночастицы // Материалы докладов VI Всероссийской научно-практической конференции Биоразнообразие и рационально использование природных ресурсов. Научное издание. Дагестан, Махачкала, 2019. С. 407–411.

Каменский А.А., Титов С.А. Гормоны гипофиза – регуляторы памяти // Природа. 1983. № 9. С. 64–73.

Мартинович В.П., Слободчикова Л.К., Голубович В.П., Ахрем А.А., Титов С.А., Воскресенская О.Г. Синтез и исследование биологической активности С-концевых фрагментов вазопрессина – АВП5-9 и pGlu-АВП5-9 // Химико-фармацевтический журнал. 1989. № 9. С. 1054–1057.

Никонова (Усенко) А.Б., Макарова Н.В., Титов С.А. Избирательное стимулирование вазопрессином исследовательского поведения у крыс // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 1987. Т. XXXVII. Вып. 3. С. 570–572.

Никонова (Усенко) А.Б., Титов С.А. Зависимость действия аргинилвазопрессина на выработку условной реакции активного избегания от частоты подкрепления // Вестник Московского университета. Сер. 16. Биология. 1988. № 3. С. 24–27.

Равич-Щербо И.В., Марютина Т.М., Гавриш Н.В., Титов С.А., Чернов Д.Н., Ермолаев О.Ю. Развитие как предмет дифференциальной психологии, психофизиологии и психогенетики // Школа Выготского сегодня. Москва, 2005. С. 154–174.

Титов С.А. Биология. Гуманитарная наука // Гуманитарные чтения РГГУ. 2016. С. 622–639.

Титов С.А. Взаимоотношение целого и частей в живых системах. Системные исследования // Методологические проблемы. Ежегодник. М.: Наука, 1991. С. 71–90.

Титов С.А. Герменевтические аспекты функционирования и развития биологических и социальных систем // Общественные науки и современность. 1997. № 2. С. 112–123.

Титов С.А. Знак, контекст и проблема развития в биологии, психологии и обществе. Пролегомены // Труды научного семинара «Теоретические проблемы клинической психологии». № 5. М.: Левъ, 2016. С. 33–52.

Титов С.А. На пути к биологической герменевтике // Известия РАН. Серия биологическая. 1993. № 2. С. 307–310.

Титов С.А. Образование в точке бифуркации // Общественные науки и современность. 2010. № 4. С. 73–81.

Титов С.А. Поликонтекстность живых систем. Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика // Материалы международной конференции. Т. 4. Кн. 2. 1997. С. 255–262.

Титов С.А. Проблема контекста в живых системах // Общественные науки и современность. 1996. № 3. С. 134–144.

Титов С.А. Системный и молекулярный подходы к проблемам памяти // Природа. 1990. № 6. С. 28–37.

Титов С.А., Ашмарин И.П. Вазопрессин и механизмы памяти, дискуссионные вопросы // Нервная система (сборник). Вып. 30. Л.: ЛГУ, 1991. С. 3–27.

Титов С.А., Воскресенская О.Г., Шамакина И.Ю., Ашмарин И.П. Влияние аргинид-8-вазопрессина, лизил-8-вазопрессина и аргинил-8-вазотоцина на двигательную активность и сердечную деятельность белых крыс // Доклады АН СССР. 1982. Т. 264. № 5. С. 169–1272.

Титов С.А., Каменский А.А., Кирзон М.В. О прямом действии новокаина на головной мозг белых крыс // Вестник Московского университета (биология, почвоведение). 1971. № 1. С. 98–99.

Титов С.А., Каменский А.А. Роль ориентировочного и оборонительного компонентов в поведении белых крыс в условиях «открытого поля» // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 1980. Т. 30. № 4. С. 704–709.

Титов С.А., Кирзон М.В. Влияние электролитического разрушения неспецифических структур переднего таламуса на формирование судорожных приступов при отравлении фторацетатом натрия // Доклады АН СССР. 1972. Т. 204. № 4. С. 1013–1016.

Титов С.А., Кирзон М.В. Характеристика электрической активности подкорковых и стволовых структур крыс в процессе отравления фторацетатом натрия // Вестник Московского университета (биология, почвоведение). 1970. № 1. С. 18–25.

Титов С.А., Кирзон М.В., Артюшкова В.А., Дуканич В.М. Анализ центральной компоненты регуляции сердечной деятельности белых крыс при отравлении фторацетатом натрия // Физиологический журнал СССР. 1973. Т. 59. № 1. С. 99–104.

Титов С.А., Кирзон М.В., Артюшкова В.А., Дуканич В.М. Нарушение сердечной деятельности у белых крыс, отравленных фторацетатом натрия // Научные доклады высшей школы. Биологические науки. 1974. № 4. С. 41–46.

Титов С.А., Крутько В.Н. Современные представления о механизмах старения // Физиология человека. 1996. Т. 22. №2. С. 1–6.

Титов С.А., Михайловский Г.Е. Функционально-целевые основы целостности живых систем // Системные исследовательские методологические проблемы. Ежегодник 1992-94. М.: Эдиториал УРСС, 1996. С. 317–342.

Титов С.А., Никонова (Усенко) А.Б. Оценка действия аргинил-вазопрессина на формирование условной реакции активного избегания у крыс // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 1987. Т. XXXVII. Вып. 5. С. 922–928.

Титов С.А., Усенко А.Б. Направленное действие вапзопрессина на оценку животным биологически значимых стимулов. Перспективы клинического применения препаратов пептидной природы // 2-й МОЛГМИ. 1987. С. 35–41.

Титов С.А., Усенко А.Б., Ашмарин И.П. Влияние вазопрессина на изменения поведенческих реакции у крыс, вызванные психотропными веществами // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 1989. Т. XXXIX. Вып. 2. С. 292–295.

Титов С.А., Шамакина И.Ю., Ашмарин И.П. Влияние лизилвазопрессина и вазотоцина на нарушение выработки условной реакции избегания блокатором серотониновых рецепторов // Бюллетень экспериментальной биологии и медицины. Т. 45. 1982. № 2. С. 31–33.

Титов С.А., Шамакина И.Ю., Никонова (Усенко) А.Б., Воскресенская О.Г., Калихевич В.Н. Устранение нарушения выработки условной реакции активного избегания С-концевым фрагментом лизилвазопрессина // Научные доклады высшей школы. Биологические науки. 1988. № 6. С. 45–48.

Шамакина И.Ю., Титов С.А., Никонова (Усенко) А.Б., Воскресенская О.Г. Действие гормонов нейрогипозиза на различные типы поведенческих реакций у крыс // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. Т. 37. 1987. № 1. С. 100–105.

Voskresenskaya O.G., Titov S.A., Kamenskii A.A., Golubovich V.P., Ashmarin I.P. The effects of the C-terminal fragment of arginine-vasopressin on the dynamics of development of a conditioned active avoidance response in rats // Neuroscience and Behavioral Physiology. 1999. Vol. 29. no. 2. P. 205–210.

Zybina A., Anshakova A., Malinovskaya J., Melnikov P., Baklaushev V., Chekhonin V., Maksimenko O., Titov S., Balabanyan V., Kreuter J., Gelperina S., Abbasova K. Nanoparticle-based delivery of carbamazepine: A promising approach for the treatment of refractory epilepsy // International Journal of Pharmaceutics. 2018. Vol. 547. no. 1. P. 10–23.

Тезисы докладов

Антонова Л.В., Титов С.А., Воскресенская О.Г., Сарычева Н.Ю., Шамакина И.Ю., Никонова (Усенко) А.Б., Каменский А.А. Сопряженная регуляция гормонами гипофиза приобретенного поведения // Симпозиум «Нейропептиды, их роль в физиологии и патологии». Томск, 1985. С. 124–125.

Ашмарин И.П., Титов С.А., Воскресенская О.Г., Шамакина И.Ю., Никонова (Усенко) А.Б. Поведенческие эффекты окситоцина // Всесоюзный симпозиум «Система мозговых и внемозговых пептидов». Ленинград, 1984. С. 9.

Титов С.А. Взаимодействие социального и биологического контекстов в развитии личности // Материалы третьих чтений памяти Л.С. Выготского. РГГУ, 2002. С. 98–102.

Титов С.А. Взаимосвязь религиозных представлений с некоторыми характеристиками личности // Материалы VII Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 2006.

Титов С.А. Возрастные особенности взаимосвязи различных видов памяти // Материалы IX Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 2008.

Титов С.А. Изменение возбудимости ретикулярной формации таламуса в процессе отравления фторацетатом натрия // Рефераты докладов научной конференции молодых ученых МГУ. 1968. С. 231–232.

Титов С.А. Реформа образования в обществе постмодерна // Материалы XI Международных чтений памяти Л.С. Выготского. Москва, 2009.

Титов С.А. Семиотическая организация и восприятие времени у живот-

ных и человека. Семиотическая организация и восприятие времени у животных и человека // Международная научная конференция научная конференция «Культурно-исторический подход: от Л.С. Выготского – к XXI веку». 14 – 19 ноября 2017. С. 611–616.

Титов С.А. Электрическая активность различных структур головного мозга крыс в процессе отравления фторацетатом натрия // Научная конференция молодых ученых. М.: МГУ, 1968. С. 85–87.

Титов С.А., Антонова Л.В., Ашмарин И.П., Каменский А.А., Незавибатько В.Н. Влияние фрагментов АКТГ и их аналогов на угасание ориентировочной реакции крыс // Тезисы докладов 4-й Всесоюзной конференции «Память и следовые процессы». Пущино, 1979. С. 13–14.

Титов С.А., Антонова Л.В., Ашмарин И.П., Каменский А.А., Пономарева-Степная М.А. Влияние двух аналогов АКТГ на обучение и ориентировочное поведение белых крыс // Теоретические основы патологических состояний. Л.: Наука, Б.г. С. 173–175.

Титов С.А., Воскресенская О.Г., Тюрмина О.А., Шамакина И.Ю. Исследование действия некоторых производных энкефалина на болевую чувствительность, двигательную активность и обучаемость белых крыс // Всесоюзный симпозиум «Перспективы биоорганической химии в создании новых лекарственных препаратов». Рига: Институт органического синтеза, 1982. С. 65

Титов С.А., Воскресенская О.Г., Усенко А.Б. Сравнительная оценка воздействия вазопрессина на поведение крыс при внутрибрюшинном и интраназальном введении // Симпозиум «Физиология пептидов». Ленинград, 1988. С. 37–38.

Титов С.А., Воскресенская О.Г., Шамакина И.Ю. Влияние вазопрессина и его аналогов на двигательную активность и сердечную деятельность белых крыс // Всесоюзный симпозиум «Перспективы биоорганической химии в создании новых лекарственных препаратов». Рига: Институт органического синтеза, 1982. С. 66.

Титов С.А., Воскресенская О.Г., Шамакина И.А. Разнонаправленное действие гормонов нейрогипофиза и их аналогов на выработку условных реакций с положительным и отрицательным подкреплением // Всесоюзный симпозиум «Нейрохимические механизмы регуляции памяти». Пущино, 1984. С. 19.

Титов С.А., Голубович В.П., Мартинович В.П., Слободчикова Л.К., Воскресенская О.Г., Усенко А.Б. Синтез и исследование поведенческой активности С-концевых фрагментов вазопрессина и их аналогов // 7-й Всесоюзный симпозиум по химии белков и пептидов. Таллин, 1987. С. 168–169.

Титов С.А., Кирзон М.В., Каменский А.А., Зак П.П. Генезис судорожного

приступа при тотальном и локальном (внутримозговом) введении судорожных ядов // Научная конференция «Механизмы регулирования жизнедеятельности организма в условиях патологии. Баку, 1970. С. 172–173.

Титов С.А., Мамиконова О.А. Пептидный контекст и регуляция состояния организма Физиологическое и клиническое значение регуляторных пептидов. Пущино, 1990. С. 179.

Титов С.А., Никонова (Усенко) А.Б. Влияние вазопрессина на поведение крыс в условиях его экспериментального нарушения // Симпозиум «Физиология пептидов». Ленинград, 1988. С. 200–201.

Титов С.А., Никонова (Усенко) А.Б., Шамакина И.Ю., Воскресенская О.Г. Вазопрессин и окситоцин – реципрокные регуляторы реактивного поведения // XY съезд Всесоюзного физиологического общества им. И.П. Павлова. Т. 2. Л.: Наука, 1987. С. 288.

Титов С.А., Усенко А.Б. Об адекватности метода выработки условной реакции пассивного избегания для изучения следовых процессов // Сравнительная физиология высшей нервной деятельности человека и животных. Москва, 1988. С. 215–217.

Титов С.А., Шамакина И.Ю. Нарушение выработки реакции избегания ципрогептадином и его модификация вазопрессином и вазотоцином // Всесоюзный симпозиум «Нейрохимические механизмы регуляции памяти». Пущино, 1984. С. 36.

Титов С.А., Шамакина И.Ю., Ашмарин И.П. Влияние вазопрессина и вазотоцина на нарушение выработки реакции избегания, вызванное диэтилдитиокарбаматом // Всесоюзный симпозиум «Нейрохимические механизмы регуляции памяти». Пущино, 1984. С. 10.

Шамакина И.Ю., Никонова (Усенко) А.Б., Калихевич В.Н., Воскресенская О.Г., Титов С.А. Действие С-концевого фрагмента лизилвазопрессина на спонтанное и выработанное поведение // Симпозиум Нейропептиды, их роль в физиологии и патологии. Томск, 1985. С. 125–126.

Abbasova K., Zybina A., van Luijtelaar Gilles, Titov S., Timoshina J. Changes in T2 relaxation time as a biomarker of aggravation of absence epilepsy in rats // FENS forum 2018. Berlin, Germany, 7-11 jul., 2018.

Gulyaev M., Petuchov V., Titov S., Abbasova K., Kulichenkova K. MRI Study of structural changes in brain of adult WAG/Rij rats after febrile seizures at early postnatal age // 10th Annual World Congress of SBMT. Baltimore, Maryland, 2013.

Авторские свидетельства

Титов С.А., Мартинович В.П., Голубович В.П., Воскресенская О.Г., Ашмарин И.П., Слободчикова Л.К., Осипович И.Н., Ахрем А.А. Нейропептиды, облада-

ющие поведенческой активностью. Авторское свидетельство №1623166, 1990.

Учебно-методические работы

Биология. 1000 вопросов и ответов: Учебное пособие для поступающих в вузы / А.А. Каменский, Н.А. Соколова, С.А. Титов. 1–4-е изд. М.: Книжный дом «Университет», 1998– 2001.

Биология. Ответы на вопросы: Учебное пособие / А.А. Каменский, Н.А. Соколова, С.А. Титов. 1–5-е изд. М.: 1-я федеративная книготорговая компания, 1997–2002.

Нейрохимические основы памяти // Биохимия мозга: Учебное пособие / Под ред. И.П. Ашмарина, П.В. Стукалова, Н.Д. Ещенко. СПб.: Университет, 1999. С. 267–295.

Нейрохимические основы памяти // Нейрохимия / Под ред. И.П. Ашмарина, П.В. Стукалова. М.: Издательство института биомедицинской химии РАМН, 1996. С. 372–414.

Нервно-психические заболевания // Элементы патологической физиологии и медицины. Учебное пособие / Под ред. И.П. Ашмарина. М.: МГУ, 1992. С. 134–160.

Нервно-психические заболевания // Элементы патологической физиологии и медицины. Учебное пособие / Под ред. И.П. Ашмарина. Изд. 2-е, испр. и допол. М.: МГУ, 1992. С. 154–181.

Программа вступительного экзамена по биологии для поступающих в РГГУ по специальности «Психология». 1–15-е изд. М.: РГГУ, 1997–2011.

Тематические сообщения

УДК 159.9
DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-72-95

Проблема человека в российской психологии и за ее пределами[1]

Марина С. Гусельцева
Психологический институт РАО,
Москва, Россия, mguseltseva@mail.ru

Аннотация. Проблема человека в психологии, ее постановка и решение обусловлены развитием социогуманитарного познания в целом. При этом становление социогуманитарных наук в России имело нелегкую историю. Специфика российских модернизаций и волн просвещения проявилась в заимствовании образцов и интеллектуальных традиций, в доминировании государства над обществом, в приоритете инструментальных сторон развития над гуманитарными, а также в противоречивости и незавершенности культурно-психологических процессов, связанных с трансформациями самого человека. Если результатом европейского ренессанса было появление нового типа личности, далее последовавшего путями реформации, модернизации и просвещения, то русский ренессанс имел слабовыраженную форму, а его смысл заключался не только в повороте к человеку, но и в возрождении в России европейских гуманитарных ценностей. Процессы гуманизации общества, антропологизации жизни и индивидуализации культуры, будучи инициированы ренессансным духом, имели в России характер постоянно возобновляемых, дисперсных и латентных движений. Показано, что антропологическая проблематика разрабатывалась не только в известных работах Н.Г. Чернышевского, П.Л. Лаврова, К.Д. Ушинского, в подходах В.М. Бехтерева, Б.Г. Ананьева и С.Л. Рубинштейна, но и в малоизвестных широкой публике трудах Г.Г. Шпета и ученых ГАХН, при рассмотрении вопросов искусства и архитектуры, в публицистике и литературном творчестве. С позиций ретроспективного и генеалогического анализа обнаружено, что антрополо-

© Гусельцева М.С., 2021

[1] Статья подготовлена на основе выступления на ежегодных Шпетовских чтениях в рамках Международной научной конференции «Человек в ситуации изменений: реальный и виртуальный контекст», РГГУ, 12-13 апреля 2021 г.

гический поворот осуществлялся на протяжении XX в., проявившись в разработках психологии личности, психологии субъекта, а также в экзистенциальных и философских направлениях постсоветской психологии. Выражением антропологического подхода в психологии стало не только движение к построению психологии человека, но и возникновение психологии повседневности, фокусирующейся на изменениях современности и этнографическом разнообразии человеческого бытия.

Ключевые слова: социогуманитарное знание, проблема человека, Ренессанс, Просвещение, гуманизация, антропологизация психологии, антропологический подход, интеллектуальные традиции

Для цитирования: Гусельцева М.С. Проблема человека в российской психологии и за ее пределами // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2. С. 72–95. DOI:10.28995/2073-6398-2021-2-72-95

The problem of man in Russian psychology and beyond

Marina S. Guseltseva

Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, Russia, mguseltseva@mail.ru

Abstract. The problem of a person in psychology, its formulation and solution are rooted in the development of human and social sciences in general. In Russia, the formation of these sciences had a difficult history. The specificity of Russian modernizations and waves of enlightenment manifested itself in the borrowing of models and intellectual traditions, in the domination of the state over society, in the priority of the instrumental aspects of development over the humanitarian, as well as in the inconsistency and incompleteness of cultural and psychological processes associated with the transformations of the person himself. If the result of the European Renaissance was the emergence of a new type of personality, which then followed the paths of reformation, modernization and enlightenment, then the Russian Renaissance had a weakly expressed form, and its meaning consisted not only in a turn towards man, but also in the revival of European humanitarian values in Russia. The processes of humanization of society, anthropologisation of life and individualization of culture, initiated by the Renaissance spirit, had in Russia the character of constantly renewed, dispersed and latent movements. It is shown that anthropological problems were developed not only in the well-known works of N.G. Chernyshevsky, P.L. Lavrov, K.D. Ushinsky, in the approaches of V.M. Bekhterev, B.G. Ananyev

and S.L. Rubinstein, but also in the unobvious activities of G.G. Shpet and GAKhN scientists, in the study of issues of art and architecture, in journalism and literary work. From the standpoint of retrospective and genealogical analysis, it was found that the anthropological turn was carried out throughout the twentieth century, manifested in the development of personality psychology, the psychology of the subject, as well as in the existential and philosophical approaches of post-soviet psychology. The expression of the anthropological approach in psychology was not only the movement towards the construction of human psychology, but also the emergence of the psychology of everyday life, focusing on the changes of the present and the ethnographic diversity of human existence.

Keywords: human and social sciences, the problem of man, Russian Renaissance, Enlightenment, humanism, anthropological turn, anthropologisation of post-soviet psychology, intellectual tradition

For citation: Guseltseva, M.S. (2021), "The problem of man in Russian psychology and beyond", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 72–95, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-72-95

Введение: постановка проблемы

Проблема человека в психологии, ее постановка и решение обусловлены развитием социогуманитарного знания в целом. Науки о человеке (human and social sciences, sciences de l'homme) формируются, согласно М. Фуко, в XVIII веке, когда человек как таковой становится объектом познания [Фуко 1994]. Примечательно, что сходные мысли в 1919 г. развивал Г.Г. Шпет в небольшой статье, посвященной антропологизму русского философа П.Л. Лаврова [Шпет 1922]. «XVIII век – вообще век завершений и новых начал... Это – век также, когда знание о человеке организуется в науки о человеке, век рождения гуманистических наук» [Шпет 1922, с. 76]. Г.Г. Шпет обращает внимание, что в XVIII веке происходила институциализация антропологии и психологии, появились первые психологические школы, проблема человека сделалась центральной для философии, где возникло множество трактатов на данную тему. «...Эмпирическая психология отделяется, как самостоятельная наука, ...психическая антропология очерчивает себе круг проблем, решение которых и до сих пор еще не исчерпано. <...> Проблему человека в XVIII в. решали не только философы, психологи, физиологи, антропологи, историки, моралисты, политики, поэты, но и сама жизнь» [Шпет 1922, с. 77]. В 1799 г. в Париже появилось первое антропологическое общество с оригинальным названием

Société des Observateurs de l'Homme [Орлова 2010]. Проблема человека рассматривалась в разных дискурсах и интеллектуальных традициях.

Так в эпоху Просвещения были сформированы ведущие антропологические традиции, которые не только развивали разные методологии и исследовательские подходы, но и предлагали свои образы человека в качестве идеалов социализации и развития личности. Британская традиция ориентировалась на эмпиризм, сравнительные исследования, эволюцию социальных институтов и права. Именно в ее контексте в дальнейшем сформировалось направление исследований, известное как социальная антропология. Немецкая традиция занималась философской разработкой проблемы человека, фокусировала внимание на духовной активности и историческом способе мышления о человеке и обществе. В ее контексте возникли этнология и философская антропология. Французская традиция отличалась рационализмом и социогенетизмом, подчеркивая общественную обусловленность психического развития и роль разума в обустройстве жизни. Ей также присуще панорамное видение и стремление к интеграции исследований, осуществленное в движении исторического синтеза школы Анналов. Историческая и структурная антропологии образовались в ее контексте (подробнее о разных исследовательских традициях: [Гусельцева 2014]). Отметим, что российская традиция в своем становлении питалась преимущественно немецкими и французскими источниками, для нее характерны универсализм, синкретичность, некоторая размытость антропологической проблематики.

Цель данной статьи – с позиций ретроспективного анализа обратить внимание на неявную антропологизацию психологического знания в России, происходившую в контексте общих социокультурных трансформаций.

Становление социогуманитарного знания в России

Судьба социогуманитарного знания в России складывалась довольно непросто. «Россия начала свою культуру с немецких переводов» – писал Г.Г. Шпет[2] в 1922 г. [Шпет 2005, с. 85]. Незавершенный

[2] «Неразработанность русского литературного языка, отсутствие научно подготовленных людей, отсутствие научной терминологии, невежество читателя, не понимавшего, зачем ему данная книга, и не знавшего, какая книга ему нужна, – все это стояло на пути этому средству духовного просветления России. Русская художественная литература героически боролась с кирилло-мефодиевским наследием в языке, и, когда воссиял Пушкин, болгарский туман рассеялся навсегда. Хуже дело обстояло в науке. За отсутствием своего языка долго еще пришлось пользоваться языками чужими, а переводная литература тем медленнее переходила к настояще-

труд Г.Г. Шпета «Очерк развития русской философии» выходит далеко за пределы своего названия и сообщает сегодняшнему читателю о становлении науки в России, проблемах русского просвещения и поисках идентичности. Это блестящий анализ особенностей российского стиля мышления, истории и культуры. «XVII век в Западной Европе – век великих научных открытий, свободного движения философской мысли и широкого разлива всей культурной жизни. Последний не мог не докатиться и до Москвы – против ее собственной воли» [Шпет 2005, с. 82].

В становлении социогуманитарного знания в России исследователи выделяют следующие ключевые проблемы:

1) *Приоритет позитивного и утилитарного знания над гуманитарным* имел социально-психологические последствия, связанные с тем, что упор во всех российских модернизациях делался не на становление личности, не на развитие человека, а на индустриализацию и технологии. «Невежество – какая-то историческая константа в развитии русского творчества и в самоопределении его путей. <...> Складывающееся на почве невежества утилитаристическое отношение к знанию и ко всякому свободному творчеству само по себе не есть явление объективной реальности. Скорее, это – факт субъективный, социально-психологический» [Шпет 2005, с. 98].

2) *Доминирование государства над обществом* приводило к неразвитости в русской культуре индивидуальности человека и личной инициативы [Кавелин 1989]. Иным следствием этого была вынужденная литературоцентричность, где литература подменяла собой все – от общественно-политической сферы и философии до развития социогуманитарных наук. «...Для России Новое время так и осталось в литературе, в мысли; на Западе оно проникло в каждодневное существование – в психологию частных лиц, в общественные отношения, законы, государственную и общественную практику» [Мильдон 2013, с. 18].

3) Проблему, которую Г.Г. Шпет формулировал в категориях невежества и культурного отставания, сегодня более актуально сфокусировать на *незавершенности культурно-психологических процессов таких, как модернизация, ренессанс, реформация, просвещение,* поскольку это не только цивилизационные механизмы, переводящие общество из одного режима развития в другой, но и вехи рождения нового типа личности.

Незавершенный Ренессанс

му русскому языку, что значительную часть работников для нее поставляла духовная школа с ее понятной склонностью к пользованию языком церковного обихода» [Шпет 2005, с. 91].

Согласно литературоведу В.И. Мильдону, русский Ренессанс был начат А.С. Пушкиным и искусственно прерван в 1920-е гг. [Мильдон 2013]. В свое время Н.А. Бердяев также писал о том, что А.С. Пушкин – ренессансный человек – единственный представитель Возрождения в русской литературе[3] [Бердяев 1994]. На незавершенность культурно-психологических процессов в России обращал внимание Д.С. Лихачев, называя культурный подъем XIV–XVI вв. предвозрождением [Лихачев 2006]. Историк А.Ф. Замалеев в качестве специфики предренессанса XIV–XVI вв. указывает на «жесткое цезарефильство» вместо возрожденческого свободомыслия [Замалеев 2014]. В этой логике творческую деятельность В.К. Тредиаковского (1703–1768), А.П. Сумарокова (1717–1777), М.В. Ломоносова (1711–1765) и Г.Р. Державина (1743–1816) следовало бы охарактеризовать как русское предпросвещение.

В русской истории цивилизационные процессы Ренессанса, Реформации, Просвещения продолжаются и по сей день. Их возобновляемость и незавершенность, как будет показано ниже, накладывают свой отпечаток на проблему человека в науке, в культуре и в жизни. Это ярко проявилось и в судьбе Г.Г. Шпета, на что обратил внимание литературовед Г. Тиханов. Он отмечает ренессансную одаренность Г.Г. Шпета и вынужденную незавершенность практически всех его проектов. «Само его самоопределение как философа и ученого оказалось под вопросом. На первый взгляд жизнь предлагала ему бесконечное разнообразие возможностей, но среди них не было той, которая могла бы его удовлетворить сполна, – он занимался множеством самых разных вещей, однако метания эти были вынужденными. Драма Шпета – драма мыслителя и публичного интеллектуала,

---

[3] «Сущность Ренессанса в том, что в нем обнаружился свободный избыток творчества человека» [Бердяев 1994, с. 404]. Начавшееся в 1920-е гг. социалистическое строительство в России Н.А. Бердяев сравнивал с «процессом закрепощения – аналогичным тому, который начался в эпоху императора Диоклетиана, в эпоху раннего средневековья», считал «реакцией против освободительных процессов новой истории, ... которые освободили человеческую индивидуальность» [Там же]. «В России мы переживаем конец Ренессанса и кризис гуманизма острее, чем где бы то ни было на Западе, не пережив самого Ренессанса. В этом – своеобразие и оригинальность русской исторической судьбы. Нам не было дано пережить радость Ренессанса, у нас, русских, никогда не было настоящего пафоса гуманизма, мы не познали радости свободной игры творческих избыточных сил. Вся великая русская литература, величайшее наше создание, которым мы можем гордиться перед Западом, не ренессансная по духу своему. В русской литературе и русской культуре был лишь один момент, одна вспышка, когда блеснула возможность Ренессанса, – это явление пушкинского творчества, это культурная эпоха Александра I. Тогда и у нас что-то ренессансное приоткрылось. Но это был лишь короткий период, не определивший судьбы русского духа» [Бердяев 1994, с. 405].

уделявшего свое внимание такому количеству проектов, осуществить которое не представлялось возможным. Он так и не завершил обещанного продолжения первого тома «Очерка развития русской философии» (1922), не опубликовал уже заявленную четвертую часть «Эстетических фрагментов» или продолжение «Введения в этническую психологию»» [Тиханов 2008].

Тем не менее, время, в которое творит ранний Г.Г. Шпет, – это эпоха, имеющая выраженные ренессансные черты. Смысл же ренессанса как механизма развития культуры заключается в том, что он выступает предпосылкой нового понимания человека, его места в мире, а в дальнейшем – отношений личности как с обществом, так и с государством. Эти проблемы решает уже эпоха Просвещения. Не случайно И. Кант связывал Просвещение с совершеннолетием человечества, где признаком культурно-психологической зрелости отдельного человека является *мужество пользоваться собственным разумом* [Кант 1966]. Не случайно В. Гумбольдт в работе «О пределах государственной деятельности» формулирует новую парадигму взаимоотношений личности и государства: не человек есть средство решения государственных задач, а напротив, *задача государства – способствовать развитию человека* [Гумбольдт 2003]. Именно смене этой парадигмы служат эпохи Ренессанса, Реформации и Просвещения, в контексте которых происходит становление автономии личности, субъектности человека, а также расцвет национальных языков, литератур и исследовательских традиций. Сам Г.Г. Шпет связывал Ренессанс с духовным рождением нации [Шпет 2005]. Однако, если смысл европейского Ренессанса – появление нового человека, который в дальнейшем пойдет путями реформации, модернизации и просвещения, то смысл русского Ренессанса – это, с одной стороны, поворот к человеку, а с другой, – возрождение в России европейских гуманитарных ценностей [Мильдон 2013][4].

В контексте этого ренессансного духа возникла и Государственная академия художественных наук (ГАХН) как школа европейской мысли[5] [Искусство как язык 2017], как явле-

---

[4] «Ренессанс появляется в качестве ответа на угрозу потери человеком того, что составляет его сущность, когда человеческое отступает, и потому нужен приток свежих сил – вот почему Ренессанс, согласно Ясперсу, есть феномен повторный» [Мильдон 2013, с. 21].

[5] Важно отметить, что в начале XX в. российские ученые были интегрированы в мировую науку, в том числе через свободное владение языками и стажировки для завершения образования за рубежом. Это показательно на примере научной деятельности Г.Г. Шпета, свободно владеющего тринадцатью иностранными языками (английским, немецким, французским, итальянским, испанским, польским, шведским, норвежским, датским, украинским, болгарским, латинским и греческим), переводившего с семнадцати [Шпет в Сибири 1995].

ние российской культуры[6] [Мильдон 1997], для которой, как уже отмечалось, характерны синтетизм, универсализм, но и некая размытость в постановке проблемы человека. Последний изучался здесь опосредовано, не был в фокусе внимания. Так, Г.Г. Шпет разрабатывал в ГАХН синтетическую (синехологическую) методологию, но вопросы личности и антропологии разбросаны отдельными замечаниями по разным его текстам (их реконструкцию осуществила, например, Т.Г. Щедрина [Щедрина 2011]). Проблема человека в Академии была растворена в изучении искусства, при этом довольно активно здесь обсуждались вопросы пространства. В этой связи В.И. Мильдон выделяет пространственную топологию как направление философского антропологизма, усматривая специфику русской постановки проблемы человека в его взаимосвязи с непредсказуемой стихией, безбрежностью и бесформенностью, обусловившими непроявленность индивидуальности, трудности вочеловечивания в России, отделения культуры от природы, вычленение личности из стихии сообщества. «Пространством (геологией) объяснима русская гуманитарная идея: ...[отсутствие] человека в качестве социального субъекта» [Мильдон 1997, с. 90]. А.Г. Габричевский, изучая вопросы пространства, отмечал, что за невозможностью овладеть внешней реальностью человек должен перестроить себя, ориентируясь на ценностные идеалы «в соответствии с объективными законами добра, истины, красоты» [Мильдон 1997]. В свою очередь, для Г.Г. Шпета произведение искусства выступало в качестве «живого целого», где объективировалась личность художника [Щедрина 2011]. Имплицитная философия человека содержалась в трудах представителей философского отделения ГАХН – А.В. Бакушинского, А.Г. Габричевского, Н.И. Жинкина, Б.А. Шапошникова и др. [Мильдон 1997].

Явная и неявная антропологизация российской психологии и культуры

В контексте данной статьи под антропологией в психологии понимается прежде всего разработка проблематики человеческого бытия. При таком подходе в ретроспективном анализе обнаруживается российская антропологическая традиция, ведущими чертами которой можно назвать латентность как непроявленность и нечеткость в постановке проблемы человека, синкретизм и литературоцентричность. С последней связана магическая

[6] В.И. Мильдон показывает, что «ГАХН вырастает из опыта русского интеллектуального кружка, созданного Симеоном Полоцким» [Мильдон 1997, с. 88] и психологического семинария Г.И. Челпанова в Киеве.

роль слова в русской культуре, где слова нередко подменяют собой дела, где слово становится или не становится социальным действием[7].

Итак, с позиции ретроспективного и генеалогического анализа выявляется, что антропологический поворот в России на протяжении XX в. протекал в латентной форме. Это обусловило тот факт, что накопление интеллектуальных и культурных слоев, которые служат порождающим контекстом для возникновения наук о человеке, для появления психологии человека, и, наконец, для рождения личности в качестве ренессансного продукта, происходило здесь незаметно, в рассеянных и дисперсных движениях. Антропологическая проблематика зачастую была растворена в чем-то ином – будь то изучение пространства, архитектуры или искусства портрета, публицистика или роман-эпопея. Таким образом, в России из-за подавляющего личную инициативу государства и в силу исторических традиций (path dependence) процессы гуманизации общества, антропологизации психологии и индивидуализации культуры протекают зачастую скрыто – как от самих авторов, так и от рефлексии наблюдателей. Однако эти тенденции, незаметные современникам, лучше видны спустя время, в ретроспективном и генеалогическом анализе.

Не претендуя на всеохватность, обратимся к скрытым антропологическим движениям в психологии. Антропологический подход представлен в российской психологии в разновидностях психологии личности, психологии субъекта, педагогической антропологии (ведущей начало от работ К.Д. Ушинского [Ушинский 2004]), в разработках философско-психологической антропологии. Проблема человека широко обсуждалась в трудах Б.Г. Ананьева, С.Л. Рубинштейна [Ананьев 1969; Рубинштейн 2003], чему посвящено немало исследований [Логинова 2007; Логинова 2009]. Однако задача данной статьи – обратить внимание скорее на неявную антропологизацию психологического знания в России, которая происходила в основном во второй половине XX в. При этом, не имея возможности остановиться на всех работах, где ставилась и решалась проблема человека в постсоветской психологии [Абульханова, Березина 2002; Асмолов 2007; Брушлинский 1994; Гришина 2009; Гришина 2011;

[7] Ср.: «Россия – парламентская нация, лишенная парламента. Отчего она страдает, не осознавая причины. Каждую публичную площадку, предназначенную совсем не для этого, русские пользователи превращают в квазипарламент – это произошло с ЖЖ, с Facebook, с TikTok. Мы – литературоцентрическая, логоцентрическая культура, мы поклоняемся слову и человеку, который может его производить. Тот, кто умеет говорить и писать, обладает у нас неадекватными конкурентными преимуществами» [Шульман 2021].

Логинова 2016; Логинова 2017; Петровский 2010; Психология с человеческим лицом 1997; Психология субъекта 2010; Розин 1994; Слободчиков, Исаев 1995], выборочно коснемся наиболее репрезентативных для названной задачи.

Латентные антропологии в постсоветской психологии

Всякий выбор точки отсчета субъективен, однако, не придерживаясь хронологии, начать все-таки следует с поэтической антропологии В.П. Зинченко, который доказывал, с одной стороны, неизбежность преодоления психологией дисциплинарных границ и сближения ее с философией[8], а с другой, – настаивал на возвращении в психологию целостного человека. Поэтическая антропология стала для него решением этой проблемы. Согласно В.П. Зинченко, она возвращает в психологию жизнь, живое знание – целостного человека, живой язык, свободу, неопределенность, расширяет горизонты сознания исследователя. «Смысловым центром поэтической антропологии ...является весь человек» [Зинченко 1994, с. 7]. Отметим также, что важную роль в постсоветском периоде творчества В.П. Зинченко играл диалог с трудами Г.Г. Шпета [Зинченко 2000]. В.П. Зинченко подчеркивал, что для Г.Г. Шпета: «Я – это подлинная единственность, а не совокупность общественных отношений и не продукт коллектива» [Зинченко 1999, с. 111][9]. Небольшая работа Г.Г. Шпета «Один путь психологии и куда он ведет», появившаяся в 1912 г. в посвященном Л.М. Лопатину сборнике статей, открывала для психологии социогуманитарные и герменевтические перспективы [Шпет 1996].

Иной ракурс проблемы человека представлен в подходе Б.С. Братуся, согласно которому развитие человека есть раскрытие его человеческой сущности [Братусь 1990; Братусь 1997]. Автор делает важное замечание о том, что субъектом бытия является весь человек, тогда как личность – лишь его психологический инструмент. «Бытийствует не личность, а человек» [Братусь 1997, с. 6]. При этом человек может быть «психически здоров, но личностно болен» [Братусь 1997, с. 10]. Личность с позиций психолога – «особый психологический инструмент, орудие, принадлежащее, служащее человеку, как и другие психологические ...инструменты» [Братусь 1997, с. 6]. Заметим, что подобное по-

[8] Для психологии «интервенция в другие науки и прежде всего в культурную философскую антропологию неизбежна» [Зинченко 1994, с. 7].

[9] «Я – свободно, раз оно во всем остается самим собой» [Шпет 1994, с. 106]. «Я – необъяснимо. Оно подвергается только истолкованию, т.е. переводу на язык другого я...» [Шпет 1994, с. 28].

нимание личности довольно близко и к трактовке Г.Г. Шпета, для которого личность есть человек через описание его характера, поведения, социального статуса; образ человека со стороны общества [Щедрина 2011]. Личность – социальное в человеке; это существование человека в коммуникативной активности. Личность реализуется в творчестве культурных благ [Шпет 1996]. Также показательным является отмеченный Б.С. Братусем в контексте гуманитарной психологии «переход от понимания человека как средства к пониманию человека как самоценности» [Братусь 1990, с. 12], отсылающий к вышеупомянутым идеям И. Канта и В. Гумбольдта.

Важные методологические идеи построения психологии человека представлены в подходе А.А. Пузырея. Он выделяет два ориентира для психологии человека: во-первых, это европейская философия XX века, чей опыт фактически не освоен психологией; во-вторых, недирективные психотерапевтические практики, которые также не всегда успевали быть теоретически осмыслены [Пузырей 2005]. «Современная научная психология личности ... прошла мимо современной философии!» [Пузырей 2005, с. 465]. Между тем, поиск новых образов человека осуществляется культурными практиками, современной гуманистической психотерапией. «Путь к этой новой психологии открывает генеалогический (в смысле позднего Фуко) анализ психопрактик, внутри которых человек – в современном его понимании – и конституируется в качестве такового» [Пузырей 2005]. Вызовами новой психологии являются реальность жизненных проблем, ориентация на образ человека саморазвивающегося, путь самопознания и личностного роста для самого психолога [Пузырей 2005][10].

Следующий подход в психологии, обратившийся к проблеме человека, представлен экзистенциальной и дифференциальной антропологиями Д.А. Леонтьева [Леонтьев 2004; Леонтьев 2019]. Автор задается вопросом об отличиях человечности от гуманности [Леонтьев 2012], вводит понятия транссоциализации и индивидуальной ситуации развития, которые подчеркивают

[10] «Эти цели и ценности реализуются в поиске пути к конкретной психологии человека, которая:

– была бы состоятельной перед лицом реальных жизненных проблем современного человека;

– ориентировалась бы на человека, условием существования которого является работа над собой, ведущая к его личностному росту;

– была бы путем самопознания и личностного развития и для самого психолога;

– могла бы быть включена в поиск новых форм жизни и нового человека.» [Пузырей 2005, с. 466].

активность человека в его собственном становлении[11]. Человеческое в человеке рассматривается Д.А. Леонтьевым как интеграция разных свойств субъекта: органических, биологических, социальных и психологических. «Путь антропогенеза идет не от биологического к социальному, а от биологического через социальное к человеческому, которое оказывается в некотором смысле равноудалено от биологического и от социального» [Леонтьев 2012, с. 239]. Довольно продуктивной представляется его модель двух типов культуры – культуры усилия и культуры расслабления, опирающаяся на философские идеи М.К. Мамардашвили (концепция личного усилия), выявляющая в современности разные практики человеческого бытия [Леонтьев 2007]. Д.А. Леонтьев обсуждает антропологический кризис, связанный с тем, что XX в. «дискредитировал все ранее существовавшие образы человека», отмечая, что в «современном, экзистенциальном образе человека» нет предзаданности – это диалектический образ, где человек выбирает возможности быть «добрым или злым, высоким или низким» [Леонтьев 2014, с. 175].

Проблема человека органически вырастает и из психологии понимания В.В. Знакова [Знаков 2016]. Автор развивает идеи о сближении психологии со смежными науками, о многомерности мира человека, изменчивости контекстов его бытия и разнообразии субъективности. Особого внимания заслуживает мысль о необходимости изучать в психологии «человека, созидающего самого себя» [Знаков 2020, с. 51]. В.В. Знаков отмечает, что в современной науке «происходит переосмысление категории «субъект»: от его понимания как самоидентификации, обнаружения в человеке активного начала – к самоконструированию, поиску таких дискурсов и практик, в которых осуществляется раскрытие множественности вариантов динамики развития субъектности» [Знаков 2020, с. 46]. В ситуации современности для психологии важны философские, социогуманитарные и естественнонаучные перспективы исследований человека.

Методологический смысл для психологии антропологического знания

Помимо философии в наши дни еще одним источником для психологии человека становится разнообразие антропологических подходов. Здесь важно отметить, что на рубеже XX–XXI вв. и сама антропология претерпела кардинальные изменения, перешла от изучения разных культур и традиционных

[11] «Активность личности является ключевым фактором в ее становлении и развитии, недооцениваемым традиционными концепциями» [Леонтьев 2012, с. 12].

обществ к таким проблемам, как современность, глобализация, гендер и идентичность, изучение городских сообществ (в том числе, столкновения ценностей внутри одного общества) [Eriksen 2006; Eriksen et al. 2015; Hannerz 2010], происходило и распространение антропологических методов для изучения феноменов лидерства, корпоративной культуры и т.п. [Крамер, Браун 2018; Логан и др. 2021].

Антропология сегодня представлена разнообразием исследований человека в диапазоне от биологических и археологических до философских и социогуманитарных. Современная антропология – это наука о разнообразии человеческого бытия, о человеке в глобальных и локальных контекстах, о человеке в мире и мире в человеке, об индивидуумах и сообществах, пребывающих в изменениях. Антропология – это наука о другом (похожем и отличающемся) человеке, а также о человеке, который эволюционировал в истории и меняется на наших глазах в повседневной жизни. Антропологическая оптика в психологии помогает сфокусировать взгляд на привычном как необычном, своем – как странном, чужом – как знакомом. Помимо этого, этнографические зарисовки охватывают целостную жизнь человека в динамике его повседневности. Это движение идей от антропологии к психологии способствует становлению психологии человека.

В свою очередь, Н.А. Логинова справедливо замечает, что «происходит антропологизация российской психологии», где «антропологический подход ...не всегда осознается как таковой, но он фактически существует и имеет длительную историю в философии и психологии» [Логинова 2016, с. 170]. В качестве представителей антропологической традиции она называет Н.Г. Чернышевского и П.Л. Лаврова, сторонников философской антропологии и экзистенциализма. Критерием же антропологического подхода здесь выступает опора на антропологический принцип, согласно которому психическое – атрибут целостного человека, а психология во взаимодействии с общественными и биологическими науками создает модель психобиосоциального человека [Логинова 2016]. Разработку антропологического подхода в психологии Н.А. Логинова связывает с петербургской научной школой и показывает, что в российской психологии инициатором антропологического (комплексного) подхода к изучению человека выступил В.М. Бехтерев, а в дальнейшем антропологическая традиция была продолжена в проекте человекознания Б.Г. Ананьева и философско-психологической антропологии С.Л. Рубинштейна [Логинова 2007, 2009, 2017].

Однако отличие латентных антропологических подходов, существующих в горизонтах психологии повседневности и психологии изменений, от выше обозначенной традиции заключается в том, что

в одном случае акцент делается на комплексном изучении человека, порождаемом синтезом психологии, физиологии и биологии, создающем целостные концепции развивающегося человека, тогда как в другом – внимание направлено на человека в ситуации изменений, в глобальных и локальных контекстах бытия, в разнообразии стилей и образов современной жизни. Психология развивает здесь ситуационные и контекстуальные подходы [Гришина 2008, 2011], обращается к анализу современного общества [Марцинковская 2015; Хорошилов 2017], сближается в поисках нового методологического инструментария с искусствознанием, этнографией и антропологией глобализации. Все это способствует и охвату целостности бытия человека, и исследовательской чувствительности к контекстуальности его трансформаций, и смене режимов видимости феноменов психики и культуры, а также саморефлексии и самокритике психологического знания.

Заключение

В заключение вновь обратимся к Г.Г. Шпету с тем, чтобы подчеркнуть, что его работа «Очерк развития русской философии», раскрывающая особенности российской интеллектуальной традиции, культуры и просветительской деятельности, отнюдь не устарела в том плане, что проливает аналитический свет на многие гуманитарные проблемы сегодняшнего дня. Это все те же проблемы.

Первая – приоритет инструментальной стороны модернизации и просвещения над гуманитарной, имевший следствием успехи индустриализации при неразвитости социальных институтов и личностного начала в культуре. В России и по сей день преимущество отдается технологическим, а не антропологическим аспектам уже цифровой модернизации, происходит информатизация, но не социализация субъекта современности, требующая поддержки критического мышления, инициативы и автономии личности.

Вторая проблема – архаичное (не модернизированное, консервативно-репрессивное) государство, подавляющее развитие человека и общества, что исторически проявляется в лоялизме, несвободе публичных дискуссий, преследовании инакомыслящих.

Третья проблема – это неопределенная и смешанная идентичность России, проживание цивилизационных эпох Ренессанса и Просвещения лишь в зачаточной форме.

Между тем для полноценного развития как человека, так и социогуманитарных наук важны не только достижения отдельных выдающихся ученых, но и определенный уровень культуры, на-

личие поддерживающей и профессиональной среды. «Чтобы правильно судить о *духе*, нужно брать не лицо (отдельные лица признавали свободу и в России), а среду, и что делает она с лицами: как меняется личное от среды. – А если лицо упорствует, то, *что* слушают у лица, что встречают молчанием, а что приходится лицу говорить, если оно хочет, чтобы его слушали», – проницательно отметил Г.Г. Шпет [Шпет 2009, с. 530].

В России многие проблемы обусловлены именно гуманитарным контекстом: скудным культурным наследием, отсутствием социальных институтов и стимулирующей радость творчества социокультурной среды. Так, если для Европы подобным наследием выступают античность, эпоха эллинизма, средневековая готика, эпохи Возрождения, Реформация, Просвещения и модерна, то для России этой культурной почвой является сама Европа.

В работе «Мудрость или разум» Г.Г. Шпет говорил о педагогическом значении европейской философии, отличительной чертой которой является *человечность*, в 1916 г. он писал: «мир должен быть очеловечен»[12]. Несмотря на тот факт, что культурную эпоху ренессансной гуманизации в России до сих пор нельзя считать завершенной, ибо ее плодом становится появление особого типа личности – автономной и имеющей мужество пользоваться собственным разумом, тем не менее в российской культуре продолжаются подспудные процессы становления индивидуальности личности, гуманизации общества и антропологизации психологии. Эти процессы лучше видны не столько современникам, сколько уже при ретроспективном анализе. В данном контексте появление сегодня такого направления исследований, как психология повседневности является выражением вышеназванных тенденций, общего антропологического тренда.

Литература

Абульханова, Березина 2002 – *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алетейя, 2002.

Ананьев 1969 – *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1969.

Асмолов 2007 – *Асмолов А.Г.* Психология личности. Культурно-исторические понимание развития человека. М.: Смысл, 2007.

Бердяев 1994 – *Бердяев Н.А.* Философия творчества, культуры и искусства. В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994.

[12] «...Отличительная черта европейской философии по сравнению с мудростью Востока... в ее... человечности... <...> мир должен быть очеловечен» [Шпет 1994, с. 327].

Братусь 1997 – *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.

Братусь 1990 – *Братусь Б.С.* Опыт обоснования гуманитарной психологии // Вопросы психологии. 1990. № 6. С. 9–17.

Брушлинский 1994 – *Брушлинский А.В.* Проблемы психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994.

Гришина 2009 – *Гришина Н.В.* Человек как субъект жизни: ситуационный подход // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. М.: ИПРАН, 2009. С. 161–172.

Гришина 2008 – *Гришина Н.В.* Проблема концептуализации контекста в современной психологии // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9. № 3. С. 10–20.

Гришина 2011 – *Гришина Н.В.* Экзистенциальные проблемы человека как жизненный вызов // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2011. № 4. С. 109–116.

Гумбольдт 2003 – *Гумбольдт В.* О пределах государственной деятельности. М.: Социум, Три квадрата, 2003.

Гусельцева 2014 – *Гусельцева М.С.* Интеллектуальные исследовательские традиции как вопрос исторической психологии культуры [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2014. Т. 7. № 33. С. 5. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/931-guseltseva33.html (дата обращения 14 апр. 2021).

Гусельцева 2019 – *Гусельцева М.С.* Психология повседневности в свете методологии латентных изменений. Монография. М.: Акрополь, 2019.

Замалеев 2014 – *Замалеев А.Ф.* Русский Ренессанс: зарождение и специфика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2014. № 1. С. 14–21.

Зинченко 1994 – *Зинченко В.П.* Возможна ли поэтическая антропология? М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1994.

Зинченко 1999 – *Зинченко В.П.* Г.Г. Шпет и М.М. Бахтин (оппоненты или единомышленники?) // Вопросы психологии. 1999. № 6. С. 110–118.

Зинченко 2000 – *Зинченко В.П.* Мысль и слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М.: Изд-во УРАО, 2000.

Знаков 2020 – *Знаков В.В.* Психология возможного: Новое направление исследований понимания. М.: Институт психологии РАН, 2020.

Знаков 2016 – *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Институт психологии РАН, 2016.

Искусство как язык 2017 – Искусство как язык – языки искусства. Госу-

дарственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов / Под ред. Н.С. Плотникова, Н.П. Подземской, при участии Ю.Н. Якименко. М.: Новое литературное обозрение, 2017.

Кавелин 1989 – *Кавелин К.Д.* Наш умственный строй. М.: Правда, 1989.

Кант 1966 – *Кант И.* Ответ на вопрос: Что такое Просвещение? // Кант И. Сочинения в 6-ти томах. Т. 6 / Под общ. ред. В.Ф. Асмуса. А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1966. С. 25–36.

Крамер, Браун 2018 – *Крамер И., Браун Д.* Корпоративное племя. Чему антрополог может научить топ-менеджера. М.: Альпина Паблишер, 2018.

Леонтьев 2007 – *Леонтьев Д.А.* К антропологии развлечений // Город развлечений: наблюдения. анализы. сюжеты / Под ред. Е.В. Дукова. СПб.: Дмитрий Буланин, 2007. С. 62–68.

Леонтьев 2004 – *Леонтьев Д.А.* К дифференциальной антропологии // Наука и будущее: идеи, которые изменят мир: тез. докл. междунар. конф. Москва, 14-16 апреля 2004. С. 107–109.

Леонтьев 2019 – *Леонтьев Д.А.* К экзистенциальной антропологии // Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция по экзистенциальной психологии: Материалы сообщений / Под ред. Д.А. Леонтьева, А.Х. Фам. М.: Смысл, 2019. С. 5–10.

Леонтьев 2014 – *Леонтьев Д.А.* Конец имманентности и перспектива возможного // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / Отв. ред. Г.Л. Белкина. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 174–185.

Леонтьев 2012 – *Леонтьев Д.А.* Человек за пределами биологического и социального // Человек в единстве социальных и биологических качеств / Отв. ред. А.А. Гусейнов. М.: Книжный двор «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 234–242.

Лихачев 2006 – *Лихачев Д.С.* Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006.

Логан и др. 2021 – *Логан Д., Кинг Дж., Фишер-Райт Х.* Лидер и племя. Пять уровней корпоративной культуры. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2021.

Логинова 2016 – *Логинова Н.А.* Антропологический подход в российской психологии XX и XXI века // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность. Сб. ст. Международной научно-практической конференции. М.: Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. С. 169–173.

Логинова 2009 – *Логинова Н.А.* Антропологический принцип в концепции С.Л. Рубинштейна и Б.Г. Ананьева // Психология человека в современном мире. Т. 1 / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Барабанщиков, М.И. Воловикова. М.: ИПРАН, 2009. С. 64–70.

Логинова 2007 – *Логинова Н.А.* Антропологическая психология Б.Г. Ананьева // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 127–137.

Логинова 2017 – *Логинова Н.А.* Проблема человека в современной российской психологии // Человек и мир. 2017. Т. 1. № 1. С. 81–110.

Марцинковская 2015 – *Марцинковская Т.Д.* Современная психология – вызовы транзитивности [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 42. С. 1. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html (дата обращения 15 апр. 2021).

Мильдон 1997 – *Мильдон В.И.* ГАХН как явление русской культуры. Проблема художественной топологии // Вопросы искусствознания. 1997. № XI (2). С. 87–95.

Мильдон 2013 – *Мильдон В.И.* Серебряный век или русский Ренессанс? // Вестник культурологии. 2013. № 1 (64). С. 5–31.

Орлова 2010 – *Орлова Э.А.* История антропологических учений. М.: Академический проект, 2010.

Петровский 2010 – *Петровский В.А.* Человек над ситуацией. М.: Мысль, 2010.

Психология с человеческим лицом 1997 – Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. М.: Смысл, 1997.

Психология субъекта 2010 – Психология субъекта и психология человеческого бытия / Под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2010.

Розин 1994 – *Розин В.М.* Психология и культурное развитие человека. М.: Рос. открытый ун-т, 1994.

Рубинштейн 2003 – *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003

Слободчиков, Исаев 1995 – *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Психология человека: Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995.

Тиханов 2008 – *Тиханов Г.* Многообразие поневоле, или Несхожие жизни Густава Шпета [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2008. № 3. URL: https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/mnogoobrazie-ponevole-ili-neshozhie-zhizni-gustava-shpeta.html (дата обращения 29 марта 2021).

Ушинский 2004 – *Ушинский К.Д.* Человек как предмет воспитания: опыт педагогической антропологии. М.: Фаир-Пресс, 2004.

Фуко 1994 – *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: A-cad, 1994.

Хорошилов 2017 – *Хорошилов Д.А.* Археология повседневности и со-

циальное познание [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. С. 6. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1455-khoroshilov54.html#e3 (дата обращения 15 апр. 2021).

Шпет 1922 – *Шпет Г.Г.* Антропологизм Лаврова в свете истории философии. СПб: Колос, 1922. С. 73–138.

Шпет 2009 – *Шпет Г.Г.* Очерк развития русской философии. Т. 2. Материалы. Реконструкция Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2009.

Шпет 1996 – *Шпет Г.Г.* Психология социального бытия. М.: Институт практической психологии; Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996.

Шпет 1994 – *Шпет Г.Г.* Философские этюды. М.: Прогресс, 1994.

Шпет 2005 – *Шпет Г.Г.* Философско-психологические труды. М.: Наука, 2005.

Шпет в Сибири 1995 – Шпет в Сибири: Ссылка и гибель / Под ред. Н.В. Серебренникова. Томск: Водолей, 1995.

Шульман 2021 – *Шульман Е.М.* Семья и семейные связи будут переживать новый ренессанс [Электронный ресурс] // ELLE. 8 марта 2021. URL: https://www.elle.ru/celebrities/interview/ekaterina-shulman-semya-i-semeinye-svyazi-budet-perezhivat-novyi-renessans/ (дата обращения 16 апр. 2021).

Щедрина 2011 – *Щедрина Т.Г.* Понятие «личность» в текстах Густава Шпета: аспекты значений и контексты употребления // Стиль мышления: проблема исторического единства научного знания. К 80-летию Владимира Петровича Зинченко / Под науч. ред. Т.Г. Щедриной. М.: РОССПЭН, 2011. С. 69–89.

Eriksen 2006 – *Eriksen T.H.* Engaging Anthropology: The Case for a Public Presence. Oxford: Berg, 2006.

Eriksen et al. 2015 – *Eriksen T.H., Garsten C., Randeria S.* (Eds.). Anthropology now and next. Essays in Honor of Ulf Hannerz. Brooklyn: Berghahn Books, 2015.

Hannerz 2010 – *Hannerz U.* Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline. London: Pluto Press, 2010.

References

Abul'khanova, K.A. and Berezina, T.N. (2002), *Vremya lichnosti i vremya zhizni* [Personality time and life time], Aleteiya, St. Petersburg, Russia.

Anan'ev, B.G. (1969), *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as a subject of knowledge], Izd-vo Leningr. un-ta, St. Petersburg, Russia.

Asmolov, A.G. (2007), *Psikhologiya lichnosti. Kul'turno-istoricheskie ponimanie razvitiya cheloveka* [Psychology of Personality. Cultural and historical understanding of human development], Smysl, Moscow, Russia.

Berdyaev, N.A. (1994), *Filosofiya tvorchestva, kul'tury i iskusstva. V 2 t. T. 1.* [Philosophy of creativity, culture and art. In 2 volumes. Vol. 1], Iskusstvo, Moscow, Russia.

Bratus', B.S. (1990), "Experience of substantiation of humanitarian psychology", *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 9–17.

Bratus', B.S. (1997), "On the problem of man in psychology", *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 3–19.

Brushlinskii, A.V. (1994), *Problemy psikhologii sub'ekta* [Problems of the subject's psychology], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

Eriksen, T.H. (2006), *Engaging Anthropology: The Case for a Public Presence*, Berg, Oxford, UK.

Eriksen, T.H., Garsten, C. and Randeria, S. (ed.) (2015), *Anthropology now and next. Essays in Honor of Ulf Hannerz*, Berghahn Books, Brooklyn, USA.

Fuko, M. (1994), *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk* [Words and Things. Archeology of the Humanities], A-cad, St. Petersburg, Russia.

Grishina, N.V. (2011) "Existential problems of a person as a life challenge", *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika,* no. 4, pp. 109–116.

Grishina, N.V. (2009), "Man as a subject of life: a situational approach", in Zhuravlev, A.L., Znakov, V.V., Ryabinkina, Z.I. and Sergienko, E.A. (ed.), *Sub'ektnyi podkhod v psikhologii* [Subjective approach in psychology], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, pp. 161–172.

Grishina, N.V. (2008), "The problem of conceptualizing the context in modern psychology", *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo*, vol. 9, no. 3, pp. 10–20.

Gumbol'dt, V. (2003), *O predelakh gosudarstvennoi deyatel'nosti. Sotsium* [On the limits of state activity], Tri kvadrata, Moscow, Russia.

Gusel'tseva, M.S. (2014), "Intellectual research tradition as a matter of historical psychology of culture", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 7, no. 33, pp. 5, available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2014v7n33/931-guseltseva33.html (Accessed 29 Mar 2021).

Gusel'tseva, M.S. (2019), *Psikhologiya povsednevnosti v svete metodologii latentnykh izmenenii. Monografiya* [Psychology of everyday life in the light of the methodology of latent changes], Akropol', Moscow, Russia.

Hannerz, U. (2010), *Anthropology's World: Life in a Twenty-first-century Discipline,* Pluto Press, London, UK.

Kant, I. (1966), "The answer to the question: What is Enlightenment?", in Asmus, V.F., Guly'ga, A.V. and Oizerman, T.I. (ed.), *Sochineniya v 6 tomah. Tom 6* [Works in 6 volumes. Vol. 6], Mysl', Moscow, Russia, pp. 25–36.

Kavelin, K.D. (1989), *Nash umstvennyi stroi* [Our mental structure], Pravda, Moscow, Russia.

Khoroshilov, D.A. (2017), "Archaeology of everyday life and social cognition", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 10, no. 54, pp. 6, available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1455-khoroshilov54.html#e3 (Accessed 15 April 2021).

Kramer, I. and Braun, D. (2018), *Korporativnoe plemya. Chemu antropolog mozhet nauchit' top-menedzhera* [The Corporate Tribe: Organizational lessons from anthropology], Al'pina Pablisher, Moscow, Russia.

Leont'ev, D.A. (2012), "Man beyond the biological and social", in Guseinov, A.A. (ed.), *Chelovek v edinstve sotsial'nykh i biologicheskikh kachestv* [A person in the unity of social and biological qualities], Librokom, Moscow, Russia, pp. 234–242.

Leont'ev, D.A. and Shchur, V.G. (ed.) (1997), *Psikhologiya s chelovecheskim litsom: gumanisticheskaya perspektiva v postsovetskoi psikhologii* [Psychology with a Human Face: a Humanistic Perspective in Post-Soviet Psychology], Smysl, Moscow, Russia.

Leont'ev, D.A. (2014), "The end of immanence and the prospect of the possible", in Belkin, G.L. (ed.), *Mesto i rol' gumanizma v budushchei tsivilizatsii* [The place and role of humanism in the future civilization], Lenand, Moscow, Russia, pp. 174–185.

Leont'ev, D.A. (2007), "To the anthropology of entertainment", in Dukov, E.V. (ed.), *Gorod razvlechenii: nablyudeniya, analizy, syuzhety* [Entertainment city: observations, analyzes, plots], Dmitrii Bulanin, St. Petersburg, Russia, pp. 62–68.

Leont'ev, D.A. (2004), "Towards differential anthropology", *Nauka i budushchee: idei, kotorye izmenyat mir: tez. dokl. mezhdunar. konf*. [Science and the future: ideas that will change the world: theses of the report of the international conference], Moscow, Russia, 14-16 April 2004, pp. 107–109.

Leont'ev, D.A. (2019), "Towards existential anthropology", in Leont'ev, D.A. and Fam, A.Kh. (ed.), *Sed'maya Vserossiiskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po ekzistentsial'noi psikhologii: Materialy soobshchenii* [Seventh All-Russian Scientific and Practical Conference on Existential Psychology: Materials of communications], Smysl, Moscow, Russia, pp. 5–10.

Likhachev, D.S. (2006), *Izbrannye trudy po russkoi i mirovoi kul'ture* [Selected Works on Russian and World Culture], SPbGUP, St. Petersburg, Russia.

Logan, D., King, D. and Fisher-Rait, Kh. (2021), *Lider i plemya. Pyat' urovnei korporativnoi kul'tury.* [Tribal Leadership. Leveraging Natural Groups to Build a Thriving], Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

Loginova, N.A. (2007), "Anthropological psychology by B.G. Ananyev", *Voprosy psikhologii*, no. 5, pp. 127–137.

Loginova, N.A. (2009), "The anthropological principle in the concept of S.L. Rubinstein and B.G. Ananyev", in Zhuravlev, A.L. and

Barabanshchikov, V.A. (ed.), *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire. Tom 1* [Human psychology in the modern world. Vol. 1], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia, pp. 64–70.

Loginova, N.A. (2017), "The problem of man in modern Russian psychology", *Chelovek i mir*, vol. 1, no. 1, pp. 81–110.

Loginova, N.A. (2016), "Whole person as a problem in Russian psychology", *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psikhologiya. Sotsiologiya,* no. 2 (26), pp. 61–70.

Martsinkovskaya, T.D. (2015), "Modern psychology – challenges of transitivity", *Psikhologicheskie issledovaniya* [Electronic], vol. 8, no. 42, p. 1, available at: http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n42/1168-martsinkovskaya42.html (Accessed 15 April 2021).

Mil'don, V.I. (1997), "GAKhN as a Phenomenon of Russian Culture. The problem of artistic topology", *Voprosy iskusstvoznaniya,* no. XI (2), pp. 87–95.

Mil'don, V.I. (2013), "Silver Age or Russian Renaissance?", *Vestnik kul'turologii,* no. 1 (64), pp. 5–31.

Orlova, E.A. (2010), *Istoriya antropologicheskikh uchenii* [History of anthropological teachings], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia.

Petrovskii, V.A. (2010), *Chelovek nad situatsiei* [Man over the situation], Mysl', Moscow, Russia.

Plotnikov, N.S., Podzemskaya, N.P. and Yakimenko, J.N. (ed.), *Iskusstvo kak yazyk 2017 – Iskusstvo kak yazyk – yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh godov* [Art as language – languages of art. State Academy of Arts and Aesthetic Theory of the 1920s], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia.

Rozin, V.M. (1994), *Psikhologiya i kul'turnoe razvitie cheloveka* [Psychology and cultural development of a person], Ros. otkrytyi un-t, Moscow, Russia.

Rubinshtein, S.L. (2003), *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and consciousness. Man and the world], Piter, St. Petersburg, Russia.

Slobodchikov, V.I. and Isaev, E.I. (1995), *Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti* [Human Psychology: An Introduction to the Psychology of Subjectivity], Shkola-Press, Moscow, Russia.

Serebrennikov, N.V. (ed.) (1995), *Shpet v Sibiri: Ssylka i gibel'* [Shpet in Siberia: Link and death], Vodolei, Tomsk, Russia.

Shchedrina, T.G. (2011), "The concept of "personality" in the texts of Gustav Shpet: aspects of meanings and contexts of use", in Shchedrina, T.G. (ed.), *Stil' myshleniya: problema istoricheskogo edinstva nauchnogo znaniya* [Thinking style: the problem of the historical unity of scientific knowledge], ROSSPEN, Moscow, Russia, pp. 69–89.

Shpet, G.G. (1922), *Antropologizm Lavrova v svete istorii filosofii* [Lavrov's anthropologism in the light of the history of philosophy], Kolos, Peterburg, pp. 73–138.

Shpet, G.G. (2009), *Ocherk razvitiya russkoi filosofii. Tom 2. Materialy. Rekonstruktsiya T.G. Shchedrinoi* [Essay on the development of Russian philosophy. Vol. 2. Materials. Reconstruction by T.G. Shchedrina], ROSSPEN, Moscow, Russia.

Shpet, G.G. (1996), *Psikhologiya sotsial'nogo bytiya* [Psychology of social life], In-t prakticheskoi psikhologii, Moscow, Russia.

Shpet, G.G. (1994), *Filosofskie etyudy* [Philosophical studies], Progress, Moscow, Russia.

Shpet G.G. (2005), *Filosofsko-psikhologicheskie trudy* [Philosophical and psychological works], Nauka, Moscow, Russia.

Shul'man, E.M. (2021), "Family and family ties will experience a new renaissance" [Electronic], ELLE, 8.03.2021, available at: https://www.elle.ru/celebrities/interview/ekaterina-shulman-semya-i-semeinye-svyazi-budet-perezhivat-novyi-renessans/ (Accessed 16 April 2021).

Tikhanov, G. (2008), "Reluctant diversity, or the dissimilar lives of Gustav Shpet", *Novoe literaturnoe obozrenie* [Electronic], no. 3, available at: https://magazines.gorky.media/nlo/2008/3/mnogoobrazie-ponevole-ili-neshozhie-zhizni-gustava-shpeta.html (Accessed 15 April 2021).

Ushinskii, K.D. (2004), *Chelovek kak predmet vospitaniya: opyt pedagogicheskoi antropologii* [Man as a subject of education: the experience of pedagogical anthropology], Fair-Press, Moscow, Russia.

Zamaleev, A.F. (2014), "Russian Renaissance: origin and specificity", *Vestnik SPbGU. Ser. 6. Filosofiya. Kul`turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodny`e otnosheniya*, no. 1, pp. 14–21.

Zinchenko, V.P. (1999), "G.G. Shpet and M.M. Bakhtin (opponents or like-minded people?)", *Voprosy psikhologii,* no. 6, pp. 110–118.

Zinchenko, V.P. (2000), *Mysl' i Slovo Gustava Shpeta (vozvrashchenie iz izgnaniya)* [Thought and Word of Gustav Shpet (return from exile)], Izd-vo URAO, Moscow, Russia.

Zinchenko, V.P. (1994), *Vozmozhna li poeticheskaya antropologiya?* [Is Poetic Anthropology Possible?], Izd-vo Rossiiskogo otkrytogo un-ta, Moscow, Russia.

Znakov, V.V. (2016), *Psikhologiya ponimaniya mira cheloveka* [Psychology of understanding the human world], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

Znakov, V.V. (2020), *Psikhologiya vozmozhnogo: Novoe napravlenie issledovanii ponimaniya* [The Psychology of the Possible: A New Direction of Research on Understanding], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.

Znakov, V.V. and Sergienko, E.A. (2010), *Psikhologiya sub'ekta i psikhologiya*

chelovecheskogo bytiya [Psychology of the subject and the psychology of human existence], Kubanskii gos. un-t, Krasnodar, Russia.

Информация об авторе

Марина С. Гусельцева, доктор психологических наук, доцент, Психологический институт РАО, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4; *mguseltseva@mail.ru*

Information about the author

Marina S. Guseltseva, Sc.D. (Psychology), assistant professor, Psychological Institute, Russian Academy of Education, Russia, Moscow; bld. 9-4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *mguseltseva@mail.ru*

УДК 159.9
DOI : 10.28995/2073-6398-2021-2-96-115

Основные направления сиблинговых исследований

Оксана В. Баскаева
Психологический институт Российской академии образования
Москва, Россия, baskaeva.oksana@gmail.com

Аннотация. Представлен краткий обзор направлений сиблинговых исследований, заложивших основу современного понимания сиблинговой проблематики. Акцентируется внимание на важности отношений между сиблингами для их личностного развития, социализации и адаптации и на существующем в то же время дефиците соответствующих работ. Рассматриваются основные этапы развития сиблинговой теории в их преемственности, начиная с первых исследований, датированных концом XIX века и посвященных поиску связи между порядком рождения и достижениями, до разработанного генетикой поведения во второй половине XX термина «индивидуальная среда». Подчеркивается роль А. Адлера, сделавшего сиблинговые отношения центральным явлением семейной жизни и развития личности и надолго определившего дальнейшую направленность эмпирических семейных исследований. Показано постепенное смещение интереса исследователей от изучения влияния порядка рождения, пола и возрастных интервалов между сиблингами на их личностные особенности. В этой связи приводится анализ природы сиблинговых отношений на основе реципрокности и комплементарности, предпринятый Данн. Рассматриваются ранние работы, посвященные ревности и соперничеству детей в семье, исследованию воздействия на них различающегося родительского отношения, а также влиянию характеристик ребенка на сиблингов в семьях с больными детьми.

Ключевые слова: сиблинговые отношения, сиблинговые исследования, различающееся родительское отношение, ревность и соперничество

Для цитирования: Баскаева О.В. Основные направления сиблинговых исследований // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2. С. 96–115. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-96-115

© Баскаева О.В., 2021

The main directions of sibling research

Oksana V. Baskaeva
Psychological Institute of Russian Academy of Education
Moscow, Russia; baskaeva.oksana@gmail.com

Abstract. An overview of the areas of sibling research that laid the foundation for the modern understanding of sibling issues is presented. Attention is focused on the importance of sibling relationships for personal development, socialization and adaptation, and on the existing shortage of relevant work at the same time. The main stages of the development of sibling theory in their continuity are considered, starting from the first studies devoted to the search for a connection between the order of birth and achievements and dated to the end of the 19th century, to the term "individual environment" developed by the genetics of behavior in the second half of the 20th century. It emphasizes the role of A. Adler, who has made sibling a central feature of family life and personal development and has long determined the future direction of empirical family research. It shows a gradual shift in the interest of researchers from studying the influence of birth order, gender, and age intervals between siblings on personal characteristics. In this connection, an analysis of the nature of sibling relations on the basis of reciprocity and complementarity, undertaken by Dunn, is given. Early works on the jealousy and rivalry of children in the family, the study of the impact of parental differential treatment on them, as well as the influence of child characteristics on siblings in families with sick children are considered.

Keywords: sibling relationship, sibling research, parental differential treatment, jealousy and rivalry

For citation: Baskaeva, O.V. (2021), "The main directions of sibling research", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series,* no. 2, pp. 96–115, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-96-115

Игнорируемый аспект психологии

Сиблинговые отношения развиваются на протяжении всего жизненного цикла, являясь самыми длительными в жизни большинства людей. Их важность для личностного развития и социализации, равно как и дефицит соответствующих исследований, давно осознавались учеными. Без малого 60 лет тому назад Ириш [Irish 1964], указывая на недостаток эмпирических работ по данной тематике и на преимущественное внимание исследователей семьи к родительско-детским отношениям, писал о том,

что взаимодействие сиблингов – незаслуженно игнорируемый аспект психологии.

Рассмотрев резюме психологических и социологических работ за период 1990 – 2011 гг., Макгил с коллегами [McHale et al. 2012] обнаружили, что отношения сиблингов упоминаются значительно реже, чем «родители и воспитание», «брак и супружеские отношения» и «отношения со сверстниками» – факт, красноречиво свидетельствующий о том, что в первом десятилетии 21 века сиблинговые отношения все еще не занимали достойного места в работах, посвященных семье и межличностным отношениям. По мнению ученых, дефицит сиблинговых исследований ощущается и в настоящее время [Jensen et al. 2018; Spitze, Trent 2018; Gilligan et al. 2020].

Начало изучения сиблингов

Ранние сиблинговые исследования связаны с интересом, во-первых, к факторам, от которых зависит качество отношений детей, рожденных и воспитывающихся в одной семье, и, во-вторых, к тому влиянию, которое они оказывают на развитие друг друга. Прежде всего, в этой связи ученые обратились к изучению так называемых структурных переменных сиблинговой группы, то есть к порядку рождения детей, их количеству, полу и разнице в возрасте.

Первой характеристикой, значение которой для развития ребенка и его последующей взрослой жизни было рассмотрено учеными, стал порядок рождения. Английский биолог, антрополог и статистик Фрэнсис Гальтон, изучив биографии 180 членов Британского королевского научного общества и обнаружив, что среди них преобладают первенцы, объяснил данное обстоятельство правами и обязанностями первородства [Galton 1874].

Последующие сопоставления порядка рождения и достижений вновь продемонстрировали, что перворожденные чаще других детей становятся выдающимися личностями, однако, как показано в обзоре Шахтер [Schachter 1963], интерпретаций положения о преимуществе первенцев насчитывалось на момент написания работы едва ли не столько же, сколько исследований, им посвященных. На основе анализа данных, накопленных до начала 60-х гг. XX века, автор пришел к выводу об отсутствии прямой зависимости между порядком рождения и достижениями. В настоящее время изучение связей порядка рождения с личностными особенностями, интеллектом и адаптацией находится в зоне повышенного интереса ученых.

Сиблинговая проблематика в работах А. Адлера

В первой половине XX века изучение порядка рождения про-

исходило в основном в русле психоаналитической традиции. В этой парадигме наиболее заметный вклад в разработку сиблинговой проблематики принадлежит австрийскому врачу и психологу А. Адлеру, связывавшему порядок рождения с различиями в личности и психологической адаптации [Ansbacher, Ansbacher 1956] и утверждавшему, что, даже если дети рождены и воспитываются в одной семье, каждого ребенка окружает «совершенно особая атмосфера» [Адлер 1997а, с. 7]. По его мнению, сиблинги конкурируют в борьбе за ресурсы семьи и поэтому вынуждены осваивать разные ниши и развивать в себе качества, отличающие их друг от друга (процесс дифференциации, или деидентификации). Разбирая клинические случаи, Адлер при постановке диагноза учитывал порядок рождения пациента. Он утверждал, что стиль жизни, который впоследствии сложно изменить, устанавливается в возрасте четырех-пяти лет. Именно в это время развиваются качества, необходимые для успешной адаптации, поэтому место в иерархии семьи, занимаемое ребенком в это время, очень значимо для последующей жизни. Первенец – некоторое время единственный ребенок, центр внимания родителей. Но после появления младшего сиблинга он лишается своего уникального положения, и это болезненно им переживается. Своеобразие ситуации второго ребенка прежде всего в том, что у него есть лидер, которого можно обогнать, что чаще всего, по мнению Адлера, и происходит. Второй ребенок – бунтовщик; старший, напротив, подчас боится проиграть в соревновании и стремится его избежать. Самый младший ребенок в семье некоторое время является самым слабым, окружен нежной заботой и наделен, как считает Адлер, особой силой; недаром в сказках младшему ребенку всегда отводится роль победителя.

Принимая во внимание значение порядка рождения для личностного развития, Адлер подчеркивал, что в конечном счете все определяется индивидуальной трактовкой событий и обстоятельств [Адлер 1998]. Например, последствия объективного факта появления в семье брата или сестры для старшего ребенка зависят от того, как он воспримет этот факт.

Считая взаимодействие полов задачей, которую каждому человеку придется решать в своей жизни, и указывая на необходимость полового воспитания, Адлер рассматривал половой состав сиблинговой группы. Он отмечал особенности характеристик детей, воспитывающихся в различных ситуациях: например, «мальчик среди сиблингов-девочек», «девочка среди сиблингов-мальчиков», «сестры», «братья», «первенец и младшая сестра», «разнополые сиблинги».

В теории индивидуальной психологии, созданной Адлером, сиблинговые отношения – центральное явление семейной жизни и

развития личности [Ansbacher, Ansbacher 1956]. Проблемы сиблингов, обсуждающиеся в его работах, надолго определили дальнейшую направленность эмпирических семейных исследований.

Изучение сиблингов раннего и дошкольного возраста

В 50-х годах сиблинговые исследования обогатились работами Кох [Koch 1954; Koch 1955a; Koch 1955b; Koch 1956a; Koch 1956b; Koch 1956c] и Брим [Brim 1958].

Исследования Кох – реализация проекта по изучению влияний на личность пола, порядка рождения и возрастных различий сиблингов. На выборке 5-6-летних детей из полных двухдетных семей Кох рассматривала связь структурных переменных с отношением сиблингов друг к другу, родителям, сверстникам, а также с речевыми характеристиками детей, их интеллектуальными способностями, трудовыми навыками и установками.

Обобщив данные Кох, Брим [Brim 1958] оценил выраженность мужских и женских ролей у детей как коррелят структурных переменных и ролевого научения. Он показал, что сиблинги служат ролевыми моделями друг для друга. У членов разнополых сиблинговых пар больше черт противоположного пола, чем у однополых, и этот эффект сильнее выражен у младшего сиблинга.

Важнейшая заслуга Кох и Брим – акцент на гендерных эффектах сиблинговых (в отличие от родительских) влияний на развитие ребенка.

Во второй половине 20-го века заметный вклад в концептуализацию сиблинговой тематики внесла Данн [Dunn 1983]. Рассмотрев работы ученых, исследовавших методом наблюдения сиблингов в возрасте раннего детства, и обобщив имеющиеся данные, она сформулировала выводы, актуальные до настоящего времени.

Данн считает, что отношения детей в родительском доме являются важным стимулом их социального и эмоционального развития, и вслед за Адлером, подчеркивает стремление каждого из сиблингов занять собственную нишу в семье.

Опираясь на работы Пиаже [Piaget, Gabain 1965] и Салливан [Sullivan 1953], указывавших на различие взаимодействий «ребенок-ребенок» и «ребенок-взрослый», Данн проанализировала природу сиблинговых отношений на основе реципрокности и комплементарности – характеристик, сочетание которых в значительной степени определяет уникальность отношений детей в семье. Реципрокность подразумевает тесную связь, эмоциональную интенсивность общения, понимание взглядов и интересов друг друга, то есть то, что в общих чертах характеризует отно-

шения сверстников. Однако та же разница в возрасте вносит во взаимодействия сиблингов элементы, напоминающие отношения «ребенок-взрослый», где участники ведут себя по-разному, а поведение каждого дополняет поведение партнера – комплементарность. По мнению исследовательницы, нельзя ограничиваться изучением исключительно переменных сиблинговой структуры, поскольку сиблинговые влияния в наибольшей степени присутствуют именно в реципрокных взаимодействиях, а переменные возраста, возрастных интервалов и пола вероятней всего связаны не с реципрокными, а с комплементарными характеристиками.

От структурных переменных к характеристикам ребенка

Структурные переменные первоначально рассматривались в рамках социологического или социально-психологического подходов [McHale et al. 2012], согласно которым порядок рождения инициирует процессы, воздействующие на развитие и адаптацию ребенка и имеющие значение для всей его последующей жизни [Irish 1964]. Размер сиблинговой группы в ранних работах, посвященных сиблингам, изучался, как правило, в связи с интеллектуальным развитием детей и достижениями детей и взрослых [Blau, Duncan 1966; Blake 1981]. В ходе популяционных исследований в США была выявлена обратная зависимость между количеством сиблингов и образованием и профессиональным уровнем взрослых, а также планами поступления молодежи в колледж. Широкое распространение получила так называемая «модель истощения», в соответствии с которой сиблинги, используя семейные ресурсы, затрудняют тем самым их доступность для ребенка и препятствуют его достижениям. В другой популярной теоретической концепции – «модели слияния» – интеллектуальная среда семьи определяется количеством детей, возрастными различиями между ними и соответствующими возможностями каждого ребенка обучать своих сиблингов и получать от них знания [Zajonc, Markus 1975]. Сторонники данной модели полагают, что рождение каждого последующего ребенка всегда отрицательно влияет на интеллектуальный климат семьи, а последний ребенок в сравнении со старшими обнаруживает наиболее низкий интеллект.

К концу 20-го века в распоряжении исследователей имелся значительный объем данных о влиянии порядка рождения, пола и возрастных интервалов между сиблингами на их личность, интеллект и достижения. В то же время все чаще высказывались мнения, что эти переменные не могут в полной мере объяснить различия между сиблингами; также отмечалось, что не существует адекватной теории, способной стать основой для исследования

влияний сиблинговой структуры и интерпретации полученных данных [Scarr, Grajek 1982], а большинство описанных связей порядка рождения являются недостоверными, так как изучались методологически некорректно [Schooler 1972].

Признание того, что тесные повседневные контакты детей из одной семьи в детстве и подростничестве, находящиеся в значительной степени вне родительского контроля, открывают возможности для обоюдного как позитивного, так и негативного влияния на их взаимоотношения, развитие и адаптацию, подтолкнуло исследователей к постепенному смещению интереса от исключительного изучения связей структурных переменных в сторону непосредственного измерения характеристик детей. Исследования прямого сиблингового влияния базировались в основном на моделях развития или социального обучения [McHale et al. 2012].

Влияние характеристик ребенка на его сиблингов

Изучение роли характеристик ребенка в отношениях сиблингов началось с выяснения влияний его темперамента и изучения семей с хронически больными (или инвалидизированными) детьми, а также с детьми, склонными к девиантному поведению.

Стонеман и Броуди [Stoneman, Brody 1993] рассмотрели связь темперамента с проблемами в сиблинговых отношениях; темперамент ребенка изучался и как модератор связи семейного контекста и отношений детей в семье, способный усугубить воздействие стрессовых семейных обстоятельств [Stoneman at al. 1999].

В семьях с хронически больными или инвалидизироваными сиблингами были выявлены особенности детских взаимоотношений, которые, как правило, отличались большей теплотой, чем в типичных семьях [Stoneman 2001]. Мнения о качестве адаптации здоровых детей, воспитывающихся вместе с больными сиблингами, разделились. Данные указывают как на повышение вероятности проблем с адаптацией [Sharpe, Rossiter 2002], так и на позитивные аспекты взросления рядом с сиблингом-инвалидом или хронически больным, заключающиеся в возрастающих возможностях вариабельности адаптации [McHale, Harris 1992].

Петерсон [Patterson 1984] положил начало изучению сиблинговых отношений детей с девиантным поведением, указав, что предшествующие полвека ученые при рассмотрении детерминант поведенческих отклонений фокусировались в основном на роли матери, фактически игнорируя вклад не только отца, но и сиблингов. Он представил данные, собранные методом наблюдения над сиблингами 6-12 лет (сиблинговые влияния непосредственно

наблюдались и измерялись), о коэрцетивном взаимодействии в семьях: сиблингов и родителей, сиблингов и детей-девиантов. Ученый сделал вывод, что дети вносят значимый вклад в процесс взаимных влияний членов семьи, а их отношения могут служить своеобразной площадкой для научения агрессии, когда негативное поведение сиблинга-девианта «вознаграждается» сиблингом-партнером, уступающим неадекватным требованиям.

В дальнейшем на основе модели социального обучения было показано, что стиль агрессивного поведения, выработавшийся во взаимодействиях с сиблингом, проявляется затем в антиобщественном поведении и конфликтах со сверстниками [Compton et al. 2003; Bank et al. 2004].

Семейный контекст и сиблинговые отношения

В ходе каждодневных тесных контактов помимо прямого влияния друг на друга как на социальных партнеров, ролевых моделей и источников социального сравнения сиблинги оказывают взаимные влияния посредством воздействия на семейную систему, занимая в ней собственную нишу и потребляя общие ресурсы [McHale et al. 2006]. Влияние семейной системы на сиблингов изучалось через рассмотрение связей супружеского статуса родителей, негативности и конфликтов между ними, а также связей различающегося родительского отношения с качеством отношений детей в семье.

Данные по связям супружеского статуса родителей и сиблинговой динамики противоречивы. По некоторым данным [Kunz 2001] отношения детей более позитивны в семьях с разведенными родителями, тогда как другие исследователи, напротив, утверждают, что в таких семьях отношения сиблингов значительно хуже, чем в тех, где отец и мать состоят в браке [Noller et al. 2008]. В то же время показано, что лучшими предикторами качества сиблинговых отношений является не семейное положение родителей, а их воспитательные тактики и качество взаимоотношений [O'Connor et al. 1998]. Супружеский конфликт, как и негативность родителя к ребенку связаны с сиблинговым конфликтом [Kim et al. 2006] и насилием [Hoffman et al. 2005]. При этом позитивные сиблинговые отношения могут компенсировать негативность семейных влияний [Milevsky, Levitt 2005].

Очевидно, мать или отец не могут одинаково вести себя с ребенком в разных ситуациях и обстановке. Адлер утверждал, что дети с раннего возраста сравнивают обращение родителей с собой и сиблингом [Ansbacher, Ansbacher 1956]. Несправедливость такого обращения (объективная или воспринимаемая) приводит к разного рода семейным дисгармониям.

Одна из ранних работ по различающемуся родительскому отношению сопоставляет порядок рождения детей и разницу в возрасте между ними с материнским отношением [Lasko 1954]. Обнаружено, что хотя матери, как правило, последовательны в методах воспитания и первого и второго ребенка, их поведение с первенцами более сдержанное и менее теплое, чем со вторыми детьми; а разница сиблингов в возрасте – важный фактор, воздействующим на это поведение.

Дальнейшие исследования сосредоточились на связи различающегося родительского отношения и качества отношений детей в семье. Рассматривалось, в частности, влияние на сиблинговые отношения различного материнского внимания, отзывчивости и восприимчивости и отцовской отзывчивости, нежности и контроля, а также совместные эффекты материнского и отцовского различающегося отношения [Kowal, Kramer 1997].

Отношения взрослых сиблингов также подвержены влиянию неэквивалентеного обращения со стороны матери или отца. Когда внимание со стороны родителей воспринимается взрослым потомком как одинаковое с тем вниманием, которое родители оказывают сестре или брату, сиблинговые отношения являются наилучшими и ухудшаются в случае восприятия неэквивалентного обращения [Boll et al. 2003].

Ревность и соперничество

Тема ревности и соперничества сиблингов – качеств, известных как корреляты различающегося родительского отношения, присутствует во многих семейных исследованиях прошлого века; клиницисты считали соперничество детей в семье главным влиянием на личность [Адлер 1997b; Levy 1937; Winnicott 1977].

Ревность и соперничество изучались первоначально в связи с появлением в семье младшего ребенка – стрессовым событием для старшего. В статье, посвященной исследованию физиологических реакций на стресс (описаны, в частности, результаты эксперимента со стрессовыми воздействиями на выборке подростков), Сонтаг высказал мнение, что социальная и эмоциональная адаптация ребенка представляет собой серию стрессов, вызывающих изменения в его организме, а появление младшего брата или сестры в семье создает выраженную стрессовую ситуацию для старшего ребенка, сравнимую с дракой или поступлением в школу [Sontag 1947].

Наиболее ярко сиблинговое соперничество и ревность показаны, по всей вероятности, Дэвидом Леви, изучавшем проявления враждебности вследствие фрустрации [Levy 1941]. По мнению

Леви, младенец в семье вызывает напряжение и разочарование старшего ребенка, порождая агрессивные реакции с его стороны – явление, как считал ученый, типичное для этой ситуации семейной жизни. Леви сообщил о паттернах поведения детей от двух до 13 лет в более чем 100 экспериментах с использованием куклы, помещаемой на грудь матери. Испытуемому мальчику или девочке задавали вопрос о том, что делает его/ее брат/сестра, если видит нового ребенка на груди матери? Реакцией детей была агрессия по отношению к «младенцу», которая проявлялась либо в открытых деструктивных действиях (в возрасте 2-5 лет дети кусали, топтали и разрывали куклу), либо в форме различного рода замаскированных атак у более старших испытуемых.

Генетика поведения о сиблингах

О значении несходства средовых влияний для личностного развития, в том числе для патологических проявлений, известно давно. Но лишь в конце двадцатого века тема получила должную разработку. Обобщив данные близнецовых исследований о генетических влияниях на личность, Лоэлин и Николс [Loehlin, Nichols 1976] отметили существенную роль среды в формировании психологических характеристик, подчеркнув, что средовые факторы действуют на личностные переменные в значительной степени случайным образом. Вслед за этим появился ряд работ, более подробно освещавших поднятую тему и вызвавших оживленную дискуссию в научном сообществе.

Наиболее резонансной в области генетики поведения двадцатого века стала статья Пломина и Даниелса [Plomin, Daniels 1987], обозначившая главную исследовательскую проблему в заголовке «Почему дети в одной семье так отличаются друг от друга?». Авторы представили данные о том, что существенная часть вариабельности когнитивных и личностных характеристик сиблингов объясняется влиянием индивидуальной среды. Ее исследование, а значит и ответ на вопрос о причинах различий сиблингов, предполагает изучение более одного ребенка в семье. Для этого необходимо, во-первых, документировать различия в опыте сиблингов (что требует создания адекватных каждому ребенку инструментов); во-вторых, документировать связи между различным опытом и результатами детей; и, в-третьих, определить, в какой степени связь между индивидуальным опытом ребенка и его результатами является причинно-следственной.

Любой фактор среды можно рассматривать с точки зрения его вклада в неразделяемую средовую дисперсию, поскольку одно и то же событие может по-разному восприниматься сиблингами,

то есть объективный опыт ребенка отличается от субъективного. Среда, в которой растет ребенок, отличается от среды его сиблингов, как если бы это были дети, воспитывающиеся в разных семьях [Dunn, Plomin 1990].

Пломин и Даниелс [Plomin, Daniels 1987] конкретизировали источники средовых воздействий, делающих сиблингов разными. Влияния среды могут быть несистематическими: это те или иные события или происшествия; различающиеся воздействия родителей; болезнь; травма. И систематическими: порядок рождения, половые различия, различающиеся отношения в ходе взаимодействия сиблингов или различное восприятие отношений в ходе этого взаимодействия; различающееся родительское отношение или различающееся восприятие этого отношения. К систематическим средовым воздействиям относится также ряд внесемейных влияний: различный опыт в ходе общения со сверстниками, друзьями, учителями; спорт и другие виды деятельности и интересов; образование; профессия; супружество и жизнь в созданной семье.

Поскольку у детей общих родителей генетическое сходство 50%, часть их поведенческой вариабельности связана с различиями генотипов, и поэтому есть риск спутать средовые влияния с генетическими [Plomin, Bergeman 1991]. Разграничение генетических и средовых влияний возможно в результате специальных исследовательских дизайнов, из них основные – изучение близнецов и приемных детей. Полученные в результате данные, а также факты несходства психологических характеристик, наблюдаемые в парах монозиготных близнецов, воспитанных в одной семье, хорошо иллюстрируют роль индивидуальной среды в формировании различий [Plomin et al. 2001].

Важным следствием работ в русле генетики поведения является осознание концептуального значения индивидуальной среды для развития детей. Кроме того, положение об индивидуальной среде стало теоретическим основанием для переосмысления механизма социализации: единица социализации не семья, а сам ребенок с собственной уникальной средой развития.

Поиск подходов к обнаружению конкретных источников индивидуальной среды продолжается. Для внутрисемейных исследований наиболее перспективным направлением является изучение влияний несходного опыта сиблингов и их представлений об общем опыте, а также процессов сиблингового социального сравнения (соперничества и деидентификации).

Выводы

С самого начала своего возникновения сиблинговая тематика

развивалась в рамках разных научных направлений и теоретических моделей, пройдя длинный путь от отдельных положений до связанной внутренней логикой системы понятий, которая складывалась преимущественно в исследованиях детей и подростков. Генетика поведения, сфокусировав внимание на влиянии индивидуальной среды, придала новый импульс сиблинговым исследованиям, без которых, как убедительно показано в работах, посвященных детям, рожденным и воспитанным в одной семье, невозможно полноценное понимание процессов семейной жизни и предпосылок благополучия личности. Налицо востребованность подробного рассмотрения сиблинговых влияний в различных возрастных группах, а значит, продолжится становление сиблинговой теории и неизбежно дальнейшее обогащение ее концептуального аппарата.

Литература

Адлер 1997a – *Адлер А.* Наука жить. Киев: Port-Royal, 1997.

Адлер 1997b – *Адлер А.* Понять природу человека. СПб.: Академический проект, 1997.

Адлер 1998 – *Адлер А.* Воспитание детей. Взаимодействие полов. Ростов-на-Дону: Феникс, 1998.

Ansbacher, Ansbacher 1956 – *Ansbacher H.L., Ansbacher R.R.* The individual psychology of Alfred Adler. New York: Basic Books, 1956.

Bank et al. 2004 – *Bank L., Burraston B., Snyder J.* Sibling Conflict and Ineffective Parenting as Predictors of Adolescent Boys' Antisocial Behavior and Peer Difficulties: Additive and Interactional Effects // Journal of Research on Adolescence. 2004. Vol. 14. no. 1. P. 99–125.

Blake 1981 – *Blake J.* Family Size and the Quality of Children // Demography. 1981. Vol. 18. no. 4. P. 421.

Blau, Duncan 1966 – *Blau P.M., Duncan O.D.* Some Preliminary Findings on Social Stratification in the United States // Acta Sociologica. 1966. Vol. 9. no. 1–2. P. 4–24.

Boll et al. 2003 – *Boll T., Ferring D., Filipp S.-H.* Perceived Parental Differential Treatment in Middle Adulthood: Curvilinear Relations with Individuals' Experienced Relationship Quality to Sibling and Parents // Journal of Family Psychology. 2003. Vol. 17. no. 4. P. 472–487.

Brim 1958 – *Brim O.G.* Family Structure and Sex Role Learning by Children: A Further Analysis of Helen Koch's Data // Sociometry. 1958. Vol. 21. no. 1. P. 1.

Compton et al. 2003 – *Compton K., Snyder J., Schrepferman L., Bank L. and Shortt J.W.* The contribution of parents and siblings to antisocial and depressive

behavior in adolescents: a double jeopardy coercion model // Development and Psychopathology. 2003. Vol. 15. no. 1. P. 163–182.

Dunn 1983 – *Dunn J.* Sibling Relationships in Early Childhood // Child Development. 1983. Vol. 54. no. 4. P. 787.

Dunn, Plomin 1990 – *Dunn J., Plomin R.* Separate lives: Why siblings are so different. New York: Basic Books, 1990.

Galton 1874 – *Galton F.* English Men of Science: Their Nature and Nurture. London: Macmillan & Co, 1874.

Gilligan et al. 2020 – *Gilligan M., Stocker C.M., Jewsbury K. Conger.* Sibling relationships in adulthood: Research findings and new frontiers // Journal of Family Theory & Review. 2020. Vol. 12. no. 3. P. 305–320.

Hoffman et al. 2005 – *Hoffman K.L., Kiecolt K.J., Edwards J.N.* Physical Violence Between Siblings A Theoretical and Empirical Analysis // Journal of Family Issues. 2005. Vol. 26. no. 8. P. 1103–1130.

Irish 1964 – *Irish D.P.* Sibling Interaction: A Neglected Aspect in Family Life Research // Social Forces. 1964. Vol. 42. no. 3. P. 279.

Jensen et al. 2018 – *Jensen A.C., Whiteman S.D., Fingerman K.L.* "Can't live with or without them": Transitions and young adults' perceptions of sibling relationships // Journal of Family Psychology. 2018. Vol. 32. no. 3. P. 385–395.

Kim et al. 2006 – *Kim J.-Y., McHale S.M., Wayne Osgood D., Crouter A.C.* Longitudinal Course and Family Correlates of Sibling Relationships From Childhood Through Adolescence // Child Development. 2006. Vol. 77. no. 6. P. 1746–1761.

Koch 1954 – *Koch H.L.* The Relation of "Primary Mental Abilities" in five- and six-year-olds to Sex of Child and Characteristics of His Sibling // Child Development. 1954. Vol. 25. no. 3. P. 209.

Koch 1955a – *Koch H.L.* The relation of certain family constellation characteristics and the attitudes of children toward adults // Child Development. 1955. Vol. 26. no. 1. P. 13–40.

Koch 1955b – *Koch H.L.* Some personality correlates of sex, sibling position, and sex of sibling among five- and six-year-old children // Genetic Psychology Monographs. 1955. Vol. 52. P. 3–50.

Koch 1956a – *Koch H.L.* Attitudes of young children toward their peers as related to certain characteristics of their siblings // Psychological Monographs: General and Applied. 1956. Vol. 70. no. 19. P. 1–41.

Koch 1956b – *Koch H.L.* Children's Work Attitudes and Sibling Characteristics // Child Development. 1956. Vol. 27. no. 3. P. 289.

Koch 1956c – *Koch H.L.* Sibling Influence On Children's Speech // Journal of Speech and Hearing Disorders. 1956. Vol. 21. no. 3. P. 322–328.

Kowal, Kramer 1997 – *Kowal A., Kramer L.* Children's Understanding of Parental Differential Treatment // Child Development. 1997. Vol. 68. no. 1. P. 113.

Kunz 2001 – *Kunz J.* Parental divorce and children's interpersonal relationships: A meta-analysis // Journal of Divorce & Remarriage. 2001. Vol. 34. no. 3-4. P. 19–47.

Lasko 1954 – *Lasko J.K.* Parent behavior toward first and second children // Genetic Psychology Monographs. 1954. Vol. 49. no. 1. P. 98–137.

Levy 1937 – *Levy D.M.* Studies in sibling rivalry // Research Monographs, American Orthopsychiatric Association. 1937. Vol. 2. P. 96–96.

Levy 1941 – *Levy D.M.* V. The hostile act // Psychological Review. 1941. Vol. 48. no. 4. P. 356–361.

Loehlin, Nichols 1976 – *Loehlin J.C., Nichols R.C.* Heredity, Environment, & Personality: A Study of 850 Sets of Twins. Austin: University of Texas Press, 1976.

McHale et al. 2006 – *McHale S.M., Kim J.-Y., Whiteman S.D.* Sibling Relationships in Childhood and Adolescence // Close relationships: Functions, forms and processes. Hove, England: Psychology Press, 2006. P. 127–149.

McHale et al. 2012 – *McHale S.M., Updegraff K.A., Whiteman S.D.* Sibling Relationships and Influences in Childhood and Adolescence // Journal of marriage and the family. 2012. Vol. 74. no. 5. P. 913–930.

McHale, Harris 1992 – *McHale S.M., Harris V.S.* Children's experiences with disabled and nondisabled siblings: Links with personal adjustment and relationship evaluations // Children's sibling relationships: Developmental and clinical issues / Ed. by F. Boer, J. Dunn. Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 1992. P. 83–100.

Milevsky, Levitt 2005 – *Milevsky A., Levitt M.J.* Sibling support in early adolescence: Buffering and compensation across relationships // European Journal of Developmental Psychology. 2005. Vol. 2. Sibling support in early adolescence. no. 3. P. 299–320.

Noller et al. 2008 – *Noller P., Conway S., Blakeley-Smith A.* Sibling relationships in adolescent and young adult twin and nontwin siblings: Managing competition and comparison // Social relationships: Cognitive, affective, and motivational processes. New York: Psychology Press, 2008. P. 235–252.

O'Connor et al. 1998 – *O'Connor T.G., Hetherington E.M., Reiss D.* Family systems and adolescent development: shared and nonshared risk and protective factors in nondivorced and remarried families // Development and Psychopathology. 1998. Vol. 10. no. 2. P. 353–375.

Patterson 1984 – *Patterson G.R.* Siblings: Fellow Travelers in Coercive Family

Processes // Advances in the Study of Aggression / Ed. by R. Blanchard, D. Blanchard. Orlando, FL: Academic Press. P. 173–215.

Piaget, Gabain 1965 – *Piaget J., Gabain M.* The moral judgment of the child. New York: Free Press, 1965.

Plomin 1987 – *Plomin R.* Why are children in the same family so different from one another? // Behavioral and Brain Sciences. 1987. Vol. 10. no 1. P. 1–16.

Plomin et al. 2001 – *Plomin R., Asbury K., Dunn J.* Why are Children in the Same Family So Different? Nonshared Environment a Decade Later // The Canadian Journal of Psychiatry. 2001. Vol. 46. no 3. P. 225–233.

Plomin, Bergeman 1991 – *Plomin R., Bergeman C.S.* The nature of nurture: Genetic influence on 'environmental' measures // Behavioral and Brain Sciences. 1991. Vol. 14. no. 3. P. 373– 427.

Scarr, Grajek 1982 – *Scarr S., Grajek S.* Similarities and differences among siblings // Sibling relationships: their nature and significance across the lifespan / Ed. by M.E. Lamb, B. Sutton-Smith. Hillsdale, NJ.: Lawrence Erlbaum, 1982. P. 357–381.

Schachter 1963 – *Schachter S.* Birth Order, Eminence and Higher Education // American Sociological Review. 1963. Vol. 28. no. 5. P. 757.

Schooler 1972 – *Schooler C.* Birth order effects: Not here, not now! // Psychological Bulletin. 1972. Vol. 78. no. 3. P. 161–175.

Sharpe, Rossiter 2002 – *Sharpe D., Rossiter L.* Siblings of children with a chronic illness: a meta-analysis // Journal of Pediatric Psychology. 2002. Vol. 27. no. 8. P. 699–710.

Sontag 1947 – *Sontag L.W.* Physiological Factors and Personality in Children // Child Development. 1947. Vol. 18. no. 4. P. 185.

Spitze, Trent 2018 – *Spitze G.D., Trent K.* Changes in Individual Sibling Relationships in Response to Life Events // Journal of Family Issues. 2018. Vol. 39. no 2. P. 503–526.

Stoneman 2001 – *Stoneman Z.* Supporting positive sibling relationships during childhood // Mental Retardation and Developmental Disabilities Research Reviews. 2001. Vol. 7. no. 2. P. 134–142.

Stoneman et al. 1999 – *Stoneman Z., Brody G.H., Churchill S.L., Winn L.L.* Effects of residential instability on Head Start children and their relationships with older siblings: influences of child emotionality and conflict between family caregivers // Child Development. 1999. Vol. 70. no. 5. P. 1246–1262.

Stoneman, Brody 1993 – *Stoneman Z., Brody G.H.* Sibling Temperaments, Conflict, Warmth, and Role Asymmetry // Child Development. 1993. Vol. 64. no. 6. P. 1786–1800.

Sullivan 1953 – *Sullivan H.S.* The interpersonal theory of psychiatry. New York: Norton & Co, 1953.

Winnicott 1977 – *Winnicott D.W.* The Piggle: An Account of the Psychoanalytic Treatment of a Little Girl. London: Hogarth, 1977.

Zajonc, Markus 1975 – *Zajonc R.B., Markus G.B.* Birth order and intellectual development // Psychological Review. 1975. Vol. 82. no. 1. P. 74–88.

References

Adler, A. (1997a), *Nauka zhit'* [The science of living], Port-Royal, Kiev, Ukraine.

Adler, A. (1997b), *Ponyat' prirodu cheloveka* [Understand human nature], Akademicheskii proekt, St.-Petersburg, Russia.

Adler, A. (1998), *Vospitanie detei. Vzaimodeistvie polov* [Parenting. Interaction of the sexes], Feniks, Rostov-na-Donu, Russia.

Ansbacher, H.L. and Ansbacher, R.R. (1956), *The individual psychology of Alfred Adler,* Basic, NY, USA.

Bank, L., Burraston, B. and Snyder, J. (2004), "Sibling Conflict and Ineffective Parenting as Predictors of Adolescent Boys' Antisocial Behavior and Peer Difficulties: Additive and Interactional Effects", *Journal of Research on Adolescence*, vol. 14, no. 1, pp. 99–125.

Blake, J. (1981), "Family Size and the Quality of Children", *Demography,* vol. 18, no. 4, p. 421.

Blau, P.M. and Duncan, O.D. (1966), "Some Preliminary Findings on Social Stratification in the United States", *Acta Sociologica,* vol. 9, no. 1–2, pp. 4–24.

Boll, T., Ferring, D. and Filipp, S.-H. (2003), "Perceived Parental Differential Treatment in Middle Adulthood: Curvilinear Relations with Individuals' Experienced Relationship Quality to Sibling and Parents", *Journal of Family Psychology*, vol. 17, no. 4, pp. 472–487.

Brim, O.G. (1958), "Family Structure and Sex Role Learning by Children: A Further Analysis of Helen Koch's Data", *Sociometry*, vol. 21, no. 1, p. 1.

Compton, K., Snyder, J., Schrepferman, L., Bank, L. and Shortt, J.W. (2003), "The contribution of parents and siblings to antisocial and depressive behavior in adolescents: a double jeopardy coercion model", *Development and Psychopathology*, vol. 15, no. 1, pp. 163–182.

Dunn, J. (1983), "Sibling Relationships in Early Childhood", *Child Development*, vol. 54, no. 4, p. 787.

Dunn, J. and Plomin, R. (1990), *Separate Lives: Why Siblings Are so Different*, Basic Books, New York, USA.

Galton, F. (1874), English Men of Science: Their Nature and Nurture, Macmillan & Co, London, UK.

Gilligan, M., Stocker, C.M. and Jewsbury Conger, K. (2020), "Sibling relationships in adulthood: Research findings and new frontiers", *Journal of Family Theory & Review*, vol. 12, no. 3, pp. 305–320.

Hoffman, K.L., Kiecolt, K.J. and Edwards, J.N. (2005), "Physical Violence Between Siblings A Theoretical and Empirical Analysis", *Journal of Family Issues*, vol. 26, no. 8, pp. 1103–1130.

Irish, D.P. (1964), "Sibling Interaction: A Neglected Aspect in Family Life Research", *Social Forces*, vol. 42, no. 3, p. 279.

Jensen, A.C., Whiteman, S.D. and Fingerman, K.L. (2018), ""Can't live with or without them": Transitions and young adults' perceptions of sibling relationships", *Journal of Family Psychology*, vol. 32, no. 3, pp. 385–395.

Kim, J.-Y., McHale, S.M., Wayne Osgood, D. and Crouter, A.C. (2006), "Longitudinal course and family correlates of sibling relationships from childhood through adolescence", *Child Development*, vol. 77, no. 6, pp. 1746–1761.

Koch, H.L. (1954), "The Relation of 'Primary Mental Abilities' in five- and six-year-olds to sex of child and characteristics of his sibling", *Child Development*, vol. 25, no. 3, p. 209.

Koch, H.L. (1955a), "The relation of certain family constellation characteristics and the attitudes of children toward adults", *Child Development,* vol. 26, no. 1, pp. 13–40.

Koch, H.L. (1955b), "Some personality correlates of sex, sibling position, and sex of sibling among five- and six-year-old children", *Genetic Psychology Monographs,* vol. 52, pp. 3–50.

Koch, H.L. (1956a), "Attitudes of young children toward their peers as related to certain characteristics of their siblings", *Psychological Monographs: General and Applied*, vol. 70, no. 19, pp. 1–41.

Koch, H.L. (1956b), "Children's Work Attitudes and Sibling Characteristics", *Child Development,* vol. 27, no. 3, p. 289.

Koch, H.L. (1956c), "Sibling Influence On Children's Speech", *Journal of Speech and Hearing Disorders*, vol. 21, no. 3, pp. 322–328.

Kowal, A. and Kramer, L. (1997), "Children's Understanding of Parental Differential Treatment", *Child Development,* vol. 68, no. 1, p. 113.

Kunz, J. (2001), "Parental divorce and children's interpersonal relationships: A meta-analysis", *Journal of Divorce & Remarriage*, vol. 34, no. 3-4, pp. 19–47.

Lasko, J.K. (1954), "Parent behavior toward first and second children", *Genetic Psychology Monographs*, vol. 49, no. 1, pp. 98–137.

Levy, D.M. (1937), “Studies in sibling rivalry”, *Research Monographs, American Orthopsychiatric Association*, vol. 2, pp. 96–96.

Levy, D.M. (1941), “V. The hostile act”, *Psychological Review*, vol. 48, no. 4, pp. 356–361.

Loehlin, J.C. and Nichols, R.C. (1976), *Heredity, Environment, & Personality: A Study of 850 Sets of Twin*s, University of Texas Press, Austin, USA.

McHale, S.M. and Harris, V.S. (1992), “Children’s experiences with disabled and nondisabled siblings: Links with personal adjustment and relationship evaluations”, in Boer, F. and Dunn, J. (ed.), *Children’s sibling relationships: Developmental and clinical issues,* Lawrence Erlbaum, Hillsdale, NJ, USA, pp. 83–100.

McHale, S.M., Kim, J.-Y. and Whiteman, S.D. (2006), “Sibling Relationships in Childhood and Adolescence”, *Close Relationships: Functions, Forms and Processes*, Psychology Press, Hove, England, pp. 127–149.

McHale, S.M., Updegraff, K.A. and Whiteman, S.D. (2012), “Sibling Relationships and Influences in Childhood and Adolescence”, *Journal of Marriage and the Family,* vol. 74, no. 5, pp. 913–930.

Milevsky, A. and Levitt, M.J. (2005), “Sibling support in early adolescence: Buffering and compensation across relationships”, *European Journal of Developmental Psychology,* vol. 2, no. 3, pp. 299–320.

Noller, P., Conway, S. and Blakeley-Smith, A. (2008), “Sibling relationships in adolescent and young adult twin and nontwin siblings: Managing competition and comparison”, *Social Relationships: Cognitive, Affective, and Motivational Processes,* Psychology Press, NY, USA, pp. 235–252.

O’Connor, T.G., Hetherington, E.M. and Reiss, D. (1998), “Family systems and adolescent development: shared and nonshared risk and protective factors in nondivorced and remarried families”, *Development and Psychopathology*, vol. 10, no. 2, pp. 353–375.

Patterson, G.R. (1984), “Siblings: Fellow Travelers in Coercive Family Processes”, in Blanchard, R. and Blanchard, D. (ed.), *Advances in the Study of Aggression*, Academic Press, Orlando, FL, USA, pp. 173–215.

Piaget, J. and Gabain, M. (1965), *The moral judgment of the child*, Free Press, NY, USA.

Plomin, R. and Bergeman, C.S. (1991), “The nature of nurture: Genetic influence on ‘environmental’ measures”, *Behavioral and Brain Sciences,* vol. 14, no. 3, pp. 373–427.

Plomin, R. and Daniels, D. (1987), “Why are children in the same family so different from one another?”, *Behavioral and Brain Sciences*, vol. 10, no. 1, pp. 1–16.

Plomin, R., Asbury, K. and Dunn, J. (2001), "Why are Children in the Same Family So Different? Nonshared Environment a Decade Later", *The Canadian Journal of Psychiatry*, vol. 46, no. 3, pp. 225–233.

Scarr, S. and Grajek, S. (1982), "Similarities and differences among siblings", in Lamb, M.E. and Sutton-Smith, B. (ed.), *Sibling relationships: Their nature and significance across the lifespan*, Lawrence Erlbaum, Hillsdale, NJ, USA, pp. 357–381.

Schachter, S. (1963), "Birth Order, Eminence and Higher Education", *American Sociological Review*, vol. 28, no. 5, p. 757.

Schooler, C. (1972), "Birth order effects: Not here, not now!", *Psychological Bulletin*, vol. 78, no. 3, pp. 161–175.

Sharpe, D. and Rossiter, L. (2002), "Siblings of children with a chronic illness: a meta-analysis", J*ournal of Pediatric Psychology*, vol. 27, no. 8, pp. 699–710.

Sontag, L.W. (1947), "Physiological Factors and Personality in Children", *Child Development,* vol. 18, no. 4, p. 185.

Spitze, G.D. and Trent, K. (2018), "Changes in Individual Sibling Relationships in Response to Life Events",*Journal of Family Issues*, vol. 39, no. 2, pp. 503–526.

Stoneman, Z, Brody, G.H., Churchill, S.L. and Winn, L.L. (1999), "Effects of residential instability on Head Start children and their relationships with older siblings: influences of child emotionality and conflict between family caregivers", *Child Development*, vol. 70, no. 5, pp. 1246–1262.

Stoneman, Z. (2001), "Supporting positive sibling relationships during childhood", *Mental Retardation and Developmental Disabilities Research Reviews,* vol. 7, no. 2, pp. 134–142.

Stoneman, Z. and Brody, G.H. (1993), "Sibling Temperaments, Conflict, Warmth, and Role Asymmetry", *Child Development*, vol. 64, no. 6, pp. 1786–1800.

Sullivan, H.S. (1953), *The Interpersonal Theory of Psychiatry*, W.W. Norton & Co, NY, USA.

Winnicott, D.W. (1977), *The Piggle: An Account of the Psychoanalytic Treatment of a Little Girl,* Hogarth, London, UK.

Zajonc, R.B. and Markus, G.B. (1975), "Birth order and intellectual development", *Psychological Review*, vol. 82, no. 1, pp. 74–88.

Информация об авторе

Оксана В. Баскаева, Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 4; *baskaeva.oksana@gmail.com*

Information about author

Oksana V. Baskaeva, Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *baskaeva.oksana@gmail.com*

УДК 159.9
DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-116-129

Теория и практика при исследовании временной перспективы личности: способность действовать «в уме» Я.А. Пономарева

Нина А. Пастернак
Школа антропологии будущего РАНХиГС, Москва, Россия, nina.pasternak@yandex.ru

Аннотация. Исследование проводилось как эмпирическая проверка той модели развития психики, которую предложил Я.А. Пономарев, продемонстрировавший, что способность действовать «в уме» является одним из наиболее важных показателей общего развития психики человека. В рамках этих представлений проведен сравнительный анализ особенностей временного планирования студентами первого курса одного из московских вузов низкого (10 человек) и высокого (10 человек) уровня развития способности действовать «в уме» посредством экспертных оценок преподавателей этого вуза (40 человек) протоколов ответов студентов. В результате экспертной оценки было выявлено, что при низком уровне развития способности действовать «в уме» труднее планомерно достигать поставленных жизненных целей, планировать свое будущее, исходя из логического расчета. В исследовании ставится вопрос о возможном взаимодействии «теории и практики» при учете личностных особенностей, связанных с определенным этапом развития способности действовать «в уме», высказывается идея о желательности психологической поддержки подростка тогда, когда в связи с низким уровнем развития этой способности планирование будущего затруднено. Постулируется, если в подростковом возрасте такую поддержку окажет ему психолог-практик, практическая психология сможет реально влиять на жизненный путь растущей личности.

Ключевые слова: планирование будущего, фасеточное видение человека, способность действовать «в уме», связь теории и практики

Для цитирования: Пастернак Н.А. Теория и практика при исследовании временной перспективы личности: способность действовать «в уме» Я.А. Пономарева // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2. С. 116–129. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-116-129

© Пастернак Н.А., 2021

Theory and practice in the study of the time perspective of personality: the ability to act "in the mind" of Ya.A. Ponomarev

Nina A. Pasternak
School of Anthropology of the Future RANEPA, Moscow, Russia, nina.pasternak@yandex.ru

Annotation. The study was conducted as an empirical test of the model of mental development proposed by Ya.A. Ponomarev, who showed that the ability to act "in the mind" is one of the most important indicators of the overall development of the human psyche. Within the framework of these ideas, a comparative analysis of the features of time planning by first-year students of one of the Moscow universities of low (10 people) and high (10 people) levels of development of the ability to act "in the mind" through expert assessments of teachers of this university (40 people) protocols of students' responses is carried out. As a result of the expert assessment, it was shown that with a low level of development of the ability to act "in the mind", it is more difficult to systematically achieve the set life goals, plan your future based on a logical calculation.

The study raises the question of the possible connection between "theory and practice" when taking into account the personal characteristics associated with a certain stage of the development of the ability to act "in the mind", raises the question of the desirability of psychological support for a teenager when, due to the low level of development of this ability, planning for the future is difficult.

It is postulated that if a practical psychologist provides such support in adolescence, practical psychology will be able to really influence the life path of a growing personality.

Keywords: future planning, faceted vision of a person, the ability to act "in the mind", the connection between theory and practice

For citation: Pasternak, N.A. (2021), "Theory and practice in the study of the time perspective of personality: the ability to act "in the mind" of Ya.A. Ponomarev", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series,* no. 2, pp. 116–129, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-116-129

Введение

Актуальная проблема современной психологии – создание теоретико- экспериментальной базы для психотерапевтической и консультационной практики, переход к симбиозу методологии и практики [Ушаков 2020, с. 617–629; Василюк 1996, с. 25]. Корень данной проблемы – «фасеточность» – отсутствие целост-

ного видения человека [Ушаков 2020, с. 617–629]. Ее решение – развитие эволюционной проблематики в психологии [Асмолов и др. 2017, с. 3–26]. В рамках этого подхода можно рассматривать и описание этапов онтогенетического развития интеллекта (способности действовать «в уме», сокращенно – СДУ) Якова Александровича Пономарева, и влияние этой способности на развитие личности.

Одна из граней исследования личности – исследование временной перспективы – видение будущего во времени, или, собственно, планирование будущего. Составление планов определенным образом упорядочивает будущее, которое может быть представлено как последовательность достижения ряда целей [Головаха, Кроник 1984].

Видение будущего во времени исследуется авторами в разных аспектах: как целевая детерминация мотивации (А. Адлер, Г. Олпорт, А. Маслоу) или в терминах «антиципации» (В. Вундт, Б.Ф. Ломов, Е.А. Сергиенко, Е.Н. Сурков), «опережающего отражения» (П.К. Анохин), способности «моделировать будущее» (Н.А. Бернштейн), «целестремительности» (П.Я. Гальперин), «целенаправленности» (В.К. Вилюнас), «образа потребного будущего», «вероятностного прогнозирования» (В.А. Иванников, И.М. Фейгенберг).

Следует отметить, что традиционно исследования временной перспективы как в отечественной, так и зарубежной психологии связывались с подростковым и юношеским возрастом (Л.С. Выготский, Д.Б. Эльконин, Л.И. Божович, Ш. Бюлер, Э. Эриксон, Дж. Марсия, А. Ватерман, Е.П. Белинская, М. Гинзбург, И.В. Дубровина, И.С. Кон, Д.А. Леонтьев, Е.В. Щелобанова), поскольку именно в этом возрасте процессы «забрасывания себя в будущее» становятся осознанными, целенаправленными.

К.А. Абульхановой и Т.Н. Березиной было сформулировано центральное понятие, сегодня выражающее специфику данного направления исследований, – понятие личностной организации времени – времени жизни и деятельности. Термин «организация» позволяет обобщить и осознаваемые, и неосознаваемые, интуитивные, эмоциональные способы регуляции времени, с которыми столкнулись исследователи организации времени деятельности, и учесть разнообразный, типологический характер такой организации. [Абульханова, Березина 2001].

Надо особо отметить, что образ будущего в условиях неопределенности выполняет функцию предадаптации [Асмолов и др. 2017, с. 3–26], так как в большей или меньшей степени поддерживает многовариантность сценариев развития событий. На вариативность и сложность представлений о будущем влия-

ют степень социальной дифференциации (наличие различных институтов, социальных ролей и т.д.), многообразие жизненных сценариев в различных социальных группах и, как мы полагаем, интеллектуальные особенности конкретного человека.

Каков психологический механизм этого процесса, говоря иначе, какова роль интеллектуального фактора в планировании будущего? Попытаемся ответить с помощью анализа той способности, которую в течение многих лет исследовал Я.А. Пономарев и рассматривал в качестве психологического механизма развития человека в фило- и онтогенезе, – способности действовать «в уме». Таким образом, мы преодолеваем упомянутое «фасеточное» видение человека (разрыв между интеллектуальными и личностными характеристиками человека).

Обобщая результаты исследований СДУ другими авторами, Я.А. Пономарев увидел в СДУ один из наиболее важных показателей общего развития психики человека. «Развитие СДУ опирается на генетически заложенную потенцию и происходит в процессе овладения содержанием опыта, представляя собой его инвариант. Пределы такого развития генетически предопределены. Однако СДУ не развивается спонтанно – его необходимо «вытягивать», например, усвоением знаний, причем содержание знаний и условия их усвоения крайне важны для успеха развития. Развитие СДУ завершается примерно в 12 лет (дальнейшее развитие, в частности, интеллекта происходит за счет обогащения, совершенствования содержания приобретаемого опыта). По результатам современных экспериментальных исследований СДУ достигает оптимального развития (оптимум здесь совпадает с максимумом) всего у 5 % населения. Среди «недобравших» в развитии сравнительно много педагогически запущенных. Попытки доразвития СДУ после достижения так называемой физической зрелости пока безуспешны» [Пономарев 2006, с. 277–284].

Необходимо отметить, что сам Я.А. Пономарев в своих ранних работах использовал термин «внутренний план действия» (ВПД), подразумевая под ним специфическую особенность человеческого интеллекта. Впоследствии, решив, что термин ВПД обозначает более узкую психическую реальность, чем СДУ, он меняет название, определив СДУ как центральное звено психологического механизма поведения [Пономарев 1983].

В своих экспериментальных работах Я.А. Пономарев показал, что развитие СДУ обеспечивает осознанность и произвольность поведения и, соответственно, процесс целеполагания [Пономарев 2006, с. 200–201].

Согласно Я.А. Пономареву центральное звено психологиче-

ского механизма интеллекта можно схематически изобразить в виде двух проникающих одна в другую сфер. Внешние грани этих сфер можно представить как абстрактные пределы мышления. Снизу таким пределом окажется интуитивное, сверху – логическое мышление.

«Строго говоря, любое мышление развитого человека представляет единство интуитивного и логического. Чисто интуитивное и чисто логическое – это только абстрактные пределы мышления, рассматриваемого в его психологическом аспекте. Вместе с тем в одних психологических формах мышления преобладает интуитивный фактор, в других – логический [Пономарев 2006, с. 204].

По Я.А. Пономареву интуитивное мышление обслуживает структурный уровень интеллекта , соответствующий низкому уровню развития СДУ, логический – структурный уровень интеллекта, соответствующий высокому уровню развития СДУ. [Пономарев 2006, с. 205].

Методика диагностики уровня развития СДУ по Я.А. Пономареву такова. Испытуемому показывают нарисованный на бумаге квадрат, разделенный на 9 одинаковых клеток. Каждая клетка имеет свое обозначение: a1, a2, a3, b1, b2, b3, c1, c2, c3. Затем испытуемому сообщают правила эксперимента: «прыгать» можно через две клетки на третью в любом из двух направлений – по и против часовой стрелки, не считая клетки, на которой стоишь (в шахматах – это ход конем). Средний квадрат из эксперимента исключается. Затем чертеж убирают и испытуемому предлагают «в уме» попасть с клетки a1 на клетку c1. Если задача решается, предлагаются аналогичные задачи (a1–a3, a3–c3, c1–c3 и т.д.). После их решения даются задачи на три и четыре хода (например, попасть с a1 на в1, с a1 на c3). Решение подобных задач с ошибками свидетельствует о низком уровне развития СДУ (результаты испытуемых, не справившихся с предшествующими задачами, не учитываются). Испытуемым, решившим указанные задачи без ошибок, предлагают задачи с блоками: например, их просят попасть с клетки a1 на клетку c3 при условии, что клетка a3 закрыта, или с a1 на c3, когда закрыта клетка a2. Испытуемые, решившие задачи с блоками после одной-двух попыток, квалифицируются как имеющие средний уровень развития СДУ, а справившиеся без ошибок во всех случаях – высокий [Пономарев 2006, с. 210].

В своих экспериментальных работах Я.А. Пономарев и его последователи показали, что развитие СДУ обеспечивает осознанность и произвольность поведения и, соответственно, процесс целеполагания [Пастернак 2020].

Цель данного исследования: показать влияние СДУ на осо-

бенности целеполагания взрослых людей (конкретно, студентов первых курсов одного из московских вузов). Мы полагаем, что при низком уровне развития СДУ существуют «трудности» при осознании и формулировке способов реализации намеченных жизненных целей, конкретизации и детализации тех шагов, которые необходимо предпринять для исполнения задуманного; также мы предположили, что эмоциональный фактор в планировании будущего более свойственен испытуемым с низким уровнем развития СДУ.

Исследование было построено следующим образом: 20 студентов первого курса одного из московских вузов прописали свои жизненные цели на год, 5 лет, после 40 лет и после 60 лет. Затем эти студенты были продиагностированы по методике Я.А. Пономарева на уровень развития СДУ (10 человек с низким, 10 с высоким уровнем развития СДУ); далее они прошли процедуру экспертной оценки со стороны 20 преподавателей этого же вуза (20 преподавателей оценили студентов по первому критерию и 20 других по второму). Преподавателям вуза были даны следующие инструкции:

1. Уважаемый коллега!

Мы попросили наших студентов расписать свои жизненные цели на год, пять лет, после 40 и 60 лет. Просим Вас разделить полученные результаты на 2 группы.

Первая группа – студенты, которые, на Ваш взгляд, будут достигать своих целей преимущественно путем проб и ошибок. Эти студенты знают, чего они хотят, но еще не знают, как реализовать те планы, которые задумали.

Вторая группа – студенты, которые имеют план действий для достижения своих жизненных целей. Эти студенты будут идти к своим целям планомерно, «шаг за шагом».

Поставьте около каждой из предложенных анкет цифру 1 или 2.

2. Уважаемый коллега!

Мы попросили наших студентов расписать свои жизненные цели на год, пять лет, после 40 и 60 лет. Просим Вас выделить студентов, которые планируют свое будущее, основываясь больше на эмоциях (цифра 1), на логических расчетах (цифра 2), нечто среднее (цифра 3).

Результаты и их обсуждение

1. В результате оценки 20 экспертами (они были специально отобраны по критерию согласованности) (коэффициент Кронбаха равен 0,58) 20-ти студентов разного уровня развития СДУ более половины экспертов: отнесли к группе тех, кто целенаправленно планирует свою жизнь, 3-х студентов с высоким уровнем развития СДУ и ни одного студента из противоположной группы.

Таблица 1

Оценка планирования будущего по критерию целенаправленности более половиной экспертов студентов разного уровня развития СДУ

Отнесенность экспертами к группе	Уровень развития СДУ	
	Низкий	Высокий
имеют план действий для достижения жизненных целей	0	3

Ниже представлены протоколы ответов этих студентов.

Протокол студента с высоким уровнем развития СДУ, которого 12 из 20 экспертов отнесли к группе «планирующих свою жизнь).

Цели на год: Посетить Чехию с друзьями (поездка за границу в компании – увлекательное мероприятие взрослой жизни).

Повысить уровень английского языка для общения с другими странами.

Добиться у родителей возможности водить авто самостоятельно.

Завершить учебный год максимально успешно (для красного диплома).

Найти подработку в свободное от учебы время (сейчас денег достаточно).

Найти девушку (никогда не помешает).

Цели на 5 лет: закончить обучение с красным дипломом (это престижно и дает больше преимуществ).

Возможно, отслужить год в армии (есть свои плюсы, но и минусов достаточно).

Поступить в университет на второе высшее образование или в магистратуру (в дальнейшем у меня будут широкие возможности для карьерного роста).

Иметь постоянные отношения с девушкой.

Выучиться в автошколе на мотоцикле (машина – это распространенно, и никого этим не удивить).

Приобрести автомобиль или мотоцикл (смотря, что будет выгоднее).

После 40 лет: Иметь семью с ребенком (возможно, не одним).

В карьере занимать руководящий пост (не министра, но начальника отдела точно).

Приобрести квартиру (вероятно, в ипотеку).

Иметь доход семьи такой, чтобы на все хватало (не заоблачные суммы в миллионы рублей).

Хотя бы пару раз посетить друга в США.

Иметь хорошую дачу (неплохая уже есть, но нет предела совершенству).

После 60 лет: Быть уважаемым своей семьей и окружающими.

Спокойно жить на пенсии.

Протокол студентки, которую эксперты отнесли к группе людей, достигающих своего методом проб и ошибок (низкий уровень развития СДУ).

Цели на год: Закончить сессию на «отлично», чтобы порадовать себя и близких.

Начать заниматься спортом и йогой, чтобы занять себя и привести в форму.

Больше жить для себя, делать то, что хочется самой.

Самой зарабатывать деньги (чтобы радовать себя, начать себя обеспечивать).

Работать и устранить свою тревожность по пустякам.

Читать больше книг.

Написать курсовую на «отлично».

Проработать отношения с молодым человеком (чтобы лучше понимать друг друга и меньше ругаться).

Цели на 5 лет: Закончить университет с красным дипломом (чтобы радовать себя и повысить самооценку).

Найти хорошую работу с высокой зарплатой.

Поступить в магистратуру по специальности «психолог».

Освоить психологию и стать консультантом.

Открыть свой кабинет психолога (это является мечтой).

Возможно, выйти замуж за любимого человека, иметь прочные доверительные отношения с ним (чтобы всегда было хорошее настроение, гармония и крепкий показательный брак).

Обустроить свой большой дом, чтобы было уютно и комфортно.

Возможно, родить ребенка (чтобы воспитать его и дать ему все возможное, радовать себя и близких).

Пройти множество курсов по повышению квалификации, стать специалистом.

После 40 лет: Воспитать прекрасных детей (чтобы гордиться ими и всегда быть уверенной, что не оставят одну).

Иметь прекрасного мужа и прочные отношения с ним.

Иметь свой бизнес, известность и любимую работу (чтобы быть успешной женщиной).

Иметь недвижимость за границей на берегу моря, где всегда тепло (чтобы в любой момент уехать туда).

Иметь большой дом и жить там всей семьей.

Помогать родителям, купить дом им и стараться обеспечить (чтобы они были счастливы).

Много путешествовать, везде побывать и все попробовать (чтобы взять от жизни все).

После 60 лет: Купить дом в любом месте на этой планете и жить там (чтобы счастливо и спокойно встретить старость).

Ухаживать за собой всегда, не запускать (чтобы выглядеть моложе).

Ни в чем не нуждаться, иметь много денег (чтобы жить и не отказывать себе ни в чем).

Не работать (чтобы отдыхать и провести старость в спокойствии).

То, что именно студенты с высоким уровнем развития СДУ получили наивысшие баллы экспертов по выделенному критерию, легко объясняется ростом произвольности поведения по мере развития СДУ: способность к осознанному планированию развивается поэтапно с ростом СДУ. Это было показано как в работах самого Я.А. Пономарева и его учеников, так и в наших собственных исследованиях [Пастернак 2001, с. 82–90]. Именно поэтому увеличение экспериментальной выборки для подтверждения данного факта, на наш взгляд, не имеет существенного значения.

Кроме этого, нашу работу мы рассматриваем как эмпирическую проверку той модели развития психики, которую предложил Я.А. Пономарев. В рамках рассматриваемой модели результаты являются закономерными и не требуют значительного увеличения выборки.

2. В результате оценки 20 экспертами (они были специально отобраны по критерию согласованности) (коэффициент Кронбаха равен 0,53) 20-ти студентов разного уровня развития СДУ более половины экспертов: отнесли к тем, кто планирует будущее более эмоционально, 1 студента с низким уровнем развития СДУ и ни одного студента из второй группы; тех, кто планирует будущее преимущественно логически, – 2-х студентов из группы с низким уровнем развития СДУ и 5 студентов из группы с высоким уровнем развития СДУ.

Таблица 2

Оценка планирования будущего по критерию «эмоциональность – логичность» более половиной экспертов студентов разного уровня развития СДУ

Отнесенность экспертами к группе	Уровень развития СДУ	
	Низкий	Высокий
планируют будущее преимущественно эмоционально	1	0
планируют будущее преимущественно логически	2	5

Ниже представлены протоколы ответов этих студентов.

Протокол студента с низким уровнем развития СДУ, которого 17 из 20 экспертов отнесли к группе «планирующих свою жизнь).

Цели на год: Переехать от родителей.

Научиться самостоятельной жизни.

Цели на 5 лет: Закончить университет и получить профессию.

После 40 лет: Иметь стабильный заработок, семью и открыть свой бизнес.

После 60 лет: Уделять больше внимания семье, продолжать развиваться, путешествовать.

Протокол студентки с низким уровнем развития СДУ, которую 13 из 20 экспертов отнесли к группе эмоционально планирующих).

Цели на год: Закончить сессию на «отлично» (чтобы порадовать себя и близких).

Начать заниматься спортом и йогой (чтобы занять себя и привести в форму).

Больше жить для себя, делать то, что хочется самой.

Самой зарабатывать деньги (чтобы радовать себя, начать себя обеспечивать).

Работать и устранить свою тревожность по пустякам.

Читать больше книг.

Написать курсовую на «отлично».

Проработать отношения с молодым человеком (чтобы лучше понимать друг друга и меньше ругаться).

Цели на 5 лет: Закончить университет с красным дипломом (чтобы радовать себя и повысить самооценку).

Найти хорошую работу с высокой зарплатой.

Поступить в магистратуру по специальности «психолог».

Освоить психологию и стать консультантом.

Открыть свой кабинет психолога (это является мечтой).

Возможно, выйти замуж за любимого человека, иметь прочные доверительные отношения с ним (чтобы всегда было хорошее настроение, гармония и крепкий показательный брак).

Обустроить свой большой дом, чтобы было уютно и комфортно.

Возможно, родить ребенка (чтобы воспитать его и дать ему все возможное, радовать себя и близких).

Пройти множество курсов по повышению квалификации, стать специалистом.

После 40 лет: Воспитать прекрасных детей (чтобы гордиться ими и всегда быть уверенной, что не оставят одну).

Иметь прекрасного мужа и прочные отношения с ним.

Иметь свой бизнес, известность и любимую работу (чтобы быть успешной женщиной).

Иметь недвижимость за границей на берегу моря, где всегда тепло (чтобы в любой момент уехать туда).

Иметь большой дом и жить там всей семьей.

Помогать родителям, купить дом им и стараться обеспечить (чтобы они были счастливы).

Много путешествовать, везде побывать и все попробовать (чтобы взять от жизни все).

После 60 лет: Купить дом в любом месте на этой планете и жить там (чтобы счастливо и спокойно встретить старость).

Ухаживать за собой всегда, не запускать (чтобы выглядеть моложе).

Ни в чем не нуждаться, иметь много денег (чтобы жить и не отказывать себе ни в чем).

Не работать (чтобы отдыхать и провести старость в спокойствии).

Таким образом, мы видим, что вероятность того, что при высоком уровне развития СДУ при планировании будущего будет доминировать логический фактор, выше. Иначе можно сказать так, при низком уровне развития СДУ существует риск преобладания эмоций над логикой при планировании событий будущего.

Объясняя эти результаты, необходимо упомянуть те виды жизненных перспектив, которые выделили К.А. Абульханова и Т.Н. Березина [Абульханова, Березина 2001]:

1. Когнитивная перспектива – способность строить жизненные планы, структурировать будущее, видеть свои перспективы и себя в будущем.

2. Личностно-мотивационная перспектива – мотивация до-

стижения, которая создает направленность личности в будущее и гарантирует реализацию намеченных целей.

3. Жизненная перспектива – потенциал прошлого опыта, который является движущей силой достижения успехов в будущем.

Анализируя наши данные, необходимо заметить, что мотивация достижения и жизненный опыт никак не зависят от интеллектуального потенциала личности, а вот когнитивная перспектива – способность к структурированию будущего – при доминировании в мышлении эмоционального фактора может представлять определенную трудность. В этом случае человек может не столько принимать самостоятельные решения при выборе траектории своего развития, сколько стать зависимым в этом вопросе от чужого мнения.

Что дают практике полученные экспериментальные данные? Этот вопрос важен в связи с той общей проблемой, которую поднимает Д.В. Ушаков, – проблемой связи психологической теории с психологической практикой. В рамках ее решения становится очевидным, что «прогнозирование будущего» представляет определенную трудность при недоразвитии СДУ – в этом случае «сотрудничество» с тем, кто может помочь в планировании, чрезвычайно полезно. Если в подростковом возрасте таким «помощником» окажется вооруженный теорией психолог-практик, практическая психология сможет реально влиять на жизненный путь растущей личности. Причем средство «помощи» растущей личности в школе у психологов есть – формирование универсальных учебных действий. Именно универсальные учебные действия, если они сформированы на этапе общего образования, могут помочь подростку «не потерять себя» в условиях динамично меняющегося мира [Асмолов 2011, с. 104–110; Пастернак 2016, с. 42–46].

Литература

Абульханова, Березина 2001 – *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. СПб.: Алтейя, 2001.

Асмолов 2011 – *Асмолов А.Г.* Проектирование универсальных учебных действий в старших классах // Национальный психологический журнал. 2011. № 15. С. 104–110.

Асмолов и др. 2017 – *Асмолов А.Г., Шехтер Е.Д., Черноризов А.М.* Предадаптация к неопределенности как стратегия навигации развивающихся систем: маршруты эволюции // Вопросы психологии. 2017. № 4. С. 3–26.

Василюк 1996 – *Василюк Ф.Е.* Методологический смысл психологического схизиса // Вопросы психологии. 1996. № 6. С. 25–40.

Головаха, Кроник 1984 – *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. Киев: Наукова думка, 1984.

Пастернак 2001 – *Пастернак Н.А.* Внутренний план действия как показатель общего развития личности // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 82–90.

Пастернак 2016 – *Пастернак Н.А.* Личностный результат образования выпускника начальной школы // Начальная школа. 2016. № 2. С. 42–46.

Пастернак 2020 – *Пастернак Н.А.* Резервы человеческого интеллекта: способность действовать «в уме» / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Когито-Центр, 2020.

Пономарев 1983 – *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.

Пономарев 2006 – *Пономарев Я.А.* О предмете системного подхода и степени его развития // Психология творчества: школа Я.А. Пономарева / Под ред. Д.В. Ушакова. М.: Институт психологии РАН, 2006. С. 277–284.

Ушаков 2020 – *Ушаков Д.В.* На пути к целостному видению человека // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17. № 4. С. 617–629.

References

Abulkhanova, K.A. and Berezina, T.N. (2001), V*remya lichnosti i vremya zhizni* [The time of personality and the time of life], Altejya, Saint Petersburg, Russia.

Asmolov, A.G. (2011), “Projecting universal educational actions in high school”, *National Psychological Journal,* no. 15, pp. 104–110.

Asmolov, A.G., Shekhter, E.D. and Chernorizov, A.M. (2017), “Preadaptation to uncertainty as a strategy for navigation of developing systems: routes of evolution”, *Voprosy psikhologii*, no. 4, pp. 3–26.

Golovakha, E.I. and Kronik, A.A. (1984), *Psihologicheskoe vremya lichnosti* [Psychological time of the personality], Naukova dumka, Kiev, Ukraine.

Pasternak, N.A. (2001), “The internal plan of action as an indicator of the overall development of the individual”, *Voprosy psikhologii,* no. 1, pp. 82–90.

Pasternak, N.A. (2016), “Personal result of education of a primary school graduate”, *Elementary school*, no. 2. pp. 42–46.

Pasternak, N.A. (2020), *Rezervy` chelovecheskogo intellekta: sposobnost` dejstvovat` “v ume”* [Reserves of human intelligence: the ability to act “in the mind”], in Asmolov, A.G. (ed.), Kogito-Center, Moscow, Russia.

Ponomarev, Ya.A. (1983), *Metodologicheskoe vvedenie v psihologiyu* [Methodological introduction to psychology], Nauka, Moscow, Russia.

Ponomarev, Ya.A. (2006), "On the subject of a systematic approach and the degree of its development", in Ushakov, D.V. (ed.), *Psihologiya tvorchestva: shkola Ya.A. Ponomareva* [Psychology of Creativity: the School of Ya.A. Ponomarev], Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia, pp. 277–284.

Ushakov, D.V. (2020), "On the way to a holistic vision of a person", Psychology. *Journal of the Higher School of Economics*, vol. 17, no. 4, p. 617–629.

Vasilyuk, F.E. (1996), "Methodological meaning of psychological schizis", *Voprosy psikhologii*, no. 6, pp. 25–40.

Информация об авторе

Нина А. Пастернак, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник, Школа антропологии будущего РАНХиГС, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, пр-т Вернадского, д. 84, корп. 1; *nuna.pasternak@yandex.ru*

Information about the author

Nina A. Pasternak, Cand. of Sci. (Psychology), senior researcher, School of Anthropology of the Future RANEPA, Moscow, Russia; bld. 84-1, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119571; *nuna.pasternak@yandex.ru*

Эмпирические исследования

УДК 159.9
DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-130-146

Искажения в восприятии человеком собственного тела после выполнения подвижных заданий в виртуальной реальности

Наталья В. Яковлева
Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, Рязань, Россия, yakovleva.nata2@gmail.com

Андрей В. Варламов
Рязанский государственный медицинский университет им. академика И.П. Павлова, Рязань, Россия, andrey.varlamov.62@gmail.com

Аннотация. В статье представлено исследование особенностей искажения восприятия человеком размеров собственного тела после краткосрочного погружения в виртуальную среду и выполнения в ней подвижных целенаправленных заданий от лица виртуального персонажа. Выявлены характерные искажения в восприятии размеров наиболее вовлеченных в виртуальную деятельность частей тела в сторону их увеличения. Участники исследования демонстрировали статистически значимые искажения в восприятии таких параметров, как длина шеи, длина плеча, длина кисти, длина туловища, ширина локтевого сустава и ширина головы. Искажения в восприятии размеров верхней половины тела (выше пояса) соответствуют тем частям тела испытуемых, перемещение которых в пространстве во время выполнения внутрисредового задания имело наибольшую функциональную значимость. Погружение в виртуальную реальность, опосредованное VR-гарнитурой, приводит к формированию в психике реципиента особого восприятия виртуального окружающего мира. Восприятие себя при этом также оказывается привязанным к восприятию подконтрольного виртуального персонажа. В силу неопределенности его размеров и размытости визуальных очертаний, образ собственного тела временно сливается со сформированным оперативным образом персонажа, в результате чего происходит инструментальная интериоризация его размеров. Таким образом, наглядно продемонстрировано, что восприятие собственного тела

© Яковлева Н.В., Варламов А.В., 2021

человеком, погруженным в виртуальную среду, обусловлено характером выполняемых в ней движений.

Ключевые слова: виртуальная реальность, VR, образ тела, искажения образа тела

Для цитирования: Яковлева Н.В., Варламов А.В. Искажения в восприятии человеком собственного тела после выполнения подвижных заданий в виртуальной реальности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2. С. 130–146. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-130-146

Distortions in a person's body perception after performing dynamic tasks in virtual reality

Natal'ya V. Yakovleva

Ryazan State Medical University,
Ryazan, Russia, yakovleva.nata2@gmail.com

Andrei V. Varlamov

Ryazan State Medical University,
Ryazan, Russia, andrey.varlamov.62@gmail.com

Abstract. The article presents a study in the peculiarities of a person's perception of the size of his own bodydistortion after a short-term immersion in a virtual environment and performing mobile purposeful tasks in it on behalf of a virtual character. The characteristic distortions in the perception of the sizes of the body parts most involved in the virtual activity in the direction of their increase were revealed. Thus, the study participants demonstrated characteristic statistically significant distortions in the perception of such parameters as neck length, shoulder length, hand length, body length, elbow joint width and head width. Distortions in the perception of the size of the upper half of the body (above the waist) correspond to those parts of the subjects' bodies, the movement of which in space during the performance of the intra-environment task had the greatest functional significance. Immersion in virtual reality, mediated by a VR headset, leads to the formation of a specialvirtual environment perception in the recipient's psyche. In this case, the perception of oneself also turns out to be tied to the perception of the controlled virtual character. Due to the uncertainty of its size and the blurring of the visual outlines, the image of one's own body temporarily merges with the operatively formed image of the character, as a result of which an instrumental interiorization of

its dimensions occurs. Thus, it is clearly demonstrated that the perception of the person's body during the immersion in a virtual environment is connected to the nature of the performed movements.

Keywords: virtual reality, VR, body image, body image distortion

For citation: Yakovleva, N.V. and Varlamov, A.V. (2021), "Distortions in a person's body perception after performing dynamic tasks in virtual reality", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series,* no. 2, pp. 130–146, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-130-146

Актуальность исследования

Виртуальная реальность – это созданный техническими средствами мир, передаваемый человеку через его ощущения [Частиков 2002]. Такое определение компьютерной виртуальной реальности было принято в науке после введения этого термина американским исследователем Дж. Ланьером в 1989 году. В отличие от философского определения виртуальности, данная трактовка служит практическим потребностям современного общества, исключая из понятия идеалистический контекст и приписывая ему сугубо материалистическое техногенное происхождение. Из этого следует, что любое искусственное трехмерное пространство, которое может быть создано с помощью компьютера и воспроизведено средствами цифровой визуализации, является виртуальной реальностью.

Интерактивные видеоигры, трехмерная мультипликация и другие явления компьютерной виртуальной реальности давно являются объектом интереса экспериментальной психологии. Необходимость обнаружения особенностей функционирования психической сферы человека, взаимодействующего с виртуальной реальностью, обусловлена различными факторами. Так, в науке активно развиваются конструкты зависимости от видеоигр и интернет-серфинга [Baghdasaryan, Akopyan 2020], виртуального обучения [Корнилов, Попов 2018], нарушений самоидентификации в результате ее смещения на виртуальный объект [Филатова 2015] и многие другие. В отечественных публикациях все чаще появляются свидетельства о необходимости активного включения технологических достижений, в том числе средств VR, в процесс образования [Нариманова 2019]. При всем многообразии подобных работ выявляется их ключевая проблема – специфичность и актуальность только в рамках определенных способов контакта человека с виртуальной реальностью.

Интенсивное развитие технологий подразумевает столь же интенсивное расширение и модификацию способов взаимодействия с ними. Так, наиболее распространенный способ визуали-

зации виртуальных реальностей на плоском экране телевизора или монитора позволяет создавать среды, воздействие на которые производится человеком – оператором ЭВМ опосредованно, через различные устройства ввода. Их многообразие – от клавиатуры и мыши до замысловатых манипуляторов – определяет изменчивость сред, находящихся в виртуальной реальности. Появляются возможности менять углы обзора, подстраивать инструменты воздействия под конкретные цели использования среды. В то же время многие виртуальные реальности создаются с целью вовлечения человека в происходящие в них события и достижения эффекта его присутствия. Такая характеристика сред называется иммерсивностью (от англ. immersion–погружение) и выступает на первый план при разработке виртуальных развлечений [Aida et al. 2018].

Иммерсивность в видеоиграх достигается разными способами – от проектирования интерактивных ситуаций «от первого лица» (или глазами персонажа) до создания редакторов его внешности и предыстории. Однако подобные способы вовлечения человека в процесс принципиально уступают средам, взаимодействие с которыми происходит при помощи технологии VR (от англ. Virtualreality – виртуальная реальность). Она позволяет достичь максимально возможной на данный момент иллюзии присутствия в виртуальной среде, так как обзор и взаимодействие со средой осуществляются буквально глазами и руками ее реципиента. При помощи стереоскопического шлема VR и контроллеров с датчиками положения в пространстве человек будто самостоятельно погружается в виртуальную реальность, а не опосредованно управляет включенным в нее персонажем [Preuss, Ehrsson 2019]. Этот механизм погружения имеет высокий исследовательский потенциал, поскольку представляет собой качественно новый принцип функционирования телесности человека. Зарубежные психологи часто обращаются к описанной технологии в своих исследованиях. Опубликованы отчеты о проработке психических расстройств с использованием VR [Freeman et. al. 2017], применении этой технологии в медицинской реабилитации [Rose et al. 2018] и проч. Понимание перспективы использования VR в психотерапии и медицине вызывает необходимость исследования ограничений ее применения [Park, Lee 2020]. Во всех перечисленных работах, несмотря на их разную направленность, можно проследить одно основное положение – «аватар», или управляемый виртуальный персонаж, «по умолчанию» является объектом ассоциации для реципиента среды. Однако не приводится научного обоснования этой ассоциации, что обуславливает актуальность ее детального рассмо-

трения. Управление проекцией собственного тела предоставляет реципиенту среды комплексную задачу образного и предметного манипулирования. Из этого следует, что процесс адаптации человека к подобным условиям нуждается в разностороннем теоретическом и практическом изучении.

Закономерным представляется объяснение приведенного механизма, основанное на образной сфере психики человека, – его образе собственного тела и субъективных образах окружающих предметов объективного мира. В отечественной психологии категория образа неотделимо связана с категорией деятельности. В этом наблюдении сходятся такие авторы, как Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев и Б.М. Теплов [Горячев 2018]. Деятельность по перцепции и преобразованию информации, полученной из среды, рассматривается ими как основа осознанного поведения человека.

Интенсивное развитие этот конструкт получил в инженерной психологии. Д.А. Ошанин разработал концепцию оперативного образа как динамической модели представлений о предмете и совершаемых с ним действий человека, основополагающим фактором объединения которых в деятельность выступает результат [Ошанин 1969]. Целенаправленная двигательная активность человека вписывается в концепцию, причем в качестве оперативного образа выступает само тело человека. При этом актуализируется схема тела – совокупность представлений человека о собственном теле, его размерах и взаимном расположении его частей в пространстве. Во время выполнения движений эти представления корректируются, приближаясь к реальным размерам тела человека. Этот феномен лежит в основе телесно-ориентированной терапии М. Фельденкрайза [Фельденкрайз 2001], и был неоднократно эмпирически рассмотрен исследователями. В то время как одни исследователи концентрировались на оценке эффективности применения подхода в общей практике [Hillier, Worley 2015] и для решения частных задач [Buchanan, Ulrich 2001], другие проводили сравнительные исследования и сопоставляли его с другими методами [Jain et al. 2004].

Концепция оперативного образа получила широкое распространение, в частности, в психологии летчика, вынужденного одновременно удерживать в сознании многочисленные образы, складывающиеся в управляемое движение летательного аппарата [Завалова и др. 1986]. Сознание пилота в момент управления полетом выстраивается вокруг самолета и его перемещения, оставляя движения собственного тела без внимания.

В ситуации управления проекцией собственного тела в виртуальной реальности, возникающей при погружении человека в

VR, оперативным образом, согласно концепции Д.А. Ошанина, становится сама проекция, или аватар. При этом для того, чтобы аватар выполнил действие в VR, человек должен произвести аналогичное действие с помощью движений собственного тела. Таким образом, он оказывается в ситуации выполнения реальных движений с виртуальной целью: образы виртуальной проекции и реального тела накладываются друг на друга и функционируют параллельно. Отслеживание изменений, возникающих в указанных субъективных образах при погружении в VR, в рамках эмпирического психологического исследования может обнаружить наличие специфических процессов в психике человека, характерных для подобных погружений.

Цель и гипотеза исследования

Изучение особенностей искажения восприятия человеком размеров собственного тела при выполнении подвижных заданий по управлению антропоморфным персонажем во время погружения в VR-среду.

Гипотезы:

1. Целенаправленные действия по выполнению игрового задания в VR-среде приводят к искажениям восприятия человеком собственного тела.

2. Искажения в восприятии человеком собственного тела имеют качественную специфику и связаны с характером выполняемых действий.

Характеристики выборки

Количество испытуемых, принявших участие в исследовании, – 31. Выборку составили юноши (16) и девушки (15) 18-26 лет (средний возраст 20,45 ± 2,10 года), обучающиеся в средних специальных и высших образовательных учреждениях г. Рязани, условно физически и психически здоровые. Все испытуемые являлись добровольцами, были осведомлены об особенностях эксперимента и дали информированное согласие на участие в исследовании.

Методика исследования

Исследование проводилось на базе Центра практической психологии РязГМУ им. академика И.П. Павлова. Для погружений служила трехмерная среда приложения «OhShape VR» (далее – VR-среда). Для получения психометрических показателей восприятия испытуемыми размеров собственного тела использовалась методика «Промеры по М. Фельденкрайзу» [Соловьева

2017]. Всего измерения производились дважды: за несколько часов до воздействия и непосредственно после пребывания испытуемых в VR-среде.

Игровая задача погружения в VR-среду заключается в выполнении танцевальных движений по заданному средой шаблону. Реципиент стоит на небольшой арене и видит приближающиеся к нему с одной стороны интерактивные объекты:

– синие стеклянные стены с вырезом в виде человека в определенной позе (для того, чтобы успешно уклониться, реципиент вынужден принять эту позу и в реальности);

– красные стеклянные стены, которые реципиент может разбить, имитируя движения удара;

– оранжевые стеклянные стены, от которых он вынужден уклоняться, меняя позицию в реальном мире;

– шестигранные «монетки», которые реципиент должен «ловить» руками для набора игровых очков.

Все движения и действия выполняются под энергичную музыку, а препятствия приближаются со скоростью, соответствующей ее темпу. При росте уровня сложности задания движения, выполняемые реципиентом, складываются в полноценный танец. VR-среда имеет элемент соревновательности, так как предоставляет реципиенту информацию о количестве набранных им игровых очков и в конце каждого уровня демонстрирует ему таблицу лидеров. Кроме того, она подразумевает возможность проиграть в том случае, если реципиент слишком часто «врезается» и теряет «жизни», уровень прерывается, а среда предлагает реципиенту повторить задание.

Схема экспериментального погружения была построена по принципу возрастающей сложности. После краткого инструктажа о функциональных особенностях гарнитуры и контроллеров испытуемые попадали на первый обучающий уровень, где могли освоиться с основами игры и установленными правилами. Испытуемые не надевали наушники при погружении, поэтому экспериментатор мог продолжать общаться с ними и давать инструкции по мере продвижения в среде.

После обучающего уровня испытуемым предлагалось пройти 3-4 уровня (на их выбор) на уровнях сложности «Новичок» и «Легкий» – таким образом мы достигали цели постепенного включения испытуемых в деятельность и добивались их адаптации в VR-среде. Всего погружение занимало до 15 минут, после чего испытуемым предлагалось закрыть глаза и снять гарнитуру для второго этапа – прохождения методики «Промеры по М. Фельденкрайзу».

В ходе выполнения методики экспериментатор просит испытуемого закрыть глаза и при помощи рук (разводя их на

соответствующее расстояние) показать размер называемой части его тела. Это расстояние измеряется с помощью портняжной ленты и фиксируется. В данной работе, продолжающей серию наших исследований особенностей искажения восприятия тела человека, погружаемого в VR, мы решили сконцентрироваться именно на замерах восприятия, отказавшись от дополнительных замеров реальных размеров тела испытуемых, которые подразумевает классический вариант теста «Промеры по М. Фельденкрайзу». В предыдущих работах нами уже был отмечен феномен характерного для человека преувеличения в восприятии размеров собственного тела относительно их реальной величины в состоянии покоя [Варламов, Яковлева 2019]. Об этом же явлении, со ссылкой на М. Фельденкрайза, пишет автор-разработчик теста, утверждая, что здоровый человек имеет отличающийся от реальных размеров на 15-20% образ тела [Соловьева 2017]. Так как выполнение физических упражнений ведет к росту осознанности собственного тела и приближает его образ к реальным размерам, а базовое искажение восприятия для здорового человека происходит в сторону увеличения, выявленные нами искажения в ходе погружения испытуемых в VR должны были свидетельствовать или о схожем с классическими физическими упражнениями эффекте, или о формировании в сознании испытуемых еще более выраженных искажений (преувеличений) определенных частей тела.

Таким образом, в ходе эксперимента нам удалось получить ряды числовых данных по 17 измеряемым показателям методики «Промеры по М. Фельденкрайзу» до и после погружения. Распределения были проверены на нормальность с помощью критерия Колмогорова-Смирнова. Все ряды данных соответствовали нормальным распределениям, вследствие чего было принято решение использовать при обработке параметрический критерий различий. Дальнейшая статистическая обработка производилась с помощью параметрического Т-критерия Стьюдента. Все вычисления были выполнены в программе IBM SPSS Statistics.

Результаты и их обсуждение

Результаты статистической обработки полученных данных представлены в таблице 1.

Таблица 1

Результаты статистического анализа данных о восприятии размеров тела испытуемыми до и после экспериментального воздействия в виртуальной реальности

Параметр	M±SD до воздействия (см)	M±SD после воздействия (см)	T	p
Высота головы	26,67±5,41	28,51±5,96	-2,007	0,054
Ширина головы	20,35±4,76	22,87±7,69	-2,217	0,05
Длина шеи	18,06±4,01	20,83±5,12	-3,103	0,01
Длина плеча (от основания шеи до плечевого сустава)	23,467±6,47	31,19±20,10	-2,084	0,05
Длина плечевой кости	33,79±7,44	38,83±8,96	-1,846	-
Ширина локтевого сустава	11,56±3,53	13,96±5,12	-3,754	0,01
Длина предплечья	31,88±9,10	35,45±8,03	-1,996	0,055
Длина кисти	18,85±4,74	21,38±5,97	-3,200	0,01
Длина туловища (от основания шеи до пупка)	43,29±8,66	47,96±10,18	-2,602	0,05
Длина туловища (от пупка до паха)	24,29±5,61	27,9±6,04	-3,338	0,01
Ширина груди	36,70±8,42	39,38±8,43	-1,784	-
Ширина талии	32,12±8,76	31,03±5,93	0,745	-
Ширина таза	37,58±12,43	36,90±9,66	0,435	-
Длина бедра	48,90±10,20	50,48±12,87	-0,806	-
Ширина коленного сустава	16,41±4,15	16,33±4,62	0,111	-
Длина голени	42,29±9,52	43,79±11,52	-1,068	-
Длина стопы	27,17±6,22	27,59±7,40	-0,418	-

По итогам обработки результатов установлено, что после 15-минутного выполнения испытуемыми подвижных заданий, определенных шаблоном VR-среды, восприятие некоторых частей тела претерпевает статистически значимые искажения. Установлены искажения восприятия размеров таких параметров, как ширина головы *(T=-2,217; p<0,05)*, длина шеи *(T=-3,103; p<0,01)*, длина плеча от шеи до плечевого сустава *(T=-2,084; p<0,05)*, ширина локтевого сустава *(T=-3,754; p<0,01)*, длина кисти *(T=-3,200; p<0,01)*, длина туловища от основания шеи до пуп-

ка *(T=-2,602;p<0,05)*, длина туловища от пупка до паха *(T=-3,338; p<0,01)*. Кроме того, эмпирическое значение критерия Т-Стьюдента находится на границе критического значения для показателей, иллюстрирующих восприятие высоты головы *(T=-2,007; p=0,054)* и длины предплечья *(T=-1,996; p=0,055)*.

Показатели Т-критерия, соответствующие перечисленным измерениям, имеют отрицательное значение, что говорит о том, что испытуемые, выполняющие подвижные задания в VR-среде, склонны воспринимать размеры этих частей тела большими, чем обычно. Существует множество экспериментальных свидетельств того, что субъективное восприятие тела человеком отличается от его реальных размеров в большую сторону. Отечественные исследователи преимущественно рассматривают данный феномен на различных выборках – детях с сахарным диабетом [Глебова и др. 2016], худеющих женщинах [Зайцева, Барканова 2019] и др. Аналогичное наблюдение было сделано и нами в исследовании 2019 года [Варламов, Яковлева 2019], где были рассмотрены особенности восприятия образа тела студентами медицинского вуза. В том исследовании проводилось статистическое сравнение показателей восприятия размеров тела до и после физической активности без гарнитуры VR. Нами не было установлено статистически выраженных закономерностей искажения восприятия частей тела после данного типа воздействия на выборке из 30 человек, но положительное значение Т-критерия по различным показателям говорило о преобладающей в группе тенденции приближения восприятия тела к его реальным размерам, то есть уменьшения количественных показателей. Как видно на новых результатах, эффект, наблюдаемый после выполнения подвижных заданий с использованием воздействий VR-среды, диаметрально противоположен. Иными словами, классическое выполнение подвижных заданий ведет к восприятию частей тела в уменьшенном размере (приближению образа тела к его реальным размерам и уменьшению базового искажения восприятия), тогда как выполнение схожих движений при погружении VR ведет к увеличению искажений и, соответственно, восприятия собственного тела.

Все статистически значимые искажения восприятия, как следует из Таблицы 1, характерны для частей тела выше пояса. В субъективном восприятии размеров собственного тела испытуемыми, как составной части образа тела, увеличивается длина туловища, шеи, высота и ширина головы – создается ощущение вытянутой верхней половины тела. Искажается восприятие плечевого пояса и рук – «вытягиваются» плечи (от основания шеи до плечевых суставов), предплечья и кисти, локтевые суставы воспринимаются шире, чем обычно.

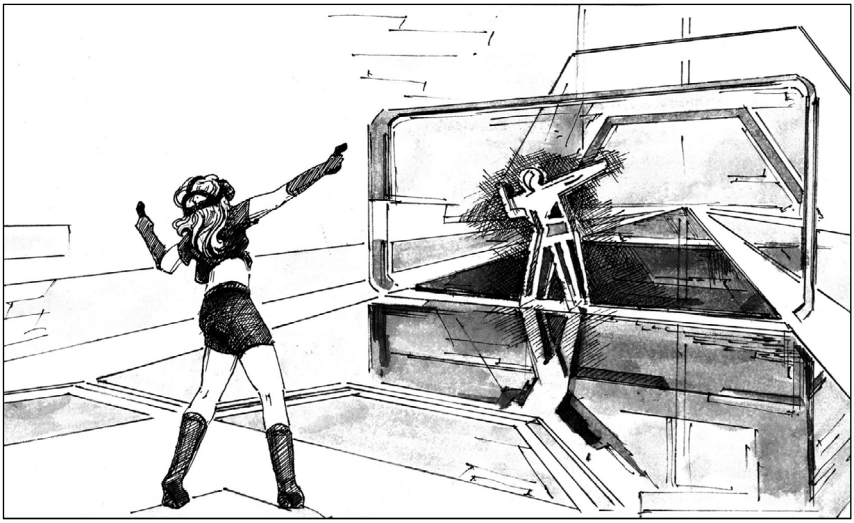


Рис. 1. Соотнесение реального и виртуального тел во время погружения

Мы считаем, что данные искажения восприятия вызваны несколькими причинами:

Первая причина – особенности управления цифровым персонажем. Внутри VR-среды (рис. 1) испытуемый уклоняется от препятствий, принимая необходимые позы с помощью рук и головы. За счет того, что среда не предусматривает проекцию ног испытуемого, их положение не играет критической роли в успешном выполнении задания, а потому искажений в их показателях не наблюдалось в эксперименте.

Вторая причина – качество активных движений рук, корпуса и головы, их центральная роль в выполнении задания. За 15 минут интенсивной подвижной активности с элементами соревнования, обусловленными возможностью проиграть, для испытуемых возрастает субъективная значимость рук, корпуса и головы. Во время выполнения заданий внимание погруженного в среду человека акцентировано на этих частях тела, и от точности их координации зависит успешность адаптации к средовым условиям.

Третья причина – особенности средовой проекции. Виртуальные руки и голова цифрового персонажа находятся не на месте рук и головы испытуемых, но являются проекциями элементов гарнитуры – шлема и манипуляторов. Возникает незначительное смещение восприятия этих частей тела персонажа

относительно собственных конечностей, что, вероятно, отражается на результатах измерения.

Выводы

В работе «Образ и деятельность» В.П. Зинченко пишет о том, что «движения одушевленного тела, воспроизводящие форму других тел, внутренне связаны с поиском, включающим в себя ориентацию на будущее» [Зинченко 1997]. В нашей экспериментальной ситуации целью испытуемых было успешное выполнение соревновательного задания. Завершение каждого испытания сопровождалось победным переживанием-вознаграждением. Ключевой особенностью задания была его виртуальная обусловленность: все движения испытуемых носили характер условных сигналов, вызывающих аналогичные движения виртуального персонажа, а значит, и движения собственного тела воспринимались испытуемыми через призму их эффективности.

Иными словами, в отличие от движений, используемых в телесно-ориентированной психотерапии и, в частности, в методе М. Фельденкрайза [Фельденкрайз 2001], которые направленны на увеличение телесной осознанности самого человека, интенсивные движения в VR-среде являются составным элементом возникающего в момент погружения оперативного образа [Ошанин 1969]. Их предназначение – управление виртуальным персонажем. Соответственно, изменения в восприятии размеров собственного тела, зарегистрированные нами в исследовании, являются результатом интериоризации оперативного образа с целью адаптации к средовым условностям, вызвавшим его.

В контексте особенностей выбранной для экспериментального исследования VR-среды следует также отметить, что формируемый в сознании испытуемых оперативный образ их виртуального тела приобретает адаптивные для погружения черты. «Увеличение» размеров тела, задействованных в выполнении подвижного задания, предоставляет испытуемому большее пространство для точного координирования движений. «Большие» конечности вынуждают его точнее планировать каждое движение для того, чтобы не соприкоснуться с препятствием и успешно преодолеть его, что наглядно демонстрирует пластичность такого конструкта, как схема тела и возможность целенаправленного использования VR для его коррекции.

Таким образом, обе исследовательские гипотезы подтвердились в результате эмпирического исследования. Выполнение движений, заданных VR-средой, при погружении действительно приводит к искажениям в восприятии человеком размеров соб-

ственного тела. Выявленные искажения свидетельствуют о тенденции к субъективному преувеличению размеров областей тела, наиболее задействованных в выполнении движений.

Результаты, полученные в данном исследовании, позволяют сделать следующие выводы:

1) Современные технологии виртуальной реальности (VR) позволяют создавать ситуации, погружение в которые здорового человека приводит к искажениям в восприятии им размеров собственного тела;

2) Важными причинами данных искажений являются характер и целенаправленность действий, выполняемых человеком, погруженным в VR-среду, и их целенаправленность.

3) При выполнении активных движений во время погружения наиболее выражено искажение восприятия испытуемыми частей собственного тела, совпадающих с частями тела управляемого виртуального персонажа, от координации которых зависит успешность выполнения ими средового задания.

4) Восприятие задействованных в двигательной активности испытуемого в VR частей тела искажается в сторону их увеличения, что говорит о росте их значимости для успешного выполнения средового задания и интериоризации особенностей сформированного при погружении оперативного образа цифрового тела персонажа.

Результаты данного исследования могут быть использованы в дальнейших психологических исследованиях влияния взаимодействия с VR-технологией на образ тела человека. Данные об особенностях взаимосвязи восприятия погруженным в VR-среду человеком собственного тела и тела подконтрольного ему виртуального персонажа могут быть полезны при разработке терапевтических мероприятий в когнитивно-поведенческом и телесно-ориентированном подходах.

Литература

Варламов, Яковлева 2019 – *Варламов А.В., Яковлева Н.В.* Исследование динамики образа тела в различных экспериментальных условиях виртуальной реальности // Ананьевские чтения – 2019: Психология обществу, государству, политике: материалы международной научной конференции. СПб.: Скифия-принт, 2019. С. 166–167.

Глебова и др. 2016 – *Глебова Е.Е., Сарычева Ю.В., Пилипенко О.В., Вяткина Н.А.* Особенности образа тела и пищевого поведения у детей и подростков с сахарным диабетом // Актуальные вопросы клинической психологии: материалы региональной научно-практической конференции. Новосибирск, 2016. С. 33–37.

Горячев 2018 – *Горячев В.В.* Модель телесного самосознания личности // Психолого-педагогический поиск. 2018. № 1. С. 138–145.

Завалова и др. 1986 – *Завалова Н.Д., Ломов Б.Ф., Пономаренко В.А.* Образ в системе психической регуляции деятельности / Под ред. Ю.М. Забродина. М.: Наука, 1986. 169 с.

Зайцева, Барканова 2019 – *Зайцева А.Н., Барканова О.В.* Исследование образа тела худеющих женщин в период ранней взрослости // Гуманитарное и социально-научное знание: теоретические исследования и практические разработки. Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. Красноярск, 2019. С. 154–160.

Зинченко 1997 – *Зинченко В.П.* Образ и деятельность. Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. 608 с.

Корнилов, Попов 2018 – *Корнилов Ю.В., Попов А.А.* VR-технологии в образовании: Опыт, обзор инструментов и перспективы применения // Инновации в образовании. 2018. № 23. С. 117–129.

Нариманова 2019 – *Нариманова О.В.* Концепция Университет 3.0: перспективы реализации в России в условиях новой технологической революции // Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие: сетевой журнал. 2019. Т. 7. № 2 (25). С. 350–363.

Ошанин 1969 – *Ошанин Д.А.* Роль оперативного образа в выявлении информационного содержания сигналов // Вопросы психологии. 1969. № 4. С. 24–33.

Соловьева 2017 – *Соловьева И.А.* Кто мы на самом деле? О бессознательном образе тела. М.: Институт консультирования и системных решений, 2017. 216 с.

Фельденкрайз 2001 – *Фельденкрайз М.* Сознавание через движение: 12 практических уроков. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2001. 151 с.

Филатова 2015 – *Филатова Т.П.* Эффект «Психологического погружения» в виртуальную реальность компьютерной игры как фактор формирования компьютерной игровой аддикции // Актуальные вопросы современной науки. 2015. № 44-1. С. 123–131.

Частиков 2002 – *Частиков А.П.* Архитекторы компьютерного мира. СПб.: БВХ-Петербург, 2002. 383 с.

Aida et al. 2018 – *Aida J., Chau B., Dunn J.* Immersive virtual reality in traumatic brain injury rehabilitation: A literature review // NeuroRehabilitation. 2018. Vol. 42 (4). P. 441–448.

Baghdasaryan, Akopyan 2020 – *Baghdasaryan A.A., Akopyan A.A.* Computer Addiction as Psychological and Pedagogical Problem // Cross-Cultural Studies: Education and Science. 2020. Vol. 2. no. 5. P. 53–58.

Buchanan, Ulrich 2001 – *Buchanan P.A., Ulrich B.D.* The Feldenkrais Method: a dynamic approach to changing motor behavior // Research quarterly for exercise and sport. 2001. Vol. 4. no. 72. P. 315–323.

Freeman et. al. 2017 – *Freeman D., Reeve S., Robinson A., Ehlers A., Clark D., Spanlang B., Slater M.* Virtual reality in the assessment, understanding, and treatment of mental health disorders // Psychological medicine. 2017. Vol. 47 (14). P. 2393–2400.

Hillier, Worley 2015 – *Hillier A.S., Worley A.* The effectiveness of the Feldenkrais method: a systematic review of the evidence. 2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4408630.html (дата обращения 15 февр. 2021).

Jain et al. 2004 – *Jain S., Janssen K., DeCelle S.* Alexander technique and Feldenkrais method: a critical overview // Physical medicine and rehabilitation clinics of North America. 2004. Vol. 4. no. 15. P. 811–825.

Park, Lee 2020 – *Park S., Lee G.* Full-immersion virtual reality: Adverse effects related to static balance // Neuroscience letters. 2020. Vol. 733.

Preuss, Ehrsson 2019 – *Preuss N., Ehrsson H.H.* Full-body ownership illusion elicited by visuo-vestibular integration // Journal of experimental psychology. Human perception and performance. 2019. Vol. 45 (2). P. 209–223.

Rose et al. 2018 – *Rose T., Nam C.S., Chen K.B.* Immersion of virtual reality for rehabilitation- Review // Applied ergonomics. 2018. Vol. 69. P. 153–161.

References

Aida, J., Chau, B. and Dunn, J. (2018), “Immersive virtual reality in traumatic brain injury rehabilitation: A literature review”, *NeuroRehabilitation,* vol. 42 (4), pp. 441–448.

Baghdasaryan, A.A. and Akopyan, A.A. (2020), “Computer Addiction as Psychological and Pedagogical Problem”, *Cross-Cultural Studies: Education and Science,* vol. 2, no. 5, pp. 53–58.

Buchanan, P.A. and Ulrich, B.D. (2001), “The Feldenkrais Method: a dynamic approach to changing motor behavior”, *Research quarterly for exercise and sport*, vol. 4, no. 72, pp. 315–323.

Chastikov, A.P. (2002), *Arkhitektory komp’yuternogo mira* [Computer World Architects], BVH-Peterburg, Saint Petersburg, Russia.

Fel’denkraiz, M. (2001), *Soznavanie cherez dvizhenie: 12 prakticheskih urokov* [Awareness through movement: 12 practical lessons], Institute of General Humanitarian Research, Moscow, Russia.

Filatova, T.P. (2015), “The Effect of “Psychological Immersion” in the Virtual Reality of a Computer Game as a Factor in the Development of

Computer Game Addiction", *Topical Issues of Modern Science,* no. 44-1, pp. 123–131.

Freeman, D., Reeve, S., Robinson, A., Ehlers, A., Clark, D., Spanlang, B. and Slater, M. (2017), "Virtual reality in the assessment, understanding, and treatment of mental health disorders", *Psychological medicine,* vol. 47 (14), pp. 2393–2400.

Glebova, E.E., Sarycheva, Yu.V., Pilipenko, O.V. and Vyatkina, N.A. (2016), "Features of Body Image and Eating Behavior in Children and Adolescents with Diabetes Mellitus", *Aktual'nye voprosy klinicheskoi psikhologii: materialy regional'noi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Topical issues of clinical psychology: materials of the regional scientific and practical conference], Novosibirsk, Russia, 2016, pp. 33–37.

Goryachev, V.V. (2018), "Model of Bodily Self-Awareness of a Person", *Psychological and Pedagogical Search*, vol. 1, pp. 138–145.

Hillier, A.S. and Worley, A. (2015), "The effectiveness of the Feldenkrais method: a systematic review of the evidence", [Online], available at: https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4408630.html (Accessed 15 Feb. 2021).

Jain, S., Janssen, K. and DeCelle, S. (2004), "Alexander technique and Feldenkrais method: a critical overview", *Physical medicine and rehabilitation clinics of North America,* vol. 4, no. 15, pp. 811–825.

Kornilov, Yu.V. and Popov, A.A. (2018), "VR Technologies in Education: Experience, Review of Tools and Application Prospects", *Innovation in Education,* vol. 23, pp. 117–129.

Narimanova, O.V. (2019), "University 3.0 Concept: Prospects for Implementation in Russia in the Context of a New Technological Revolution", *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development,* vol. 2, pp. 350–363.

Oshanin, D.A. (1969), "The Role of the Operational Image in Identifying the Information Content of Signals", *Voprosy Psychologii*, vol. 4, pp. 24–33.

Park, S. and Lee, G. (2020), "Full-immersion virtual reality: Adverse effects related to static balance", *Neuroscience letters,* vol. 733.

Preuss, N. and Ehrsson, H.H. (2019), "Full-body ownership illusion elicited by visuo-vestibular integration", *Journal of experimental psychology. Human perception and performance*, vol. 45 (2), pp. 209–223.

Rose, T., Nam, C.S. and Chen, K.B. (2018), "Immersion of virtual reality for rehabilitation – Review", *Applied ergonomics*, vol. 69, pp. 153–161.

Solov'eva, I.A. (2017), Kto my nasamomdele? O bessoznatel'nom obraze tela [Who are we really? About the unconscious body image], *Institute for Consulting and System Solutions,* Moscow, Russia.

Varlamov, A.V. and Yakovleva, N.V. (2019), "Investigation of the

Dynamics of Body Image in Various Conditions of Virtual Reality", *Anan'evskie chteniya – 2019: Psikhologiya obshchestvu, gosudarstvu, politike: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii* [Ananiev Readings – 2019. Psychology for the society, government and politics"], Saint Petersburg, Russia, 2019, pp. 166–167.

Zaitseva, A.N. and Barkanova, O.V. (2019), "Body image research of slimming women in early adulthood", *Gumanitarnoe i sotsial'no-nauchnoe znanie: teoreticheskie issledovaniya i prakticheskie razrabotki. Sbornik nauchnykh trudov po materialam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Humanitarian and socio-scientific knowledge: theoretical research and practical development. Collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference], Krasnoyarsk, Russia, 2019, pp. 154–160.

Zavalova, N.D., Lomov, B.F. and Ponomarenko, V.A. (1986), *Obraz v sisteme psikhicheskoi regulyatsii deyatel'nosti* [Image in the system of mental regulation of activity], in Zabrodina, Yu.M. (ed.), Nauka, Moscow, Russia.

Zinchenko, V.P. (1997), *Obraz i deyatel'nost'* [Image and Activity], publishing house NPO "MODEK", Voronezh, Russia.

Информация об авторах

Наталья В. Яковлева, кандидат психологических наук, доцент, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, Рязань, Россия; 390026, Россия, Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9; *yakovleva.nata2@gmail.com*

Андрей В. Варламов, Рязанский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова, Рязань, Россия; 390026, Россия, Рязань, ул. Высоковольтная, д. 9; *andrey.varlamov.62@gmail.com*

Information about authors

Natal'ya V. Yakovleva, Cand. of Sci. (Psychology), associate professor, Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia; bld. 9, Vysokovoltnaya Street, Ryazan, Russia, 390026; *yakovleva.nata2@gmail.com*

Andrei V. Varlamov, Ryazan State Medical University, Ryazan, Russia; bld. 9, Vysokovoltnaya Street, Ryazan, Russia, 390026; *andrey.varlamov.62@gmail.com*

УДК 159.9
DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-147-157

Взаимосвязь доверительных отношений с показателями гражданской позиции

Маргарита К. Акимова
Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия, m.k.akimova@rambler.ru

Светлана В. Персиянцева
Российский государственный гуманитарный университет, Психологический институт РАО, Москва, Россия, perssvetlana@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического исследования взаимосвязи гражданственности и доверительных отношений на выборке студентов трех вузов (N=252). Доверительные отношения, основаны на доброжелательности, честности и стремлении понять, принять другого человека со всеми его индивидуальными особенностями. Гражданская позиция в работе рассматривается как социальная гражданская активность личности, протекающая под влиянием социокультурной среды. Это нравственная позиция, побуждающая человека ощущать себя частью гражданского общества, выражающаяся в наличии системы социально-значимых нравственных ориентиров, определяющих его чувство долга и ответственность перед обществом, его готовность активно отстаивать и защищать его права и интересы и потому действовать на пользу народу, обществу. Раскрываются понятия «нормативопринятие» и «гражданская идентичность». Диагностика в представленном исследовании проводилась с помощью Опросника доверительных отношений, Опросника гражданской идентичности (две шкалы: отношение к нормам гражданского общества, активная гражданская позиция); проективной методики «Гражданская идентичность» (методика изучает значимые ценности гражданского общества по семи шкалам). Получено, что образовательные и региональные характеристики изучаемых групп студентов оказывают влияние на уровень выраженности доверия и гражданских качеств российской студенческой молодежи.

Ключевые слова: уровень доверия, гражданское общество, гражданская позиция, нормативопринятие

© Акимова М.К., Персиянцева С.В., 2021

Для цитирования: Акимова М.К., Персиянцева С.В. Взаимосвязь доверительных отношений с показателями гражданской позиции // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2021. № 2. С. 147–157. DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-147-157

The relationship of trust with indicators of civic position

Margarita K. Akimova
Russian State University for the Humanities,
Moscow, Russia, m.k.akimova@rambler.ru

Svetlana V. Persiyantseva
Russian State University for the Humanities,
Psychological Institute of Russian Academy of Education,
Moscow, Russia, perssvetlana@yandex.ru

Abstract. The results of an empirical study of the relationship between citizenship and trust on a sample of students from three universities (N = 252) are presented in the article. A trusting relationship is based on goodwill, honesty and on the desire to understand, accept another person with all his individual characteristics. The civic position in the work is considered as the social civic activity of the individual, proceeding under the influence of the socio-cultural environment. This is a moral position that encourages a person to feel like a part of civil society, expressed in the presence of a person's system of socially significant moral guidelines that determine his sense of duty and responsibility to society, his willingness to actively defend his rights and interests and therefore act for the benefit of the people, society. The concepts of "adoption of standards" and "civic identity" are revealed. Diagnostics, in the presented study, was carried out using the Questionnaire of Confidence Relationships, the Questionnaire of Civil Identity (two scales: attitude to the norms of civil society, active civic position); projective methodology "Civic identity" (the methodology studies the significant values of civil society on seven scales). It was found that the educational and regional characteristics of the studied groups of students have an impact on the level of trust and civic characteristics of Russian student youth.

Keywords: level of trust, civil society, civic position, adoption of standards

For citation: Akimova, M.K. and Persiyantseva, S.V. (2021), "The relationship of trust with indicators of civic position", *RSUH/RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, no. 2, pp. 147–157, DOI: 10.28995/2073-6398-2021-2-147-157

Введение

Психическое развитие человека представляет собой усвоение нормативов, предъявляемых к нему социумом, а отношение к нормативам опосредовано как внешними, социокультурными условиями (регион проживания, особенности взаимодействия в образовательных и профессиональных группах и пр.), так и внутренними условиями (проявлением личностной избирательности и активности в процессе освоения групповых нормативов – нормативопринятием) [Акимова, Горбачева 2013; Акимова, Персиянцева 2019].

Одним из главных механизмов, создающих социальное единство и эффективное функционирование как социальных учреждений, так и общества в целом, является накопленное в обществе доверие. Доверие – это важнейший показатель взаимоотношений между людьми и разными социальными группами, их сплоченности, согласия. Это основа общественного прогресса, социально-психологическая характеристика для оценки качества и эффективности социальных сетей, отражающая гуманистические принципы отношений между людьми и группами.

Другим важнейшим механизмом, базисом социальной сплоченности и эффективного функционирования общества, обеспечивающим готовность соблюдать общие интересы, способствующим не только адаптации к социуму, но и эффективной самореализации в нем, является идентичность. В традициях психологии рассматривать идентичность как ядро личности, внутреннюю сущность, тесно связанную с ценностно-смысловой сферой и обладающую рядом особенностей, которые отличают ее от других сущностей [Frankl 1985]. Один из типов стратегий формирования идентичности состоит в определении своей принадлежности к какой-то группе (коллективная идентичность). При этом отнесение себя к «своей» группе одновременно означает и определение группы «других». Идентичность выступает посредником между уникальностью человека и группой или обществом в целом.

Одним из видов коллективной идентичности является гражданская идентичность, которую можно рассматривать как осознание принадлежности к структурам гражданского общества, опирающееся на единые ценности, на значимый смысл группового объединения на основе ценностей гражданского общества. Именно единство ценностей цементирует людей, объединяет их в единую гражданскую общность независимо от их национальности, религии, профессии. Гражданская идентичность носит транскультурный, трансконфессиональный и транснациональный характер, поэтому ее относят к цивилизационным идентичностям [Тлеуж

2010; Huntington 1993]. Гражданская идентичность подразумевает самоопределение индивида как гражданина в глобальном геополитическом пространстве, как члена гражданского общества. Вместе с тем, гражданская идентичность – это не только отождествление себя со своими согражданами, но и представление о данном сообществе и сопутствующие ему оценки и чувства (гордость, уважение, доверие) [Даниленко 2000]. Гражданское общество – это союз граждан, понимающих свою ответственность за себя, свои семьи, страну. Им не свойственны застой мысли, иждивенчество, паразитизм. Их отличает рефлексивно-критическое отношение к миру и активная жизненная позиция при соблюдении баланса личных и общественных интересов. Можно предположить, что доверие к людям как представителям сообщества, возникающее в результате анализа их характеристик и позитивных оценок, лежит в основе гражданской идентичности. Без доверия к людям невозможно даже символическое соотнесение с ними, включение себя в сообщество людей. Мы считаем, что доверие является базой гражданской идентичности.

Как известно, личностное развитие происходит в результате социализации, протекающей под влиянием социокультурной среды, которую нельзя считать универсальной. Условия социализации отличаются гетерогенностью. В нашем исследовании в качестве средовых переменных, дифференцирующих индивидов, использовались регион проживания и особенности вузов. Регион проживания – это различающиеся уровнем урбанизации и социокультурными особенностями города (мегаполис – Москва, областной город – Калуга и малый город – Орехово-Зуево). Среди особенностей вузов рассматривались: наличие в вузе студенческого самоуправления и волонтерских объединений, вариативность образовательных программ и направленности проводимых воспитательных мероприятий, культурное разнообразие внутривузовской среды (приглашение членов общественных организаций, известных деятелей культуры, лидеров общественного мнения и др.).

Поскольку между психологическими составляющими личности могут быть разнообразные и сложные отношения, содержание и структура индивидуально-личностных черт будут различаться в зависимости от региональных и образовательных условий индивидов, что найдет отражение в их индивидуальных и групповых вариантах личностного развития.

Эмпирической проверке подлежала следующая общая гипотеза: образовательные и региональные характеристики изучаемых групп окажут влияние на выраженность и соотношение доверия и гражданских характеристик их представителей.

Было проведено исследование по выявлению особенностей и вариативности личностного развития молодежи, обучающейся в разных региональных образовательных средах.

В исследовании участвовали студенты, обучающиеся в различающихся уровнем урбанизации и социокультурными особенностями региональных образовательных средах (г. Москва, г. Калуга и г. Орехово-Зуево), возраст участников исследования M=18,59; SD=1,34, диапазон от 18 лет до 21 года. Численность групп: московская 71 чел., калужская 98 чел., орехово-зуевская 83 чел.

Методики

Были использованы следующие методики нормативной диагностики: Опросник доверительных отношений (автор М.К. Акимова), Опросник гражданской идентичности, в котором выделены две шкалы – отношения к нормам гражданского общества и активной гражданской позиции (автор Т.А. Сысоева); проективная методика «Гражданская идентичность» (авторы М.К. Акимова, Е.И. Горбачева, С.В. Персиянцева, Т.А. Сысоева, С.А. Ярошевская).

Опросник доверительных отношений состоит из нескольких субшкал:

1. Позитивные представления о людях;
2. Польза от доверительных отношений с людьми;
3. Позитивное представление о государственных и общественных институтах;
4. Доверие к себе;
5. Осторожность как следствие недоверия и представления о человеческой изменчивости [Акимова, Горбачева 2013].

В проективной методике «Гражданская идентичность» стимулы представлены в виде 27 рисунков с изображением разнообразных житейских ситуаций, отношение к которым и их интерпретация позволяют оценивать принятие/непринятие ценностей гражданского общества [Акимова 2013]. На переднем плане каждой картинки нарисованы два персонажа, один из которых произносит слова, оценивающие или комментирующие изображенные ситуации. С другим персонажем субъект должен себя идентифицировать и высказать свою реакцию на слова собеседника или увиденную ситуацию. За каждый ответ можно было получить от (- 2) до 2 баллов в зависимости от активности занимаемой позиции, ее морально-правовой или прагматической, позитивной или негативной оценки, попыток трактовать и объяснять свое отношение к ситуации. Задания методики распределены по 7 шкалам, объединяющим ситуации, в которых обнаруживаются

следующие ценности гражданского общества: права этнических меньшинств, права сексуальных меньшинств, политические права, либеральные ценности, права обездоленных (милосердие), права лиц с ограниченными возможностями, отношение к России. При обработке подсчитывались данные по каждой шкале и общий показатель, фиксирующий уровень сформированности гражданской идентичности

При анализе полученных показателей применялись следующие методы математической статистики: непараметрический критерий Манна-Уитни и метод ранговых корреляций Спирмена.

Результаты исследования и их обсуждение

В таблице 1 представлена описательная статистика по методикам, диагностирующим доверительные отношения (общий балл по опроснику), отношение к нормам гражданского общества, активность гражданской позиции и гражданскую идентичность (общий балл).

Таблица 1

Описательная статистика групп трех городов (Москвы, Калуги, Орехово-Зуева)

Город	Доверительные отношения (ОБ)		Отношение к нормам гражданского общества		Активность гражданской позиции		Гражданская идентичность	
	M	SD	M	SD	M	SD	M	SD
Москва	96,43	14,95	149,92	15,98	154,45	21,70	20,70	10,32
Калуга	102,71	18,91	117,52	15,15	107,51	18,17	11,03	9,34
Орехово-Зуево	94,35	11,06	142,57	13,91	150,50	18,05	17,11	8,97

Как видно из этой таблицы, калужане имеют заметно более высокие показатели доверительных отношений, по сравнению со студентами из Москвы и Орехово-Зуева, а москвичи и орехово-зуевцы по этим показателям сходны. Использование непараметрического статистического критерия Манна-Уитни показало значимость отмеченных различий между калужанами и москвичами, а также между калужанами и орехово-зуевцами (см. табл. 2) и незначимость различий (иначе говоря, сходство) между москвичами и орехово-зуевцами. Это можно объяснить тем, что социокультурные условия проживания и обучения в мегаполисе и малом городе не способствуют развитию доверия (как к «своим», так и к «чужим») и усиливают социальное отчуждение.

Этот факт, впрочем, не означает, что за сходными общими показателями доверительных отношений в Москве и Орехово-Зуеве стоят одни и те же причины. Для того, чтобы доказать это, мы проанализировали показатели студентов по разным шкалам опросника доверительных отношений. Выяснилось, что студенты Орехово-Зуева реже видят пользу от доверительных отношений с людьми и реже проявляют осторожность из-за недоверия к другим людям, одновременно меньше доверяют себе. Студенты московского вуза не склонны доверять государственным и общественным институтам и в большей степени доверяют себе. По всем соответствующим шкалам получены значимые различия между студентами Москвы и Орехово-Зуева. Это мы объясняем тем, что доверие к представителям общественных и государственных учреждений, в также к жителям других регионов («чужим») в малом городе формируется на почве ограниченности контактов с ними. Студенты из малого города живут замкнуто, редко посещают другие регионы и, тем более другие страны, а вуз не способствует расширению общения и взаимодействия студентов с представителями других сообществ (не приглашает на встречи представителей общественных организаций и государственных учреждений, не устраивает поездки в другие регионы России и пр.).

Таблица 2

Значимость различий показателей трех групп

	Доверительные отношения	Отношение к нормам гражданского общества	Активность гражданской позиции	Гражданская идентичность
Различия между Москвой и Калугой	Uэмп.= 567,0; p< 0,001	Uэмп.= 462,5; p< 0,001	Uэмп.= 347,0; p< 0,001	Uэмп.= 512,5; p< 0,001
Различия между Москвой и Орехово-Зуево	Uэмп.= 226,0; незнач.	Uэмп.= 217,0; p<0,02	Uэмп.= 273,0; незнач.	Uэмп.= 170,0; незнач
Различия между Калугой и Орехово-Зуево	Uэмп.= 469,50; p< 0,001	Uэмп.= 906,5; p< 0,001	Uэмп.= 420,5; p< 0,001	Uэмп.= 406,0; p< 0,001

Показатели принятия нормативов в гражданской сфере и показатели гражданской идентичности у студентов московского

вуза выше, по сравнению с их сверстниками из других региональных групп, а различия между ними и студентами Калуги высоко значимы (см. табл. 2). Различия между студентами Москвы и Орехово-Зуева значимы (p<0,02) только по отношению к нормам гражданского общества, а показатели активности гражданской позиции и гражданской идентичности практически не различаются.

Студенты из Калуги отличаются самыми низкими показателями принятия нормативов в гражданской сфере. Проанализировав шкалы методики Гражданская идентичность, мы убедились в том, что это справедливо для всех семи шкал, а различия со студентами Москвы незначимы только для шкал «Политические права» и «Права лиц с ОВЗ». Различия между студентами Калуги и Орехово-Зуева незначимы для этих же шкал, а также для шкалы «Милосердие».

Не только уровни, но и структура нормативопринятия приобретает специфические особенности в социокультурных условиях обучения и проживания в мегаполисе, областном центре и малом городе (см. табл. 3). Корреляционный анализ по Спирмену, проведенный на данных, полученных в региональных студенческих выборках, показал следующее. Если в московской выборке уровень доверительных отношений высоко коррелирует со всеми показателями гражданской позиции, то у студентов Калуги и Орехово-Зуева все аналогичные корреляции незначимы.

Как можно интерпретировать эти различия между выборкой мегаполиса и выборками провинциальных городов? У калужских и орехово-зуевских студентов нормативопринятие в сфере доверительных отношений осуществляется независимо от меры присвоения нормативов, характеризующих гражданскую направленность, вследствие чего доверительные отношения оказались не связаны с характеристиками гражданской позиции.

Таблица 3

Корреляции (Спирмен) между показателями доверительных отношений и гражданской позицией

Город	Отношение к нормам гражданского общества	Активность гражданской позиции	Гражданская идентичность
Москва	0,331; p< 0,001	0,438; p< 0,001	0,498; p< 0,001
Калуга	0,082; незнач.	0,046; незнач.	-0,015; незнач.
Орехово-Зуево	0,062; незнач.	0,157; незнач.	0,075; незнач.

В отличие от студентов из областного и малого городов, у

студентов, проживающих и обучающихся в условиях мегаполиса, наблюдаются индивидуальные варианты личностного развития, интегрирующие доверие в гражданскую активность и гражданскую идентичность и способствующие принятию норм гражданского общества. Доверительные отношения, вероятно, являются основой их гражданской позиции. Очевидно, что без доверия к другим («чужим») людям и сообществам невозможно принять их принципы существования, ценности и идеалы. У студентов провинциальных вузов наблюдается рассогласование между признанием доверия и позитивным отношением к нормам гражданского общества, стремлением реализовать свою гражданскую позицию и гражданской идентичностью. Скорее всего, доверие у этих индивидов проявляется по отношению к своим, близким, возможно, знакомым людям, и оно опирается на собственный опыт общения с ними. Возможно, они скорее готовы решать проблемы своих соотечественников, но отстаивать права любого человека, помогать ему и добиваться справедливости по отношению к гражданам других стран они не предполагают. Чувство справедливости, отношение к правам человека, к свободе, уважение достоинства личности в качестве основных гражданских ценностей студенты из провинциальных вузов рассматривают только по отношению к соотечественникам, которых они знают и которым доверяют.

Выводы

1. Выраженность доверительных отношений и показателей гражданской позиции различается в разных региональных выборках.

2. Эти характеристики подвержены также влиянию особенностей образовательных учреждений, различающихся культурным разнообразием и стандартами внутривузовской среды

3. Структура личностных характеристик, рассматриваемых в нашем исследовании (доверительные отношения и аспекты гражданской позиции), обусловлена социальной средой и различается в зависимости от региональных и образовательных особенностей.

4. У московских студентов уровень доверительных отношений является основой формирования гражданственности, а у студентов Калуги и Орехово-Зуева ее конструирование не опирается на восприятие и позитивную оценку представителей гражданского общества.

Литература

Акимова 2013 – *Акимова М.К.* Условия и факторы, влияющие на формирование феномена гражданской идентичности // Психология сознания: истоки и перспективы изучения: сборник научных статей и материалов международных чтений памяти Л.С. Выготского. Т. 1. / Под ред. В.Т. Кудрявцева. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2013. С. 72–78.

Акимова, Горбачева 2013 – *Акимова М.К., Горбачева Е.И.* Нормативный подход в диагностике: обоснование и разработка методики // Теоретическая и экспериментальная психология. 2013. Т. 6. № 2. С. 45–56.

Акимова, Персиянцева 2019 – *Акимова М.К., Персиянцева С.В.* Влияние нормативности и конкретно-ситуативных факторов на просоциальное поведение молодежи разных региональных выборок // Мир педагогики и психологии. 2019. № 9 (38). С. 118–127.

Даниленко 2000 – *Даниленко В.И.* Современный политологический словарь. М.: NotaBene, 2000.

Тлеуж 2010 – *Тлеуж А.Х.* Конструирование российской коллективной идентичности. М.: Социально-гуманитарные знания, 2010.

Frankl 1985 – *Frankl V.* Man's search for meaning. New York: Washington Square Press, 1985.

Huntington 1993 – *Huntington S.* The clash of civilizations // Foreign affairs. 1993. Vol. 72 (3). P. 22–49.

References

Akimova, M.K. (2013), "Conditions and factors influencing the formation of the phenomenon of civic identity", in Kudryavtsev, V.T. (ed.), *Psikhologiya soznaniya: istoki i perspektivy izucheniya: sbornik nauchnykh statey i mezhdunarodnykh chteniy pamyati L.S. Vygotskogo. Tom 1* [Psychology of consciousness: the origins and prospects of study: a collection of scientific articles and materials of international readings in memory of L.S. Vygotsky. Vol. 1], Rossiyskiy gosudarstvennyy gumanitarnyy universitet, Moscow, Russia, pp. 72–78.

Akimova, M.K. and Gorbacheva, E.I. (2013), "Normative approach in diagnostics: substantiation and development of methods", *Teoreticheskaya i eksperimental'naya psikhologiya*, vol. 6, no. 2, pp. 45–56.

Akimova, M.K. and Persiyantseva, S.V. (2019) "The influence of normativity and specific situational factors on the prosocial behavior of young people from different regional samples", *Mir pedagogiki i psikhologii,* vol. 9, no. 38, pp. 118–127.

Danilenko, V.I. (2000), Sovremennyy politologicheskiy slovar' [Modern political science dictionary], *NotaBene*, Moscow, Russia.

Frankl, V. (1985), *Man's search for meaning*, Washington Square Press, New York, USA.

Huntington, S. (1993), "The clash of civilizations", *Foreign affairs*, vol. 72, no. 3, pp 22–49.

Tleuzh, A.Kh. (2010), *Konstruirovaniye rossiyskoy kollektivnoy identichnosti* [Constructing Russian collective identity], Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Маргарита К. Акимова, доктор психологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; *m.k.akimova@rambler.ru*

Светлана В. Персиянцева, кандидат психологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125993, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; Психологический институт Российской академии образования, Москва, Россия; 125009, Россия, Москва, Моховая ул., д. 9, стр. 4; *perssvetlana@yandex.ru*

Information about the authors

Margarita K. Akimova, Dr. of Sci. (Psychology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; *m.k.akimova@rambler.ru*

Svetlana V. Persiyantseva, Cand. of Sci. (Psychology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; Psychological Institute of Russian Academy of Education, Moscow, Russia; bld. 9–4, Mokhovaya Street, Moscow, Russia, 125009; *perssvetlana@yandex.ru*

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
И.В. Попова

Компьютерная верстка
В.С. Гусельцева

Оригинал-макет подготовлен
в Институте психологии
им. Л.С. Выготского РГГУ

Подписано в печать .06.2021.
Формат 60×90 1/16.
Уч.-изд. л. 7,9. Усл. печ. л. 10,1.
Тираж 1050 экз. Заказ №

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125993, Москва, Миусская пл., 6
www.rggu.ru
www.knigirggu.ru